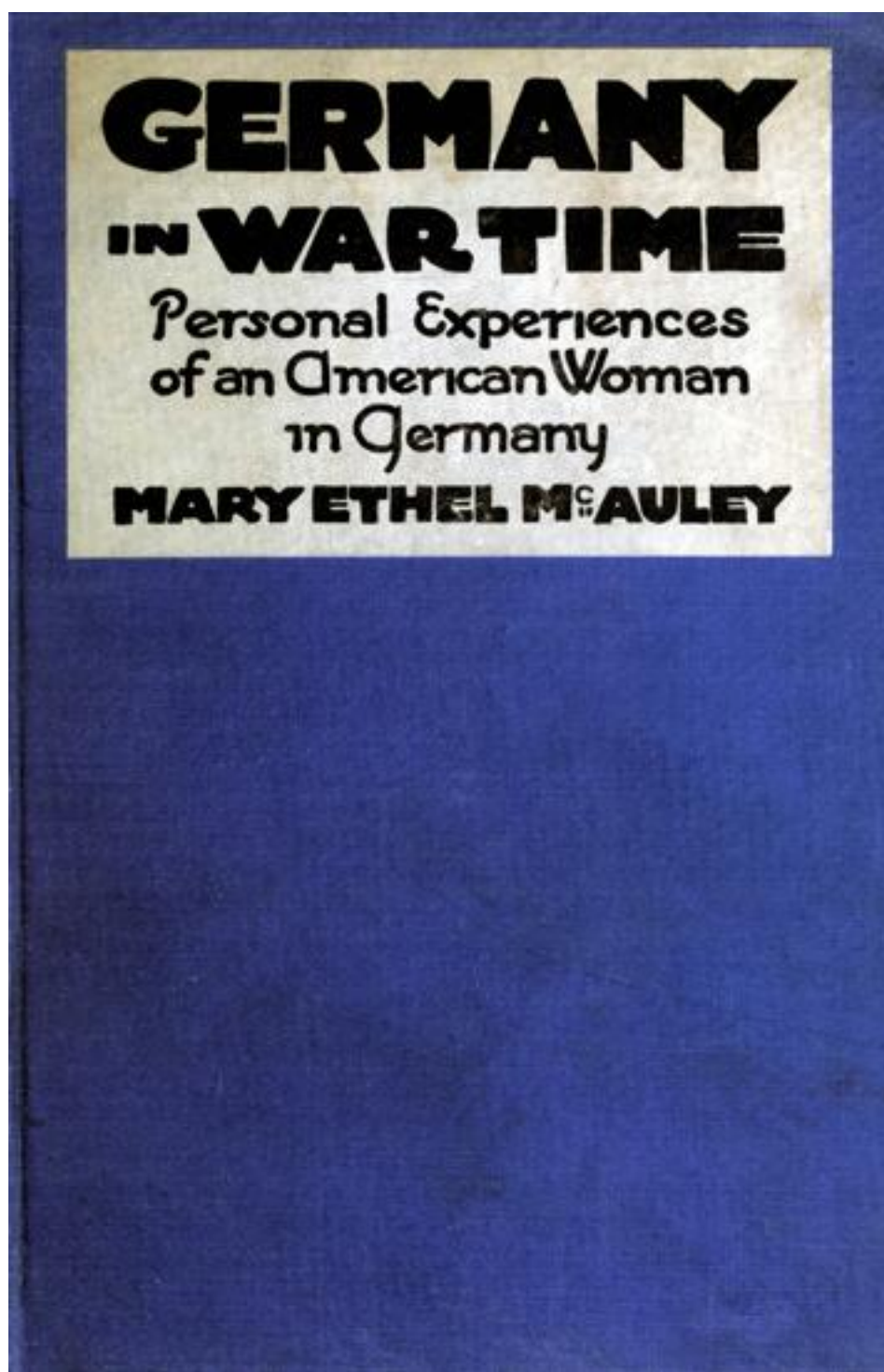

Германия во время войны. Что
увидела и услышала американская
девушка

Мэри Этель Маколи

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Германии военного времени: что увидела и слышала американская девушка

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Германия во время войны: что увидела и слышала американская девушка

Автор: Мэри Этель Маколи

Дата выхода: 3 июля 2014 г. [Электронная книга № 46186]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ГЕРМАНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ: ЧТО УВИДЕЛА И УСЛЫШАЛА АМЕРИКАНСКАЯ ДЕВУШКА" ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", Германия военного времени, Мэри Этель Маколи

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Посмотреть <https://archive.org/details/cu31924027829666>

Самый молодой заповедник Германии.

ГЕРМАНИЯ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

ЧТО УВИДЕЛА И УСЛЫШАЛА АМЕРИКАНСКАЯ ДЕВУШКА

МЭРИ ЭТЕЛЬ Маколи

ЧИКАГСКАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ " ОТКРЫТЫЙ СУД "
1917

АВТОРСКИЕ ПРАВА ПРИНАДЛЕЖАТ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ КОМПАНИИ " ОТКРЫТЫЙ СУД "
1917

ПОСВЯЩЕНИЕ
МОЕЙ МАТЕРИ, КОТОРАЯ РАЗДЕЛИЛА Со МНОЙ ИСПЫТАНИЯ ДВУХЛЕТНЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В
ГЕРМАНИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта книга - результат двух лет, проведенных в Германии во время великой войны. В ней рассказывается о том, что видела и слышала американская девушка, чей основной интерес был к искусству. Она пыталась писать без страха и благосклонности простую правду такой, какой она ей казалась.

Содержание.

СТРАНИЦА

Как попасть в Германию во время войны	1
Солдаты Берлина	7
Работницы Берлина	20
Немецкая "Sparsamkeit"	35
Еда в Германии	49
Что мы ели в Германии	62
Как Берлин развлекается во время войны	69
Талон на одежду	81
Моя пишущая машинка	88
Переезд в Берлине	93
Что читают немцы во время войны	98
Меры предосторожности против шпионов и т.д.	108
Заключенные в Германии	115
Подробная информация	128
Почта в Германии	132
"Ауслендереи"	140
Военные благотворительные организации	146
Что Германия делает для своих людей, потерпевших крушение на войне	159
Отслужат ли женщины Германии год в армии?	173
Принцессы Кайзерин и Гогенцоллернов	184
Прогулка по Берлину	196
Прогулка по гавани Гамбурга	207
Завод Круппа в Эссене	218
Мюнхен во время войны	228
Из Берлина в Вену во время войны	242
Вена во время войны	256
Солдаты Вены	267
Женщины-воительницы	279
Как относились к американцам в Германии	286
Я покидаю Германию 1 июля 1917 г.	292

ПОПАДАНИЕ В ГЕРМАНИЮ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Теперь, когда Америка и Германия находятся в состоянии войны, американец не может въехать в Германскую империю. Американцы могут покинуть страну, если пожелают, но, оказавшись на свободе, они не смогут вернуться обратно.

С первого года войны существовал только один способ попасть в Германию через Данию, и это через Варнемюнде. Покинув Копенгаген, вы долго едете на поезде, а затем садитесь на паром, который доставляет вас на маленький остров. В конце этого острова находится датская граница, где вас тщательно обыскивают, чтобы узнать, сколько еды вы пытаетесь провезти в Германию. После того, как эта граница пройдена, вы несколько часов плывете на

лодке, которая доставит вас прямо в Варнемюнде, немецкую базу высадки и знакомство с военными обычаями Германии.

Когда я ездил в Германию в октябре 1915 года, правила были не очень строгими, путешественникам нужно было только показать, что у них есть веская причина для въезда в страну, и их обыскивали — вот и все. Но за те два года, что я был в Германии все это изменилось. Теперь даже нейтральному человеку очень трудно въехать в Германию. Нейтралы должны сначала получить визу от немецкого консула в Дании. Получение виз занимает четыре дня, и вы должны сфотографироваться в шести разных позах. Кроме того, у вас должна быть законная причина для желания въехать в страну, и если в вас есть что-то наименее подозрительное, вам не выдадут разрешение на въезд.

Путешественники, въезжающие в Германию, берут с собой как можно больше еды. Вам разрешается взять с собой умеренное количество чая, кофе, мыла, консервированного молока и т.д.; девять фунтов сливочного масла и столько копченого мяса, сколько вы сможете унести. Свежее мясо запрещено, и вы должны нести его самостоятельно, поскольку в доках запрещено использовать носильщиков. Это мера предосторожности.

Масло и мясо закупаются в Копенгагене у лицензированной фирмы, где их запечатывают, и фирма отправляет посылку на судно для вас. Вы должны быть осторожны и не сломать пломбу до прохождения немецкой таможни. Датчане очень строго относятся к вывозу резиновых изделий из своей страны, и одна моя знакомая маленькая немецкая девочка так боялась, что датчане отберут у нее резиновые изделия, что надевала их в жаркий летний день.

Судно, которое доставляет пассажиров в Варнемюнде и обратно, в один день является немецким судном, а на следующий день - датским. Если вам повезет и вы отправитесь в путешествие в день, когда ходит датское судно, вы получите замечательную еду, а если вам не повезет и вы попадете в немецкий день, то получите плохую. Сойдя с корабля, вы впервые увидите немецкую *армию*, солдат на таможне.

Путешественники делятся на два класса — те, кто едет в Гамбург, и те, кто едет в Берлин. Затем солдат встает на козлы и спрашивает, есть ли в толпе кто-нибудь, у кого нет паспорта. В тот день, когда я проходил, только один человек вышел вперед. Мне стало жаль его, но он не выглядел ни в малейшей степени обескураженным. Офицер увел его. Как ни странно, четыре дня спустя мы сидели в отеле в Берлине и завтракали, когда тот же самый маленький человечек подошел и спросил, не из Питтсбурга ли мы и не приплыли ли мы на "Кристианиафьорде". Когда я сказал, что да, он заметил: "Ну, я тоже из Питтсбурга, и я приехал на "Кристианиафьорде".

- Но я не видел вас среди пассажиров, - сказал я.

"Нет, - ответил он, - я бы сказал, что нет. Я был мешком картошки в трюме. Я офицер запаса немецкой армии, и я был полон решимости вернуться воевать. Я приехал без паспорта, заявив, что я русский. Мне потребовалось три дня, чтобы устроиться в Варнемюнде, потому что у меня не было никаких документов. В тот день, когда я все уладил и уезжал в Берлин, произошла забавная вещь. Я шел по улице с офицером, когда появилась толпа русских пленных. К моему удивлению, один из парней крикнул мне: "Привет, мистер, вы тоже здесь?" И я знал этого парня. Он работал на моего отца в Америке. Когда он возвращался в Россию, его взяли в плен немцы. Мне было ужасно трудно объяснить свое знакомство властям в Варнемюнде, но я здесь, чтобы присоединиться к своему полку".

В Варнемюнде после того, как людей разделяют на группы, их отводят в большую комнату, где досматривают багаж. В то время, когда я проходил через это, нам разрешили взять с собой рукопись, но ее нужно было прочитать. Теперь ни один клочок ни письменного, ни печатного материала не может быть передан с собой, даже в виде адреса. Вся литература, которая сейчас поступает в Германию, должна быть отправлена по почте и подвергнута цензуре в виде письма.

Когда я пришел, у меня была с собой стопка записок, и я никогда не мечтал, что ее будут изучать. У меня были трудные времена с солдатом, который обыскивал меня, когда подошел офицер, прекрасно говоривший по-английски, и спросил, может ли он мне помочь. Он должен был прочитать все мои письма и бумаги, но читал так медленно, что поезд задержался на полчаса, ожидая, пока он закончит их читать. У меня ничего не отобрали, но они отобрали экземпляр "*Лондон иллюстрирует Ньюс*" у немца, который громко протестовал, размахивая руками. Это было забавно, потому что в Берлине эта газета продавалась во всех газетных киосках и в кафе. Но иногда немцы берут за правило обращаться с иностранцами лучше, чем со своими соотечественниками. Впоследствии я много раз замечал это.

После досмотра багажа людей пришлось обыскивать. Мужчинам не нужно было раздеваться, а женщин отвели в маленькую комнату, где женщины-поисковики заставили нас снять всю одежду. Они даже заставляют тебя снять обувь, трогают твои волосы и заглядывают в твой медальон. Поскольку я так долго задерживал поезд, у меня было не так много времени, чтобы одеться, и я поспешил в поезд со шляпой в руке и развязанными шнурками на ботинках. Когда поезд трогается, солдаты-поисковики выстраиваются в шеренгу и отдают ему честь. Поиски - не очень приятная работа, и когда следующей весной моя мать вернулась в Америку, не менее четырех поисковиков сказали ей, что они ненавидят это занятие и что, когда война закончится, все силы Варнемюнде придут в Америку.

Поезд должен был прибыть в Берлин в 9 часов вечера, но мы опоздали, когда остановились на станции Штеттин. Мы с трудом поймали такси, и в конце концов нам пришлось ехать в одной машине с незнакомым мужчиной, который ехал в тот же отель. В 10 часов мы были в нашем отеле на Унтер-ден-Линден. Из окна я мог любоваться липами. В кафе напротив весело мерцали огни. Полицейские перекрывали движение на узкой Фридрихштрассе. Люди были повсюду. Это не было похоже на страну, принимающую участие в великой войне.

Морские заповедники на пути к станции. Wilhelmshaven.

СОЛДАТЫ БЕРЛИНА.

Берлин - город солдат. Каждый день - день солдат. А по воскресеньям солдат даже больше, чем в будние дни. Тогда Унтер—ден-Линден, Фридрихштрассе и Тиргартен превращаются в одну бурлящую массу серых пальто - серый цвет всего и в то же время цвет ничего. Это серое поле сливается с улицами, домами и стенами, и темная одежда мирных жителей заметно выделяется на фоне этой серой массы.

Солдаты маршируют через Бранденбургские ворота.

Когда я впервые приехал в Берлин, я подумал, что это просто случайность, что там оказалось так много солдат, но армия, кажется, постоянно увеличивается — офицеры, рядовые, матросы и солдаты прямо из окопов. В течение двух лет, что я был в Берлине, эта армия оставалась прежней. Она не уменьшилась в численности и не изменилась внешне. В тот день, когда я покинул Берлин, он выглядел точно так же, как и в тот день, когда я въехал в страну. Они были кем угодно, только не счастливой группой мужчин, и все, о чем они говорили, было: "когда война закончится"; и, как каждый немец, которого я встречал за эти два года, они жаждали мира и молились о нем. Однажды в трамвае я услышал, как простой немецкий солдат сказал: "Какая нам, простым людям, разница, выиграет Германия войну или нет, за эти три года мы потеряли все". Но каждый немецкий солдат готов выполнить свой долг.

Самое замечательное в этой транзитной армии то, что все, что есть у солдат, от фуражек до обуви, новое, за исключением солдат, только что вернувшихся с фронта. И все же, как правило, это не начинающие службу новобранцы, а мужчины, которые были дома в отпуске, или мужчины, которые были ранены и теперь готовы вернуться на фронт. Полагать, что Германия исчерпала свой запас мужчин, - ошибка. Лично я знаю многих молодых немцев, которые никогда не были призваны в армию. Большинство из этих людей - это те, кто по той или иной причине не служил в армии, а немецкие военные считают, что один обученный человек стоит шести необученных мужчин, и именно обученный солдат всегда остается на поле боя. Если он был ранен, его быстро отправляют обратно на фронт. С помощью их научных методов пулевое ранение может быть полностью излечено за шесть недель.

Самая популярная почтовая открытка в Германии.

Немецкие мужчины никогда не были известными модниками, и даже в свои лучшие времена представители среднего и низшего классов выглядят очень неуклюжими и провинциальными в гражданской одежде. Вы не представляете, как форма улучшает их внешний вид. Я видел, как новобранцы маршировали к месту, где им выдают форму. На большинстве из них старая, плохо сидящая одежда, широкополые шляпы и начищенные ботинки. Они шаркают ногами, неся коробки и свертки. На их лицах странное смущение. Три часа спустя выходит та же самая группа мужчин. Это уже не те люди. У них другой огонь в

глазах, они держатся прямее, они больше не сутулятся, а идут в ногу. Форма, похоже, сделала из них новых людей. Это следует называть "трансформацией", а не единообразием.

На станции Фридрихштрассе можно сразу увидеть солдат всех мастей. Туда мужчины прибывают с фронта, иногда покрытые пылью и грязью, а однажды я видел мужчину с забрызганными кровью брюками. Простые солдаты носят все с собой. За спиной у них рюкзаки, а на поясе банки, ложки, свертки и всякие другие вещи. Эти люди постоянно носят с собой шестьдесят пять фунтов. В одной из своих сумок они носят то, что известно как их *Порция айзерна* или "железная порция". Он состоит из двух банок мяса, двух банок овощей, трех упаковок сухофруктов, молотого кофе на несколько приемов пищи и фляжки виски. Солдатам не разрешается есть эту порцию, если только они не находятся в месте, где им нельзя принести еду, и тогда им разрешается есть ее только по команде вышестоящего офицера. В полевых условиях железные порции проверяются каждый день, и любой солдат, прикоснувшийся к своей порции, подвергается суровому наказанию.

Резерв школьников. Berlin.

Очень многие солдаты имеют Железный крест второго класса, но очень редко можно увидеть крест первого класса. Крест второго класса не носится, но обозначается черно-белой лентой, продетой в петлицу. Крест первого класса носят приколотым довольно низко к сюртуку. Орден за верность - высшая награда в немецкой армии, и с начала войны их было вручено не более сотни. Это синий, белый и золотой крест, который висит на воротнике владельца. К этому украшению прилагается крупная сумма денег. Железный крест второго класса освобождает владельца от определенных налогов; а к Железному кресту первого класса причисляется пять марок ежемесячно.

Тренировочные площадки для солдат очень интересны. Большинство этих заведений огорожены, но одно в Грюневальде было открыто, и я часто ходил туда посмотреть на солдат. Получалась замечательная картинка — ровные ряды строевых на фоне высокого леса. Бойцов обычно делили на группы, капрал брал на тренировку двенадцать человек. Было забавно наблюдать, как новобранцы разучивают "гусиный шаг". Бедняги так старались, что

казалось, вот-вот взорвутся, но если они делали это не совсем правильно, их отправляли обратно, чтобы повторить все сначала. Тренеры не проявили ни малейшего сочувствия.

Однажды мы с американским парнем поехали в Потсдам. Мы стояли перед старым городским дворцом и смотрели, как тренируются новые деревенские парни. Я откровенно рассмеялся над одним бедолагой, который пытался ходить гусиным шагом. Он был таким серьезным и таким забавным, что я ничего не мог с собой поделать. Капрал подошел к нам и приказал покинуть территорию, что мы безропотно и сделали.

Солдаты покупают мороженое в Берлине. Военное новшество.

Темпельхоф, крупнейший полигон в Берлине, является штабом снабжения армии, и здесь можно увидеть сотни фургонов и автомобилей, выкрашенных в полевой серый цвет. Площадка для полетов в Йоханнесстале сейчас обнесена забором и охраняется так хорошо, что к ней нельзя подойти ближе, чем на площадь.

Рассматриваю цветные картинки в Старом книжноммагазине.

Очень интересно наблюдать за эшелонами с войсками, прибывающими с фронта. Когда я впервые приехал в Берлин, все это было для меня в новинку, и я проводил очень много времени на вокзалах. Однажды вечером, незадолго до Рождества 1915 года, в первое Рождество, когда я был в Берлине, я провел три часа на Ангальтском вокзале, наблюдая, как войска возвращаются домой. Им очень повезло, этим ребятам: шесть месяцев в окопах, а потом оказаться дома на Рождество! Это были самые счастливые люди, которых я видел на войне, если не считать людей, которые пришли их встретить.

Подбадриваю солдата на пути на фронт.

Большинство солдат были измотаны. Их одежда была грязной, рваной и мятой. Многие из них, прибывшие из России, были буквально покрыты белой пылью. Сначала я подумал, что это пекари, но когда я увидел несколько сотен из них, я изменил свое мнение. Помимо обычных принадлежностей, у каждого солдата было по дюжине или больше пакетов. Пакеты были привязаны повсюду, а у одного маленького человечка к кончику шлема был прикреплен сверток.

Маленького ребенка, лет трех, держали за калитку рядом со мной, и все это время он продолжал кричать: "Папа! *Urlaub!*" *Урлауб* - это отпуск, и когда отец наконец пришел, ребенок завизжал от восторга. Другого солдата встретили его жена и крошечный младенец. Он взял малышку на руки, и слезы покатались по его щекам. "Моя крошка, которую я никогда не видел", - сказал он.

В этот вечер солдаты пришли толпами. Все улыбались, и в перерыве между поездами мы зашли в привокзальный ресторан. За каждым столиком сидели солдат и его друзья. Одного молодого офицера встретили его родители, и он был так увлечен своей матерью, что не мог сесть, но навис над ее стулом. Была ли она счастлива? Ну, я бы так сказал!

За другим столиком сидели солдат и его возлюбленная. Им было все равно, кто их увидит, и можно ли их за это винить? Он похлопал ее по щекам и поцеловал руку.... Старик, сидевший за столом, притворился, что читает, и попытался отвернуться, но в конце концов не смог больше сдерживаться и, схватив солдата за руку, закричал: "*Мальцайт!*"

Походная посылка для немецкого солдата.

Мы вышли и увидели еще поезда и еще солдат. Рядом с нами стояла маленькая старушка. Это была бледная маленькая леди, одетая в черное. Она была так взволнована. Она напрягла зрение и вгляделась в каждое лицо в толпе. Было очень холодно, и она была тонко одета. В 12 часов начальник станции объявил, что поездов больше не будет до утра. Маленькая старушка отвернулась. Я наблюдал за ее согнутой фигурой, когда она спускалась по лестнице. Она вытаскивала свой носовой платок.

РАБОТНИЦЫ БЕРЛИНА.

Немецкие женщины заполнили ряды, освободившиеся из-за мужчин. Для них нет ничего слишком сложного, за что можно взяться, и нет ничего слишком сложного для них самих.

Бедные немецкие работницы! Никто за всю войну не страдал так, как эти бедные создания. У них отобрали людей, правительство платит им всего несколько пфеннигов в день, и теперь они должны работать, работать как мужчина, работать как лошадь.

Немецкая работница чрезвычайно способна к физическому труду. Кажется, она никогда не устает и может стоять весь день на мокром месте и в снегу. Но как жена и мать она становится избалованной. Она неизбежно становится грубой, и она с достоинством переносит толчки мужчин, которых встречает, отвечая на их колкие замечания, шутя с ними и нанося им физические удары, когда считает это необходимым. Большинству женщин, похоже, нравится эта фамильярность, которую приносит им работа на улице, и они находят это гораздо более захватывающим, чем заниматься домашним хозяйством дома.

Все великие реформы начинаются насильственным путем, и, возможно, это начало эмансипации для немецкой женщины, поскольку она начинает осознавать, на что способна, и впервые в истории империи она ведет независимое существование, ни от кого не зависящее.

Мойщик окон.

Когда только началась война, женщин брали на работу билетершами на наземных и подземных железных дорогах, а *фрау Кнайперин*, или "миссис Кнайперин". Билетный перфоратор" сидит весь день напролет под открытым небом, пробивая билеты. Летом эта работа очень приятна, но зимой ей становится очень, очень холодно, даже если она надевает толстое тяжелое пальто и толстые деревянные башмаки поверх другой обуви. Она не может надеть перчатки, потому что должна держать каждый билет в руке, чтобы пробивать жесткие доски. Она зарабатывает три марки в день.

Немецкий "Мальчик-лифтер".

Вслед за женщинами-билетершами пришли женщины-дверные ставни, и *фрау Тюршлиссерин*, или "миссис Дверной ставень", весь день находится на платформах станций, и она должна следить за тем, чтобы все двери поезда были закрыты перед отправлением. Это оживленная работа, и она должна перепрыгивать от одной двери к другой. Большинство этих женщин носят шаровары, но некоторые из них носят мужские брюки, заправленные в высокие сапоги. Все они носят кепки и значки.

Фрау Бриффтрегерин - женщина-почтальон. Это довольно приятная работа - таскать всего лишь небольшую сумку с письмами. Один из недостатков этой работы заключается в том, что она должна доставлять письма на верхний этаж каждого здания, независимо от того, есть там лифт или нет, но поскольку ни в одном немецком здании нет более пяти этажей, это не так уж плохо. Большинство "мальчиков" специальной доставки - женщины. Они носят мужские костюмы и ездят на велосипедах.

Сейчас более половины кондукторов трамваев в Германии - женщины. Большинство из этих женщин по-прежнему носят юбки, но все они носят мужские кепки и пальто. Они достаточно опытни в том, чтобы забраться на заднюю часть автомобиля и закрепить тележку, а при необходимости могут забраться на крышу автомобиля. Если машина застревает, они выходят и толкают ее, но толпа, как правило, готова им помочь. У них есть свой кошелек для чаевых, и они ожидают своих пяти пфеннигов дополнительно, как и мужчины.

Когда пришла фрау Фюрерин, или "миссис Машинист", некоторые немцы были шокированы и воскликнули: "Ну, я никогда не поеду в трамвае, которым управляет женщина. Это было бы небезопасно." Сейчас об этом никто ничего не думает, и с женщинами происходит не больше несчастных случаев, чем с мужчинами. Некоторые из этих женщин являются маленькие кусочки вещей, и одна удивляется, что у них есть сила, чтобы выдержать весь день. У большинства из них такой вид, словно это действует на нервы. Они зарабатывают три с половиной марки в день.

Костюм кондуктора трамвая.

Женщин-водителей такси не так уж много, но время от времени одна из них сворачивает за угол в поисках попутчика. Одна берлинская таксистка - довольно пожилая дама. Мужчины-таксисты завидуют женщинам, потому что женщины получают лучшие чаевые. Женщин-таксистов немного. У одной молодой женщины-водителя цельный кожаный костюм с обтягивающими бриджами и шапочка-авиатор. Женщины также водят почтовые фургоны, и женщины ходят от магазина к магазину, моют витрины. Фрау Фенстерпуцерин или "миссис Мойщик окон" таскает с собой тяжелую лестницу. Задача не из легких.

В Мюнхене всегда были женщины-уборщицы улиц и сменщики, но теперь они есть и в Берлине. Они работают группами, подметая грязь и увозя ее на тачках. Незадолго до моего отъезда из Берлина я увидел женщину, которая прикрепляла счета к круглым рекламным столбам. Она, похоже, не была экспертом в обращении с пастой, потому что разбрасывала ее так, что приближаться к ней было опасно. В прошлом году у них были женщины-ходоки по рельсам, и они ходили по шпалам, проверяя, безопасны ли рельсы. Они одеваются в синее и носят маленькие железные трости.

Знаменитый "Таксист" в Берлине.

Раскопки для новой подземной железной дороги под Фридрихштрассе производили женщины, а половина бригад, работающих на железнодорожных путях, - женщины. Они прикручивают болты и распиливают железные направляющие. Во всех магазинах женщины работают лифтершами, и в большинстве крупных универмагов женщины проверяют зонтики, посылки, собак и — зажженные сигары! В большинстве магазинов есть женщины, которые ходят по полу. Большинство повозок управляют женщины, и они перевозят самые тяжелые посылки.

Все газеты в Берлине продают женщины, и они развозят их в детских колясках. На разных товарных станциях можно увидеть женщин, загружающих сено и солому в вагоны. Они

орудуют вилами с такой же легкостью, как и мужчины, и с гораздо большим изяществом. Многие "кондукторы" в поездах - женщины, и некоторые проводники поездов - женщины. Большинство считывателей газовых счетчиков - женщины, другие женщины помогают чинить телефонные провода, третьи - устанавливать телефоны.

Есть несколько *фрау Шорнштайнфегерин*, или "миссис Трубочист", но работа трубочиста не привлекает большинство женщин. Эти женщины носят брюки и облегающую шапочку. Они взбираются на крыши домов, и от них летит сажа, а цемент с грохотом стекает в дымоход. У них в руках длинные веревки, с помощью которых они поднимают и опускают свои кисти.

Уборка улиц в Берлине.

Фрау Клемпнермейстерин, или "госпожа мастер-жестянщик", ремонтирует крыши. Конечно, она носит брюки, чтобы легче было лазать. Большинство женщин, которые занимаются такой случайной работой, - это те, у чьих мужей до войны было то же самое. Многие другие женщины работают в парках, подстригая траву и поливая цветы. На рынках женщины надевают на ваши туфли резиновые каблуки, пока вы ждете.

Большинством молочных вагонов управляют девушки, а женщины помогают доставлять уголь. В Германии нет угольных лотков, и уголь переносят из вагона в дом. Это действительно ужасная работа для женщины. Несколько женщин работают на тележках с золой, другие - "ледяные люди", а третьи строят дома.

Почти все работники по производству боеприпасов в Германии - женщины, и им очень высоко платят за эту работу. Большинство из них получают от 40 до 50 долларов в месяц - заработная плата, ранее неизвестная работающим женщинам. Доктор Гертруда Баумер, известная немецкая писательница и поселенческая работница, рассказала мне, что снаряды, изготовленные на одной фабрике, весили восемьдесят фунтов каждый и что каждый день работающие женщины поднимали тридцать шесть таких снарядов. Женщины также заняты полировкой раковин.

За работницами на заводах по производству боеприпасов очень пристально следят, и если работа им не по душе, их увольняют и находят другую работу. Санитарные условия на этих

заводах очень хорошие, они почти огнестойкие, и на них не бывает ужасных пожаров. Действительно, в Германии очень мало пожаров.

У них в Берлине есть то, что известно как *Nationaler Frauendienst*, или "Национальная женская служба", и это организация по оказанию помощи бедным женщинам Германии во время войны. Доктор Гертруда Баумер - президент этой организации, и она также является одним из самых ярых сторонников годичной службы в армии для немецких женщин.

Кондуктор Берлинского трамвая.

Это общество находит работу для женщин и предоставляет ее женщинам, у которых есть маленькие дети и которые не могут выйти из дома. Женщины, которые шьют дома, изготавливают мешки для защиты от песка, а также чехлы для шлемов из серой ткани. Эти чехлы не позволяют врагу увидеть блестящий металл шлема. Если женщина больна и не

может работать, общество заботится о ней до тех пор, пока ей не станет лучше и она снова сможет работать. У них также есть талоны на питание, которые они раздают бедным.

Показания газового счетчика.

Шофер.

Пенсионные графики составляются разными обществами, и пока неизвестно, какой из них утвердит правительство; в настоящее время каждой женщине, муж которой находится на войне, выплачивается определенная сумма для себя и детей. Для женщин, которые в настоящее время являются вдовами, пенсия определяется в соответствии с воинским званием мужа. Например, вдова простого солдата получает 300 марок в год. Если у нее есть один ребенок, она получает 568 баллов и так далее, увеличиваясь в зависимости от количества детей, за четырех детей она получает 1072 балла. Вдова унтер-офицера, капрала или сержанта, получает немного больше, а вдова лейтенанта получает более чем в два раза больше, чем вдова простого солдата. Вдова генерал-майора получает 3246 марок в год. Когда у нее появляются дети, она получает совсем немного больше, потому что, когда мужчина дослужился до звания генерал-майора, есть вероятность, что он стар, а его дети выросли и способны позаботиться о себе сами.

Рытье туннеля для новой подземной железной дороги в Берлине.

Эти графики также зависят от количества лет, которые человек прослужил в армии, и они пытаются принять новый законопроект, который требует, чтобы пенсии определялись зарплатой, которую человек имел до войны. Если покойный заработал себе хорошую должность в 1000 марок в месяц, то его семья должна была иметь больше, чем семья человека, который мог зарабатывать только 300 марок в месяц.

В нынешнем виде для раненых рядовой, потерявший ногу, получает 1368 марок в год, лейтенант - 4851 марку в год, а генерал - 10 332 марки в год.

Уход за деревьями.

У них в Германии есть организация "Голоса за женщин", насчитывающая 600 000 членов, но пройдут годы, прежде чем это дойдет до чего-либо, потому что немецкие женщины очень медленно действуют и думают самостоятельно.

GERMAN "SPARSAMKEIT."

Когда началась блокада Германии, никто не верил, что она сможет продержаться без поставок из внешнего мира; что через короткое время ее народ будет голодать и что у нее закончится сырье. За несколько месяцев до объявления блокады Германия отгрузила в свои порты столько хлопка, меди, каучука и продовольствия, сколько было возможно. После начала блокады много товаров было доставлено из Голландии и Скандинавии. С самых первых дней войны Германия приступила к использованию всего, что было у нее под рукой, и ее лозунгом, обращенным к своему народу, было "ничего не тратить впустую".

Сбор вишневых косточек для приготовления масла.

Первым сбором материалов в Германии была коллекция металла, и это произошло осенью 1915 года, сразу после того, как я приехал в Берлин. Этот сбор распространился по всей Германии и проходил в разных частях в разное время. Каждая семья получила печатное уведомление о вещах, которые должны быть переданы государству. Это был длинный список, но главным в нем были медные дверцы духовки. Поскольку почти в каждой комнате в Германии есть печь с двумя такими дверцами шириной около фута и высотой в три четверти фута, вы можете получить некоторое представление о том, сколько материала было использовано в этой коллекции. Начиная с этой коллекции, двери были заменены на железные, которые выглядят далеко не так красиво. Были собраны все виды медных горшков и чайников, но по специальным разрешениям людям разрешалось хранить свои семейные реликвии. За все платили по весу, художественная ценность не принималась в расчет. Для хранения этой коллекции были арендованы свободные склады, и люди должны были приносить вещи туда.

В некоторых городах люди охотно отказались от медных крыш своих общественных зданий. Медные крыши всегда были очень популярны в Германии. В Берлине крыша дворца, кафедрального собора и здания Рейхстага сделана из меди, а в Дрездене крыши всех королевских зданий сделаны из меди.

Мой друг-католик однажды в воскресенье, незадолго до моего отъезда из Берлина, пошел в церковь. Перед началом службы, как только священник взошел на кафедру, зазвонили церковные колокола. Когда они остановились, священник объявил, что это последний раз, когда звонят колокола, потому что они должны быть переданы в коллекцию металла. Люди начали плакать, когда священник продолжил, и прежде чем он закончил, многие громко зарыдали. Плакали даже мужчины. Моя подруга сказала, что это было самое впечатляющее зрелище, которое она когда-либо видела.

В той первой коллекции меди они собрали достаточно металла, чтобы прослужить несколько лет, но если потребуется вторая коллекция, они могут взять латунные дверные ручки, которые очень большие и тяжелые. Все дверные ручки в Германии сделаны из латуни, а для этого потребовалось бы огромное количество металла.

Женщины Собирают старые бумаги.

В апреле 1917 года они провели инвентаризацию всего алюминия в империи. Люди должны были присылать списки того, что у них было. Посуда не была собрана, но от нее можно было отказаться в любое время, когда этого захочет правительство. Алюминий будет использоваться для зарабатывания денег. Долгое время у них были железные изделия стоимостью 5 и 10 пфеннигов, а теперь у них есть изделия стоимостью 1 пфенниг, сделанные из алюминия. В Лейпциге и Дрездене есть бумажные монеты достоинством в 50 пфеннигов, скоро они появятся и в Берлине. До того, как зимой 1915 года были изготовлены железные деньги, мелочь была очень редкостью. Владельцы магазинов предпочли бы, чтобы вы не покупали, чем отдали вам всю свою мелочь. В то время в Турции также было так мало мелочи, что люди часами стояли в очереди, чтобы получить ее. Причина дефицита в Германии заключается в том, что немецкие солдаты унесли его с собой на завоеванные земли, где немецкие деньги используются так же, как и местные. В Германии мы использовали и до сих пор используем почтовые марки для мелочи, но это очень неудовлетворительно, поскольку при обращении с ними они сильно пачкаются.

Женщины Собирают старые бумаги.

В Германии никогда не прекращается сбор старой бумаги. По всему Берлину есть места, где эту бумагу собирают и продают, и женщины работают весь день, доставляя ее. Покупается любая старая бумага, книги, журналы и газеты. Все должно быть доставлено в целости и сохранности, и за это заплачена хорошая цена.

Еще одна постоянно пополняемая коллекция - коллекция фруктовых косточек. Они собирают вишневые косточки, персиковые косточки, сливовые косточки, а также косточки яблок и груш. Эти сборы проводятся в государственных школах, и по всему Берлину можно увидеть красивые плакаты "Отправьте камни в школу вместе со своими детьми". Семена используются для приготовления жира и растительного масла.

Все гадали, что они собираются делать, когда объявили, что за каждую партию чертополоха будут платить четырнадцать марок. Но из чертополоха делают ткань. Из волос также делают ткань. Кофейную гущу также собирают, но не решено, как ее использовать.

Когда летом переводят часы, это значительно экономит бензин, и с первого января 1917 года все магазины должны закрываться в 7 часов вместо 8. Запрещена любая реклама с электрическим освещением, а все театры и общественные места закрываются раньше.

В городе Ганновер из-за нехватки воды воду отключили в ваннных комнатах, и никто не может принять ванну. В Копенгагене тоже не хватает воды, и когда я был там, воду по всему городу отключали между двумя и четырьмя часами дня.

Предстоящей зимой людей будут всячески призывать экономить уголь и, по возможности, отапливать только одно или два помещения. У них много угля, но нет возможности доставить его, и прошлой зимой людям пришлось самим спускаться на товарные станции и забирать уголь. Я часто видел красивых дам, которые везли уголь в детских колясках. Детские коляски используются для перевозки всего, и они очень практичны.

Экономится бумага во всех отношениях, особенно оберточная. У каждой женщины есть своя сумка для булочек, и когда она идет в пекарню за булочками, она берет ее с собой. Я видела

мужчин, которые покупали булочки в магазинах, и у них почти всегда был с собой собственный бумажный пакет. Хлеб заворачивается просто в серединку буханки, и если вы не возьмете с собой собственную сумку для яиц, вам придется нести их домой в руках.

На рынках ничего не заворачивают. У каждой немки есть то, что она называет *Tasche*. Это черная сумка с ручками, и ее предпочитают использовать вместо корзины. Все, что покупается на рынке, кладут в эту сумку в развернутом виде. Если вы покупаете что-то слишком большое, чтобы положить в пакет, вам придется нести это домой в руке развернутым. Ревень переносят таким образом. Мясо сначала заворачивают в тонкий лист вощеной бумаги, а затем в газету. Везде, где это возможно, для обертывания используются газеты. В Германии мы никогда не придирались к тому, чтобы носить с собой газетный сверток, мы были рады, что получили газету. Однажды вечером моя подруга, американка, пришла переночевать ко мне, и поскольку у нас было всего два стеганых одеяла, ей пришлось взять с собой свое собственное. У нее не было бумаги, достаточно большой, чтобы завернуть одеяло, поэтому она просто несла его в руке. Люди в трамвае и на улице даже не пялились, они просто думали, что она добрая немка, которая экономит бумагу для Фатерлянда.

Собираю старые автомобильные шины.

В универмагах на маленьких упаковках не используют бечевку, а на больших упаковках бечевку завязывают только в одну сторону. Если покупкой является очень маленький предмет, например, катушка с нитками или бумага для булавок, в нее заворачивают купюру. Многие люди носят с собой оберточную бумагу, и всегда разумно иметь при себе кусок бечевки. Ни в одном из универмагов не продают ничего, что стоит меньше пяти марок, и повсюду развешаны объявления с просьбой людей брать свои покупки с собой домой. Только в одном магазине, Borchardt's grocery store, товары по-прежнему упаковываются так же красиво, как и в мирные дни, и, покупая что-либо там, вы уверены, что упаковка не будет открыта на улице. Теперь они изобрели новый вид бечевки, сделанной из дерева. Она очень прочная, но ее трудно завязать.

С самого начала войны никому в Германии не разрешалось управлять собственным автомобилем из-за нехватки резиновых шин и бензина. У всех автомобилей, выставленных в

витринах магазина, шины сделаны из цемента. Это сделано просто для того, чтобы они выглядели лучше. Все шины были переданы военным властям. Никому не разрешается ездить на велосипеде с резиновыми шинами без разрешения. Они изобрели два вида шин для замены. Один вид сделан из маленьких кожаных дисков, соединенных посередине, а другой - из спиральной проволоки. Обе эти шины рекламируются, и реклама гласит: "Не волнуйтесь, ездите на велосипеде в военное время. Приобретите кожаную дисковую шину; тогда вам не нужно разрешение".

Всему, чего не хватает в Германии, у них есть замена, и в этой области немецкой изобретательности, кажется, нет конца. У них есть заменитель молока под названием *Milfix*. Это белый порошок, который при смешивании с водой напоминает молоко. Его можно использовать в кофе или для приготовления пищи. Самое смешное в *Milfix* было то, что, когда он только появился, все его презирали, но внезапно настоящего молока почти не стало, и *Milfix* был внесен в продовольственную карточку *Lebensmittel*, и его можно было купить только в небольшом количестве. Тогда все были просто вне себя от желания заполучить хоть немного этого драгоценного материала.

Затем у них есть заменители яиц. Некоторые марки выпускаются в виде порошка, а другие - в виде желтых капсул. Они очень вкусны, когда их смешивают с одним настоящим яйцом, и из них получается очень вкусный омлет. Затем идет заменитель мяса. Оно поставляется в банках и имеет темно-коричневый цвет. Это какой-то готовый овощ. Это похоже на рубленое мясо, и говорят, что по вкусу оно как мясное. У них есть сотня различных сортов заменителей кофе, и все без исключения марки кофе-эрзац очень плохие.

Самая уникальная вещь на рынке - это "подрамник для масла". Так они его называют. Это белый порошок, и они гарантируют, что при смешивании с четвертью фунта настоящего сливочного масла он растянется до половины фунта. Мы купили немного этого масла, но у нас так и не хватило смелости попробовать его на четверти фунта настоящего сливочного масла; но многие пансионаты использовали его.

Каждый день на рынке появляется что-то новое. Одними из самых вкусных блюд были *Баттер-Брюэ* и *Шмальц-Брюэ*. Оно выпускалось в банках, половина которых состояла либо из сливочного масла, либо из свиного сала, а другая половина - из бульона. Оно было приготовлено таким образом, чтобы не попадало под карточки с маслом или с жиром. Банки весили полфунта и продавались по пять марок. Это были иностранные товары не то из Голландии, не то из Дании.

Прошлой весной на рынке появилось большое количество "ирландского рагу" в банках. Немцы стояли вокруг, недоумевая. Что же такое ирландское рагу? Никто из них не имел ни малейшего представления. Но в конце концов они купили это, потому что сказали, что если это ирландское блюдо, то оно должно быть вкусным. У них есть заменитель колбасы из рыбы. Это ужасная гадость с застарелым вкусом, который сохраняется в течение нескольких дней.

У них есть заменители кожи, резины и алкоголя. У них есть то, что они называют *таблеткой спиритуса*, и ее можно использовать в лампах. Ею пользуются солдаты в полевых условиях. Поскольку спички стоят очень дорого, у них есть небольшой приспособление из двух железных кусочков, которые при щелчке зажигают. Поскольку в Германии очень мало мыла, полы из твердых пород дерева моют оловянной стружкой. Стружку растирают по полу ногами, рабочие надевают войлочную обувь.

Коллекция меди.

Во всей Германии мыло используется очень экономно. Одежду замачивают за неделю до дня стирки и каждый день понемногу кипятят. Этот план избавляет от сильного трения, и когда одежду вынимают из воды, с нее выпадает грязь. В Германии не пользуются стиральными досками. В Берлине повсюду расклеены плакаты с надписью "Экономьте мыло". Они советуют взболтать мыло в горячей воде и никогда не оставлять его лежать в воде, а всегда хранить в сухом месте.

Большинство магазинов продают только одну катушку мулине для вышивания одному человеку за раз. Если вам нужна вторая катушка, вы должны прийти на следующий день. Это

ограничение очень тяжело для немецкой женщины, которая любит делать необычную работу.

Мы сохранили все. Когда мы варили картофель, воду оставляли для супа или подливки. В нем было больше крепости, чем в чистой воде. Мы никогда не ели яйца из модных тарелок с углублениями, потому что слишком много яиц застревало в углублениях. Мы подали все из котелка прямо на тарелки, чтобы жир не пропадал зря. Многие рестораны также делали это, и то, что вы заказывали, приносили на тарелке, с которой вы ели. Очень многие люди использовали бумажные салфетки на каждый день. Это сэкономило белье и мыло. Мы никогда не выбрасывали кофейную гущу, а варили ее снова и снова. Мы не привыкли к крепкому кофе, и эта подогретая гуща была намного вкуснее, чем *эрзац-кофе*.

Некоторые люди готовят ботву ревеня так же, как вы готовите шпинат. Из нее получается очень вкусный овощ. Мы отделили стручки от свежего горошка, очистили их и приготовили вместе с горошком. Они действительно вкусные. Это хорошо известное польское блюдо. В первый год нашего пребывания в Берлине мы смогли достать кукурузный крахмал и использовали его для загущения продуктов вместо муки.

Одной из самых забавных вещей было то, что вы не могли купить апельсин, если не купили лимон. Это работало двумя способами. Апельсины были спасены, а владельцы магазинов избавились от лимонов. Я никогда не видел ничего подобного количеству лимонов в Германии — миллионы лимонов повсюду. Лимоны, редис и лук - вот три вещи, которые вы могли купить в любое время без карточки и без очереди.

После войны были напечатаны сотни военных кулинарных книг. Как правило, они очень практичны и дают отличные рецепты приготовления пирогов без масла, яиц и даже муки, используя вместо них овсянку. Они рассказывают, как приготовить суп из слив, яблок, груш, лука и рыбы. И они содержат меню с рекомендациями, что есть в постные дни. Они избавляют озадаченную домохозяйку от лишних забот.

Прошрое Рождество в Германии было известно как Рождество одной свечи, и на большинстве рождественских елок горел только один огонек наверху. Никто не имеет ни малейшего представления о тех огромных жертвах, на которые идут эти люди ради своей страны.

ЕДА В ГЕРМАНИИ.

В Германии мне иногда приходилось заходить в три или четыре разных магазина, прежде чем я мог купить катушку шелковых ниток. Кожа стоит так дорого, что этой зимой только бургер высшего класса сможет носить обувь из настоящей кожи, а крахмал стоит двадцать марок за фунт. Но, в конце концов, ни один немец не пойдет на работу с пустым обеденным ведерком.

Продовольственная комиссия Германии - самая жуткая вещь во всем мире. Как по волшебству, он создает замену любому дефицитному предмету, в нем все продумано так, что провизия должна распределяться пропорционально каждую неделю и именно столько, сколько получит каждый человек, поскольку в Германии не все получают одинаковое количество еды. Например, мужчина или женщина, занимающиеся физическим трудом, получают больше хлеба, чем мужчина или женщина, работающие в офисе; люди старше шестидесяти лет получают больше хлопьев, а больные люди - больше масла и яиц. Эти люди получают то, что они называют *зусатц-картами*, помимо своих обычных карточек.

Все в Германии худеют, и немецкая система питания подтверждает это избитое утверждение о том, что "мы слишком много едим", поскольку девять из каждых десяти немцев никогда в жизни не чувствовали себя так хорошо, как с тех пор, как были введены карточки. Вы чувствуете себя бодрым, активным и энергичным, и раздражение носит скорее ментальный, чем физический характер, поскольку человек постоянно думает о том, что бы поесть.

Женщина, продающая мороженое.

Те, кто действительно пострадал от блокады, - это растущие дети, и единственное, чего им не хватает и по чему они тоскуют, - это сладостей. До войны никто и не подозревал, какую важную роль играют конфеты в игре жизни. Продовольственная комиссия признает это, и очень часто шоколад и пудинги выдаются по карточкам детям младше шестнадцати лет.

В то время как цены на продукты питания стремительно растут по всему миру, цены в Германии почти упали до нормального уровня, поскольку все, что вы покупаете по карточкам, чрезвычайно дешево, и все, что хоть сколько-нибудь полезно, продается по карточкам. Все, что продается с *картой* или без карты, либо некачественно, либо настолько дорого, что обычный человек не может позволить себе купить.

Когда я впервые приехал в Германию в октябре 1915 года, там была только одна карточка, и это была хлебная. Эта карточка была разделена на секции с номерами 25, 50 и 100 граммов. В то время вся карточка составляла 2100 граммов на каждого человека каждую неделю. Позже она была уменьшена до 1900 граммов, а первого мая 1917 года - до 1600 граммов. Это последнее сокращение было смелым поступком со стороны хлебной комиссии в это время — в один из худших месяцев года перед поступлением зеленых овощей, — и в Берлине пара тысяч рабочих с фабрики собрались на Унтер-ден-Линден. Они пробыли там два часа, разбили два окна, а затем разошлись по домам, умиротворенные получением фунта мяса в неделю, все большего и большего жалования.

По хлебной карточке достаточно 50-граммовой полоски, чтобы купить булочку хорошего размера, целой карточкой, чтобы купить большую буханку черного хлеба, и половины карточки, чтобы купить маленькую буханку хлеба. После сокращения хлебной карточки в Берлине запретили печь булочки, хотя в других городах они есть. Вместо этого у них было то, что они называли белым хлебом, но оно было почти таким же черным, как и черный хлеб, и

при покупке приходилось спрашивать: "Это белый или черный хлеб?" Мне показалось, что хлеб был очень вкусным, и он был намного превосходящего качества по сравнению с тем, что я получал в Швеции, где по хлебной карточке количество граммов меньше, чем в Германии. В нижней части немецкой хлебной карточки находится талон на муку, который позволяет выбрать либо 250 граммов муки, либо 400 граммов хлеба. Я очень хорошо справлялся со своей хлебной карточкой, потому что даже когда я жил в пансионе, я сам вел свою карточку и брал хлеб с собой на стол. Когда людей приглашают на обед, они всегда берут с собой хлеб с маслом.

Магазин в Шарлоттенбурге, пригороде Берлина.

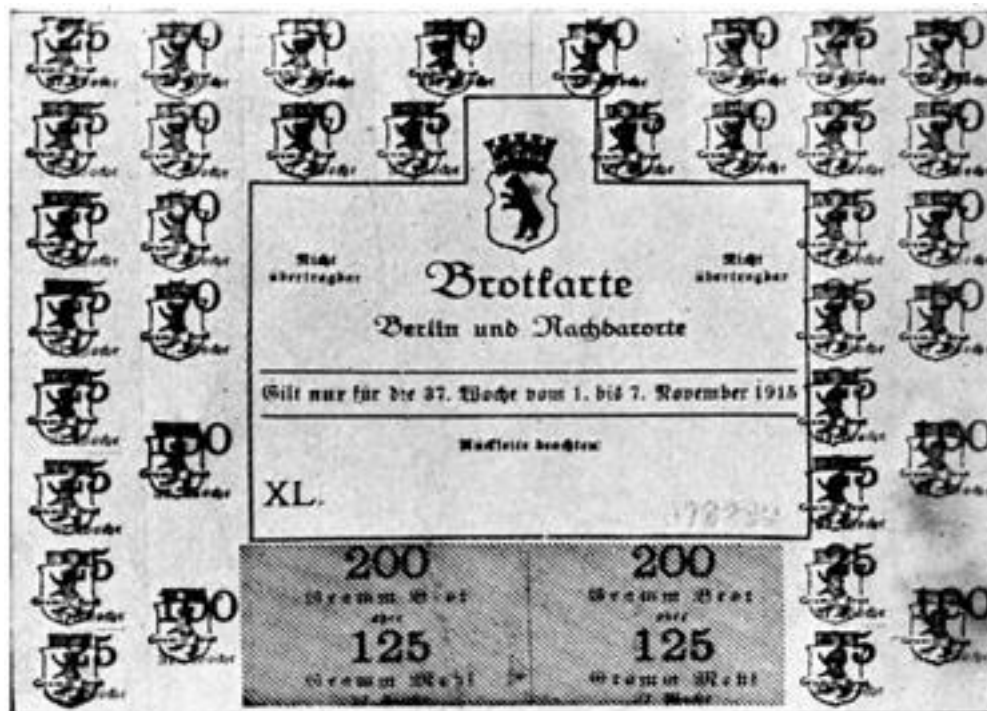
После хлебной карточки следующим ограничением в питании были два постных и обезжиренных дня в неделю. Во вторник и пятницу ни одному мяснику не разрешалось продавать мясо, и ни в каких ресторанах или пансионах не разрешалось подавать мясо. Понедельник и четверг были безжировыми днями. Мясникам не разрешалось продавать жир, а ресторанам не разрешалось готовить что-либо в жире. В среду продажа свинины была запрещена.

До Рождества других открыток не было, но в декабре масло стало дефицитным, и в магазинах продавали всего по полфунта на человека, и людям приходилось стоять в очереди, чтобы получить эти полфунта. Эти линии по производству масла контролировались полицией, и это была не шутка - стоять на морозе, чтобы купить полфунта сливочного масла. Но после Рождества быстро последовали карточки на масло, мясную карточку, молочную карточку, карточку на яйца, карточку на мыло и продуктовую карточку. Эти карточки все регламентировали и прекратили стоять в очереди за статьями.

Сначала по сливочной карточке полагалось полфунта сливочного масла в неделю, но теперь оно меняется. Тогда это была не отдельная карточка, но в центре хлебной карточки был штамп на сливочное масло. Теперь каждый человек получает либо 60 граммов сливочного масла и 30 граммов маргарина, либо 80 граммов сливочного масла. Вы должны покупать масло в определенном магазине, где вы зарегистрированы, и больше нигде его купить нельзя. Это также относится к сахару, мясу, яйцам и картофелю.

Сначала мясная карта была только для домашних покупателей, и рестораны могли подавать столько мяса, сколько им нравилось, но вскоре стало видно, что это несправедливо по отношению к людям, которые едят дома. Была выпущена карточка, разделенная на

небольшие секции, чтобы мясо можно было купить все сразу или в разное время. Первого мая 1917 года мясная карточка была увеличена вдвое, и каждый получает 750 граммов мяса вместо 500 граммов. Здесь продовольственная комиссия допустила ошибку: им следовало выдавать больше мяса в холодные месяцы и оставить больше муки на весну, но вместо этого они увеличили мясную карточку в мае и понизили хлебную.

Одна из первых хлебных карточек.

Еще одна ошибка, которую совершает продовольственная комиссия, заключается в том, что она позволяет устанавливать скандальные цены на мясо птицы. Рыбу, кур, гусей и индеек покупают без карточек, но цены настолько высоки, что мало кто может позволить себе их купить, и птицы гниют на витринах магазинов. Этих птиц не разделяют, чтобы они больше весили. Индейка или гусь среднего размера стоят от шестидесяти до ста марок, а курица - около тридцати.

Молочная карта была одной из первых, и молоко получали только больные люди и дети. Младенцы получают самое лучшее молоко, а дети постарше - самое лучшее, а после того, как их накормят, взрослые получают то, что осталось. У взрослых нет молочной карточки.

Сахарная карта разная, но каждый получает около 1½ фунта сахара в месяц. Во время консервирования людям выдают дополнительный сахар и сахарин по продуктовой карте. Картофельная карточка разная. Сначала она составляла семь фунтов в неделю на каждого человека, затем ее снизили до пяти, затем до трех, а затем снова повысили до пяти. Это была единственная карточка, по которой мы иногда не получали пособие, а когда картошки по карточкам не хватало, мы могли получить дополнительный хлеб по нашей картофельной карточке. Сначала некоторые карточки с картошкой были красными, а другие - синими. Красные карточки были хороши в понедельник, среду, пятницу и воскресенье, а синие - во вторник, четверг, субботу и воскресенье. Теперь в хлеб нельзя класть картофель.

Яичная карточка появилась летом 1916 года, и долгое время после этого в ресторанах можно было получить все яйца, какие пожелаешь, без карточки, но теперь и там нужно иметь

карточку, даже если вы заказываете омлет или *Айеркухен*, блины, которые очень любят немцы.

Карта *Lebensmittel*, или "продуктовая" карта, является очень важной картой и предназначена для покупки таких продуктов, как лапша, рис, ячмень, овсянка, макароны, белая кукурузная мука и сыр. Затем у них есть другие карточки для покупки масла, сахарина, спичек, сардин и копченой рыбы. Свежая рыба продается без карточки. Каждую неделю в витринах магазинов вывешиваются номера, сообщающие, что можно купить на этой неделе, например, "Рис под номером 13" или "Пудинг под номером 6". Это также печатается в газетах и на рекламных постах, и иногда вы должны быть зарегистрированы для получения вещей и можете купить их только в определенном магазине.

Торговец спаржей.

По первым карточкам на мыло вы могли получать каждый месяц кусок туалетного мыла, кусок хозяйственного мыла и немного мыльного порошка, но теперь каждый месяц можно получить только 50 граммов любого вида мыла и 250 граммов мыльного порошка. Мыло было одной из самых труднодоступных вещей, а кусок настоящего мыла стоит от пяти до десяти марок за кусок. Нам и в голову не приходило принимать ванну с мылом, мы наносили его только на лицо. У них есть то, что они называют "Военным мылом", и его можно использовать для рук, но если оно упадет на ваше платье, останется белое пятно. Если вы хотите сделать по-настоящему шикарный подарок кому-либо в Германии, просто пришлите кусок мыла.

Я всегда говорил, что, когда кофе в Германии закончится, немцы будут готовы заключить любой мир. Как может немец жить без кофе? Но прошлым летом кофе закончился, и вместо того, чтобы жаловаться, они стали пить *кофе-эрзац*, или "заменитель кофе", с той же страстью, с какой раньше пили настоящий кофе. Это самая ужасная гадость, которую кто-либо когда-либо пробовал, за исключением заменителя чая, который у них есть, но немцы говорят, что им это нравится. У них есть карточки на *эрзац-кофе*, и каждый человек получает по полфунта в месяц.

Летом 1916 года в кафе все еще подавали настоящий кофе с молоком и сахаром. Затем внезапно официанты начали спрашивать посетителей, желают ли они кофе черный или со сливками, а позже они спросили, хотите ли вы кофе сладкий, и поэтому они принесли его, сами добавив сахар и молоко. Чуть позже сахара не было, но были поданы два маленьких кусочка сахара, и теперь у них получается жидкая сладкая масса, которая используется. Здесь больше не подают настоящий кофе, но в большинстве ресторанов по-прежнему подают молоко. Знаменитое *Kaffee mélange*, или кофе со взбитыми сливками, было запрещено в начале войны.

Когда я уезжал из Германии, у них не было ни пивных, ни табачных карточек, но о них ходили разговоры. Пивные рестораны получают только определенное количество пива каждый день, и когда оно заканчивается, людям приходится ждать до следующего дня. В большинстве пивных подают только по два бокала на человека. В Мюнхене из-за нехватки пива некоторые пивные не открываются до 6 часов вечера, а в 4 часа мюнхенцы собираются у дверей со своими кружками в руках, терпеливо ожидая. Иногда они стучат кружками о двери в такт мелодии. Мюнхен без пива - очень печальное зрелище!

В Берлине в некоторых ресторанах пиво подают только тем, у кого есть стулья, но умных берлинцев это не смущает, и, когда они хотят пива, они приносят с собой складные стулья, и тогда у них обязательно найдется место. Запрещено варить определенные сорта марочного пива, потому что в них содержится слишком много солода и сахара. Ни одно пиво не сравнится с тем, что было в мирное время, но немцы забыли деликатесы прошлого и живут кулинарными идеалами настоящего, причмокивают губами и говорят: "Разве пиво сегодня не отличное?"

С августа 1916 по март 1917 года было запрещено продавать овощные консервы. Их запасали на весенние месяцы. Витрины магазинов были украшены стеклянными банками, наполненными самыми замечательными видами гороха, фасоли и спаржи. Мне всегда хотелось разбить окно и украсть продукты, но немцы только восхищенно смотрели на это и говорили: "Все будет хорошо, когда овощи будут освобождены".

Все, что есть на карточках, продается по установленной цене, и дилеры не осмеливаются брать ни на цент больше; регулируются даже цены на некоторые товары, которых нет на карточках. Например, этой весной никто не мог брать за вишню больше одной марки за фунт, и многим кафе пришлось снизить цены на пирожные. Полиция разыскала "Кранцлер", знаменитую кондитерскую, и ей пришлось снизить цену на все свои торты до двадцати пфеннигов за штуку.

Когда я был в Дрездене в мае 1917 года, я ел мясо слона. В зоопарке слон поранился, и его пришлось убить. Пивной ресторан купил его мясо за 7000 марок, а публике его подавали с квашеной капустой без карточки за 1,30 марки. На вкус это было как лучший сорт рубленого мяса, и ресторан был битком набит, пока держался слон.

Продовольственный вопрос стоит по всей Германии по-разному, и в Берлине, Дрездене, Гамбурге и Лейпциге его меньше, чем в других местах. Бавария, Рейнская область и Восточная Пруссия живут гораздо лучше, а в некоторых маленьких деревнях у них даже нет хлебной карточки.

Одна из самых труднодоступных вещей - это конфеты. В Берлине шоколад можно купить по шестнадцать марок за фунт, но в Дрездене он очень дешевый, потому что покупается по карточке. Конфеты покупаются по продуктовой карточке, и каждые две недели человек

получает полфунта. Очереди за конфетами - это единственные очереди, которые сейчас можно увидеть в Германии.

Одна карта, которую я забыл упомянуть, - это угольная карта, которая будет выпущена на предстоящую зиму. Дефицита угля нет, но нет людей или машин для доставки. Людям будет выдаваться на три четверти больше угля, чем они потребляли раньше.

В мирное время еда в немецком ресторане была заведомо дешевой, и за 90 пфеннигов можно было заказать суп, мясо, картофель и десерт, а в Мюнхене - за 80 пфеннигов. Сейчас в тех же ресторанах берут 1,75 марки, то есть в два раза больше; но даже тогда еда дешевле, чем в Америке. До войны в некоторых ресторанах взималась дополнительная плата, если вы не заказывали ничего из напитков, но теперь с этим покончено.

Все можно купить без карты, если вы знаете, как это сделать. Правительство всячески пытается остановить эту продажу, и хотя штраф за продажу *ohne Karte* очень велик, все равно это продолжается. Нам всегда удавалось получать продукты без карточки. Наша уборщица покупала нам кофе по 9,25 марок за фунт, наша продавщица овощей давала нам лишнюю картошку, и мы всегда могли купить яйца. По карточке яйцо стоило 30 пфеннигов, а без карточки мы платили где-то от 50 пфеннигов до 1 марки. Труднее всего было достать без карточки сахар, потому что продовольственная комиссия железной рукой следит за сахаром, но мы получали его по 2,50 марки за фунт. По карточке это было 30 пфеннигов за фунт. Говорят, что сливочное масло можно было купить по девять марок за фунт без карточки, но мы никогда не пытались его достать.

Полиция следит за тем, чтобы каждый получал свою долю еды. Если женщина забирает у нее пайки служанки, девушка может сообщить об этом в полицию, и женщину оштрафуют. В пансионе, когда картофель передается по кругу, хозяйка говорит вам, можете ли вы взять две или три картофелины или одну большую картофелину и одну маленькую картофелину. Условия питания не всегда комфортные, но продовольственная комиссия распределила продукты так, чтобы их хватило на годы.

ЧТО МЫ ЕЛИ В ГЕРМАНИИ.

Читая об ограничениях в еде, не получаешь очень четкого представления о том, что мы на самом деле ели в Германии, поэтому я составил меню, которое было возможно в апреле месяце 1917 года. Апрель, конечно, один из самых тяжелых месяцев в году, потому что он приходится как раз на то время, когда появляются зеленые овощи и заканчиваются зимние запасы. Однако в этом месяце мы могли покупать консервы, которые были запрещены в зимние месяцы, и каждому человеку разрешалось съедать по два с половиной фунта консервов в неделю.

В меню, как я уже написал, входят только те блюда, которые покупаются по карточке или без карточки, но нет запрещенных блюд, которые были куплены тайком, без карточки, как это делают все. Сюда не входят такие дорогие продукты, как курица, гусь или свежие овощи, которые есть у представителей высшего среднего класса, а также овощные консервы, фрукты и мясо, которые есть в буфете у всех немецких семей.

Когда мы вели домашнее хозяйство, мы покупали много вещей у друзей, и когда моя мать вернулась из поездки в Америку, она привезла с собой сорок фунтов мяса, бекона, ветчины и сосисок, восемнадцать фунтов масла, сахара, кофе, молочных консервов, шоколада, риса и муки. Кое-что из этого она купила в Дании, а остальное привезла из Америки. В январе 1917 года я совершил поездку в Бельгию, и хотя немцам разрешалось вывозить из Бельгии только

десять фунтов продуктов, у нас были специальные разрешения, и я привез обратно много еды. У большинства людей были нечестные способы добывать вещи, и все мы были настолько нечестны, насколько у нас был шанс быть такими.

Ничего не разрешалось отправлять из Польши в Германию, но одна моя знакомая полька поехала домой в Варшаву и, перейдя границу, "сбила" мужчину, который покупает "вошки билеты". Вы не можете отправиться из Варшавы в Берлин, если не предъявите билет, в котором указано, что вы не вшивый. Мать девочки из Варшавы отправила "вшивому солдату" еду, а он передал ее в Берлин. Однажды солдат приехал в Берлин в отпуск и зашел к польской девушке. Он был ужасного вида, но ему подали самый лучший обед.

В апреле у нас все еще было 1900 граммов хлеба, но я составил меню из 1600 граммов, как сейчас. Тысяча шестьсот граммов хлеба - это 32 ломтика по 50 граммов каждый, но я позволяю себе пять ломтиков хлеба в день, потому что хлеб на ужин всегда нарезался тонко и часто весил всего 40 граммов. В большинстве семей хлеб взвешивали для каждого человека, а затем каждый получал свою долю. Люди, которые ели в ресторанах, всегда следили за своим рационом хлеба, поскольку официанты были склонны приносить короткие гири. Если вы сомневались, достаточно ли вы получаете в ресторане, вы могли потребовать, чтобы перед вами взвесили хлеб. Иногда это приводило к большим неприятностям, и часто возникали скандалы.

Мы съедали пять фунтов картофеля в неделю. Получается 2500 граммов, а в меню я разрешила употреблять по 300 граммов картофеля семь раз в неделю. Поскольку получается всего 2100 граммов, остается 400 граммов для пилингов. Омлет для меню понедельника можно приготовить из настоящих яиц, но блинчики для воскресенья придется готовить из заменителя яиц.

Поскольку у нас было 750 граммов мяса в неделю, я разрешаю по 130 граммов четыре раза в неделю, что составляет 520 граммов, и остается 230 граммов на колбасу. *Graupen*, о котором я упоминал, - это крупная крупная перловка, и когда я говорю о репе, я имею в виду то, что они называют *Кольрюбеном* — мы иногда называем это брюквой. Мы постоянно ели этот овощ весной 1917 года. Большинство людей ненавидели его, но он прекрасно заполнял пространство. Им почти полностью кормили собак. Когда я был в Дрездене, я пошел в зоопарк, и там продавались упаковки моркови и *Кольрюбена* для кормления обезьян. Обезьяны были голодны и проглотили морковь, но наотрез отказались есть *Кольрюбен*, а когда им протянули кусочек, с отвращением бросили его.

Это меню было типичным для немецкого пансиона или пансионата, где хозяйка останавливалась в пределах лимита по карточкам, потому что блюда по карточкам были дешевыми. На завтрак у нас всегда было одно и то же — заменитель кофе, два куса хлеба, четыре раза в неделю по два куса сахара и три раза сахарин, четыре раза в неделю сливочное масло и три раза джем. Даже в мирное время немцы едят на завтрак только кофе и булочки. В 11 часов у них был второй завтрак, который иногда состоял из овсянки с солью и время от времени кусочка хлеба с джемом, тогда они не могли съесть так много на ужин. Во второй половине дня, в 4 часа, у них всегда есть заменитель кофе и пирог, который обычно готовят без яиц или масла, а иногда и без муки, используя в качестве муки овсянку или белую кукурузную муку.

ОБЕД

Бульон

.

ПОНЕДЕЛЬНИКАМ

3 куса хлеба.

300 г картофеля, запеченного с грибами и молоком.

Морковный салат.

Белая кукурузная мука с фруктовым соком.

Вино.

ВО ВТОРНИК

суп из коричневой муки.

130 грамм говядины.

300 грамм картофеля.

Консервированная фасоль. Пирог.

вино.

ПО СРЕДАМ

суп с лапшой.

рыбой.

300 граммов картофеля.

обжаренная репа.

с желатином.

Вино с маслом.

четвергам

.

130 грамм телятины.

рис. Консервированный горошек.

.

вино.

ПЯТНИЧНЫЙ

овощной суп.

Граупен с компотом из фруктов.

со спаржей.

Шоколадный пудинг.

Вино с маслом.

СУББОТНИЙ

суп из спаржи.

130 грамм свинины.

300 г картофеля.

Тушеные сушеные яблоки.

Пудинг.

Вино.

ВОСКРЕСНЫЙ

62½ грамма колбасы.

Омлет. Спаржа.

Соленые огурцы. Сало вместо сливочного масла.

Чай или пиво.

3 куска хлеба.

300 грамм картофеля

Сушеная рыба. Тушеный лук

Чай. Пиво. Мармеладное

3 куска хлеба с

62½ грамма колбасы

300 грамм картофеля

Граупен с бульоном

Редис.

Чай. Луковый суп с пивом

3 куска хлеба

Бульонный

Кекс из консервированного шпината с 1 яйцом

Редис

Чай. Пивной

3 куска хлеба

300 грамм картофеля

Сардины

Овощной салат.

Чай. Пивной

3 куска хлеба

Макароны с сыром

Салат из репы

Мармеладный

Маринованные огурцы,

Чай.

сливовый суп с пивом.

130 грамм говядины.

300 грамм картофеля.

с репой.

Лимонный пудинг с редисом.

Вино

3 куска хлеба

Бульон

Яичный блинчик с клюквенной начинкой

Сливочное масло.

Чай. Пиво

После войны было напечатано много военных кулинарных книг, и в этих книгах содержатся рецепты блюд, которые можно приготовить из продуктов, которые сейчас доступны в Германии. Некоторые из этих рецептов очень хороши, а некоторые просто ужасны. Я приведу вам некоторые из наиболее часто используемых и популярных.

ПИВНОЙ СУП.

2 литра пива довести до кипения.

1 яйцо хорошо взбить.

2 столовые ложки сахара.

Муку взбить до загустения.

Вскипятите и подавайте горячей.

СЛИВОВЫЙ СУП.

½ фунта слив отварите в литре воды и процедите.

2 столовые ложки сахара.

½ стакана овсяных хлопьев.

Отварите и подавайте холодным.

ЯБЛОЧНЫЙ СУП.

3 чашки яблочного соуса с сахаром.

2 бульонных кубика.

3 стакана воды.

Вскипятите и подавайте горячим.

(Грушевый суп готовится таким же образом.)

ЛУКОВЫЙ СУП.

6 крупных луковиц отварите и пропустите через дуршлаг.

2 бульонных кубика.

1 литр воды.

Муку взбить до загустения.

Вскипятите и подавайте горячей.

КАРТОФЕЛЬНО-КАПУСТНЫЙ ПУДИНГ.

(Используется как заменитель мяса.)

1 кочан капусты варить тридцать минут.

6 нарезанных картофелин.

Отварите все вместе до мягкости.

1 чайную ложку свиного сала разогрейте и всыпьте муку до образования коричневой подливки. Посолите и поперчите. Перемешайте с картофелем и капустой и подавайте горячими.

ЗАПЕЧЕННЫЕ ОВОЩИ.

½ кочана капусты.

½ брюквы нарезать ломтиками.

4 картофелины нарезать ломтиками.

2 бульонных кубика, муку для загущения и приправу.

Смешайте и запекайте в духовке в течение часа.

ГОЛУБЦЫ.

1 кочан капусты варить полчаса.

1 стакан рубленого мяса, обжаренного в жире.

Капусту разрезать на четвертинки, вынув сердцевину.

Заполните образовавшееся пространство мясом.

Запекайте в духовке десять минут и подавайте горячим.

ОГУРЦЫ С ГОРЧИЧНЫМ СОУСОМ.

3 больших огурца разрезать вдоль пополам и отварить.

1 литр воды, вскипяченной с горчицей по вкусу и загущенной подслащенной мукой.

Налейте горчичный соус в глубокое блюдо и выложите сверху горячие огурцы.

КАРТОФЕЛЬНЫЕ КЛЕЦКИ С КОМПОТОМ.

6 крупных сырых картофелин, натертых на терке.

1 яйцо или 2 порошкообразных заменителя яиц.

1 стакан хлеба, натертого на терке и подрумяненного.

Добавьте столько муки, чтобы она загустела, и сформируйте клецки.

Варите полчаса.

Подавайте с горячим компотом из фруктов —персиков, яблок, абрикосов или слив.

ЗАПЕКАЙТЕ КОРЖИ БЕЗ ЯИЦ, САХАРА И МОЛОКА.

½ стакана мякоти грецких орехов.

2 заменителя яиц.

½ стакана заменителя молока.

½ чайной ложки сахарина.

1 столовая ложка разрыхлителя.

1 стакан муки.

Добавьте немного корицы. Выпекайте в виде лепешек.

Форму для выпечки посыпьте мукой, а не жиром.

ЛЕПЕШКИ ИЗ ОВСЯНОЙ МУКИ.

1 яйцо.

½ стакана заменителя молока.

½ чайной ложки сахарина.

Овсяные хлопья для загустения.

1 столовая ложка разрыхлителя.

Взбейте все вместе и выпекайте в виде лепешек.

ХЛЕБ С ИЗЮМОМ.

½ дрожжей для выпечки.

1 стакан картофельной воды.

2 столовые ложки изюма.

1 фунт муки.

Оставьте бисквит на ночь и выпекайте один час.

КАК БЕРЛИН РАЗВЛЕКАЕТСЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Когда впервые была объявлена война, все театры и увеселительные заведения в Берлине были закрыты, и только после Рождества того же года они открылись снова. Сейчас открыто все, кроме танцевальных залов, потому что во время войны танцы запрещены. Знаменитый курорт "Дворец танцев" закрыт, и снаружи все увешано плакатами с просьбой выделить деньги Красному Кресту.

Театры в Берлине очень посещаемы. Сколько бы раз я ни ходил в оперу, что случалось довольно часто, все места в зале были заняты. Большая часть зрителей - солдаты, которые рады провести часть своего отпуска, забыв об ужасах войны и жизни в окопах. Оперы такие же блестящие, как и до войны, но многих юных любимцев сцены не хватает, потому что даже кумир дневного спектакля должен занять свой черед на фронте. Несколько популярных актеров были убиты.

Всегда можно услышать французские и итальянские оперы, а на концертах - музыку великих русских композиторов. Они не запрещают музыку вражеских композиторов, и можно услышать Верди, Маскани и Гуно. Однако, насколько мне известно, "Мадам Баттерфляй" и "Богема" никогда не были известны. Я не знаю, было ли это из-за того, что у них не было певцов для этих любимых опер, или из-за национальности композитора.

Лодочные гонки близ Берлина, апрель 1916 года.

Незадолго до моего отъезда из Берлина я посмотрел замечательную постановку "Аиды", а главными исполнителями были поляки из Королевского оперного театра в Варшаве. Певцов

приняли с неистовым энтузиазмом. Весь актерский состав, кроме поляков, пел на немецком, а поляки - на польском. Дуэты звучали очень забавно. Двое польских певцов были приглашены приехать и постоянно петь в Берлине. Они оба отказались. Мужчина, у которого один из самых великолепных голосов, которые я когда-либо слышал, потому что он слишком сильно любит Варшаву, чтобы покинуть ее, и женщина, потому что она не хотела быть связанной в Берлине пятилетним контрактом, поскольку она хочет приехать в Америку, как только закончится война. В Германии существует более или менее движение по наложению табу на немецких певцов, которые находятся в Америке, и они также хотят помешать всем своим новым молодым певцам приезжать к нам. Это будет очень трудная задача, потому что Америка - цель каждого немецкого певца, и никакое чувство патриотизма не удержит их дома.

После войны появилось много новых звезд, и было поставлено много новых опер. Из Болгарии приезжает молодая певица по имени Анна Тодорофф, и она взяла Берлин штурмом. Появилось несколько чудесных мальчиков, величайшим из которых был маленький мальчик из Чили, Клод Аррау.

Величайшим триумфом прошлого сезона стала новая опера Эжена д'Альбера *"Тотен Ауген"*, или *"Мертвые глаза"*, и ее играли несколько раз в неделю. Музыка оперы прекрасна, завораживает, но какая странная тема — слепая женщина, вышедшая замуж за мужчину, которого она никогда не видела, непрестанно молится о своем зрении, чтобы она могла увидеть своего мужа. Наконец ее молитва услышана, и когда ее глаза открываются, она видит рядом с собой красивого мужчину, которого считает своим мужем. Она занимается с ним любовью, и он любит ее в ответ. Муж, который отсутствовал, когда зрение его жены восстановилось, возвращается и находит любовника своей жены. Он вызывает мужчину на дуэль и убивает его. Женщина обезумела от горя. Она больше не хочет видеть, поэтому выходит и садится на солнце с широко открытыми глазами. Она сидит там, пока сама ее жизнь не сгорит дотла. Это конец. Д'Альбер - бельгиец, и его четвертой или пятой женой была мадам Карреньо, пианистка, которая недавно умерла. Его нынешняя жена - англичанка.

Художественная выставка, на которой изображен наследный принц Фрица Эрлера.

Американец по имени Лангсврот написал очень успешную оперу под названием *"Калифорния"*. Возможно, ее сыграют в Америке. Старой оперой, которую часто играли

прошлой зимой в Берлине, была опера Мейербера *"Африканерка"*. Несмотря на свой возраст, он был очень популярен.

Концерты в Берлине всегда посещаемы; и Штраус, Никиш и фон Вайнгартнер очень популярны. У каждого дирижера есть свои последователи. Прошлой зимой Лилли Леманн давала концерт. Ей шестьдесят лет, и ее голос по-прежнему очень красив. Она не очень часто поет на публике и проводит большую часть своего времени за написанием песен и обучением нескольких избранных учеников.

Скучаешь по великим иностранным звездам, которые всегда приезжали в Берлин каждый сезон, но у них все еще есть великие артисты Джозеф Шварц, Конрад Ансorge, Клара Дукс, Слезак, Эмиль Зауэр, Карл Флеш, Артур Шнабель и множество других.

Характер пьес более или менее изменился после войны, и хотя комические оперы все еще ставятся, самые популярные шоу носят более серьезный характер. Самые любимые произведения - Стриндберг, Ибсен, Брие, Бьернсен, Шоу, Ведекинд и Шекспир. Немец любит Шекспира гораздо больше, чем американец или англичанин, и прошлой зимой, всю зиму напролет, Макс Рейнхардт ставил Шекспира в Немецком театре. Несмотря на английское происхождение Шекспира, пьесы посещали очень хорошо, и все же я не думаю, что публика была похожа на немецкую девушку, о которой рассказывал Персиваль Поллард. Он заставил ее сказать: "Как жаль, что Шекспир не переведен на английский. Я думаю, он понравился бы в Лондоне".

Пьесой, которая произвела наибольшую сенсацию в Германии в прошлом сезоне, была трагедия под названием *"Liebe"*, или "Любовь". Это была жуткая история о двух женатых людях. Она была полна низости, ужасных реалий жизни. Я жил в одном пансионе с актрисой, которая играла роль жены в пьесе, *фрау Анны*, главную роль. Она была довольно легкомысленной молодой немецкой девушкой, но великолепно справлялась с ролью женщины, которая была замужем девять лет.

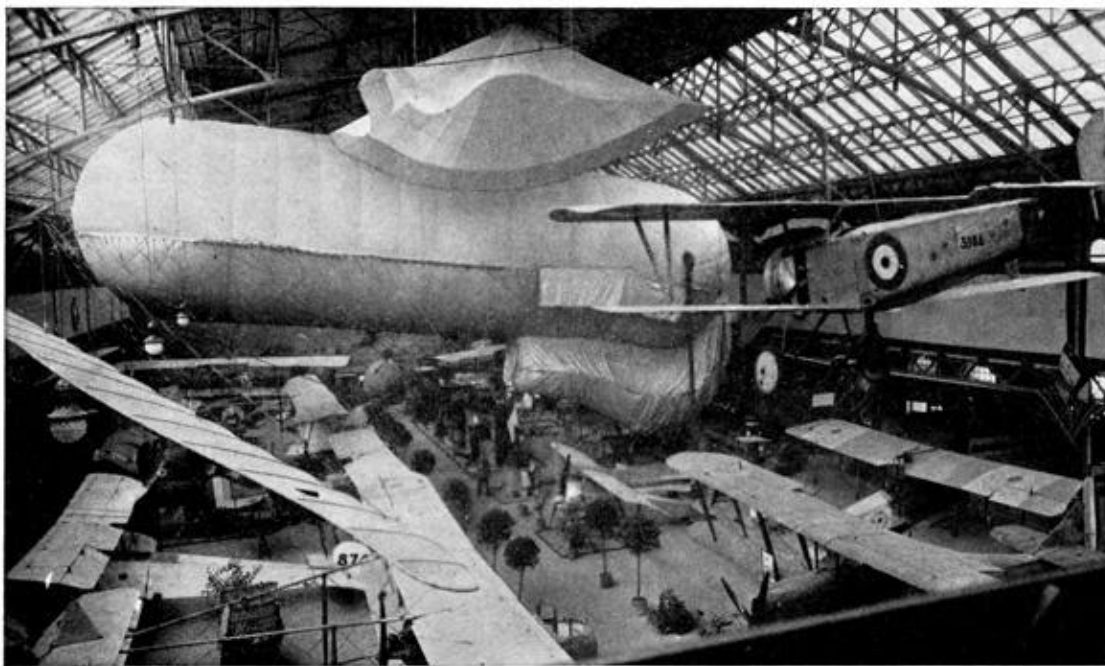

Лодочный клуб в Грюневальде под Берлином.

Кинопоказы в Германии не так популярны, как в Америке, из-за высоких цен. В Германии сходить в "Кино" — так они называют "кино" — стоит столько же, сколько посидеть на галерке в опере. За представления не лучше наших пятицентовых нам приходилось платить две марки, а на галерке Шарлоттенбургского оперного театра можно было посидеть за девяносто пфеннигов.

У них есть свои "кинозвезды", и одна из самых любимых - американка по имени Ферн Андра. Когда я уезжал из Берлина, ее фильмы все еще собирали огромные толпы, вступление Америки в войну ничего не изменило. В Германии нет Чарли Чаплина. Его знают в Норвегии, но пока что из Германии он сбежал. Один немецкий редактор написал: *"Смотрите, Данк, война помешала нам сойти с ума от Чаплина"*.

В целом немецкие "фильмы" далеко не так хороши, как наши, они не могут сравниться с нашими замечательными постановками. Единственное, что лучше нашего, - это музыка, а у них всегда есть прекрасные оркестры численностью от десяти до тридцати человек. Здесь, в Америке, мы просто заглядываем в "кино", но в Германии это особое вечернее развлечение. К большинству "кино" примыкают рестораны, и во всех "кино" вы должны проверять наличие упаковок. Я часто избегала показов только потому, что мне претила идея идти в *Гардеробную* и проверять свою одежду.

Выставка трофеев в Берлине. Захваченные воздушные корабли.

Я видел множество выставок изобразительного искусства в Германии. Немцы считают художественную выставку одной из жизненных потребностей. Искусство кубизма несколько устарело, и его место заняло военное искусство. Какие волнующие картины создали эти военные художники! Большинство лучших немецких художников были на фронте и рисовали эскизы, и военные работы таких художников, как Фриц Эрлер и Вальтер Георги, являются одними из самых замечательных картин, которые я когда-либо видел. Вайсгербер был еще одним художником, создавшим волнующие кровь картины о войне. Он был немецким офицером и был убит год назад во Франции. Он был очень молод, и его работа подавала большие надежды. Его работы были широко представлены в журнале *"Югенд"*.

Прошлой осенью я видел большую берлинскую выставку искусств. Она была далеко не такой интересной, как великие международные выставки, которые проводились в Германии до войны. Это было однообразно, и все же я никогда не видел выставки, где было продано так много картин. Я видел сотни и сотни фотографий с пометкой *Verkauft*.

Удивительно количество произведений искусства всех видов, которые покупаются в Германии. Раньше я часто ходил в аукционные залы *Lep*, где продавались все виды произведений искусства. Там всегда было полно желающих, и торги были быстрыми и высокими. Однажды я пошел на распродажу кружек и увидел, что 119 кружек были проданы почти за 4000 марок. Я не знаток фарфора, но мне показалось, что на это было потрачено много денег. В другой раз я пошел туда со своим знакомым, немцем. За 100 марок он купил три крышки от чайников. Он думал, что заключил выгодную сделку, но я этого не видел.

Выставка трофеев в Берлине. Трофейная пушка.

Германия всегда была страной *Ausstellungen*, или "выставок", и война только увеличила их количество. В каждом городе, в котором я был в течение двух лет, я видел десятки рекламируемых *Kriegs-Ausstellungen*. В каждом городе прошли выставки искусственных рук и ног, на которых демонстранты показывали, как они работают. Затем у них есть выставки униформы, оружия, самолетов, кораблей и фотографий. В Берлине у них была выставка фортов вокруг Вердена. Он был чудесно сделан — все в пропорциях, с крошечными солдатиками, тележками, проволоочными заграждениями и так далее. Самым большим шоу, которое они устроили, когда я был там, была "Выставка трофеев", на которой были выставлены все виды трофейного военного имущества.

Немцы очень любят пешие прогулки, и война не уменьшила удовольствия, которое они находят в этом занятии. До войны пешеходы не носили с собой ланч, но теперь они должны это делать, если хотят что-нибудь съесть; и каждый день после полудня вы можете увидеть толпы людей, отправляющихся в путь, каждый с небольшим пакетом ланча. Берлинцы любят бывать в Грюневальде, где останавливаются в маленькой гостинице и заказывают чашечку эрзац-кофе, едят бутерброды и чувствуют, что очень приятно проводят время.

Сидеть в кафе с чашкой холодного кофе перед собой всегда было и всегда будет любимым развлечением немецкого народа. Здесь они могут почитать журналы и газеты и осмотреться. Большинство немцев не развлекают своих друзей дома, а встречаются с ними в кафе, и каждый человек платит за то, что он заказывает.

На протяжении всей войны у них проводились гонки на лодках и легкой атлетике, и эти виды спорта были очень популярны. До войны у них были выставки самолетов, но они больше не проводятся. Во всех госпиталях проходят концерты и кинопоказы для раненых солдат.

Главное развлечение людей сейчас - разговоры о том, что можно съесть. Один мой знакомый в Дрездене каждую субботу вечером встречается с восемью своими друзьями в *Stammtisch*. До войны они обсуждали политику, искусство, музыку, литературу и науку, но он говорит, что теперь они говорят только о еде. В марте и апреле, когда у нас был тот ужасный ассортимент овощей под названием *Кольрюбен*, мой знакомый сказал, что его *шеф-повар* собирается выпустить кулинарную книгу для *Kohlrüben*, потому что они знают двадцать пять различных способов их приготовления!

ТАЛОН НА ОДЕЖДУ.

Говорили, что вывеска *Verboten* была самой популярной вывеской в Германии, но теперь у нее появился конкурент в городе Оне Безугсшайн, что означает "без билета на одежду". Все витрины магазинов украшены этими карточками, и продавцы продвигают эти товары, потому что они дороже, чем товары, для которых требуется карточка, и большинство людей предпочли бы заплатить на несколько марок больше, чем утруждать себя получением карточки.

В мае 1916 года ходили слухи о билете на покупку одежды, но люди только смеялись: "Откуда может взяться билет на покупку одежды?" они спросили: "Что мы будем делать, если наша одежда износится и мы больше не сможем достать билет?"

10 июня постановление было опубликовано, а 1 августа оно вступило в силу. Сейчас распродажа билетов в самом разгаре, и необходимо иметь при себе билет, чтобы получить все предметы одежды и быта, на которых нет пометки *Ohne Bezugsschein*.

The *Bezugsschein* был создан не для того, чтобы создавать неудобства для людей в целом, а для того, чтобы защитить бедных и удержать богатых людей от покупки дешевых полезных вещей, которые бедняки должны иметь на зиму. Сначала на карточке были указаны только дешевые полезные вещи, а без карточки можно было купить одежду дороже установленной цены, но теперь многие дорогие вещи также указаны на карточке, и независимо от цены мужчина или женщина могут иметь только два шерстяных костюма в год.

Следующий список взят из постановления от 10 июня, и в нем указано, какие товары можно купить без карточки. Указанные цены являются самыми низкими ценами на товары без билета. Первый список состоит из статей, для которых билет не требуется ни по какой цене.

- 1. Шелк или художественная ткань.
- 2. Половина шелковой ткани.
- 3. Шелковые или полушелковые чулки для мужчин или женщин.
- 4. Женские хлопчатобумажные чулки, дюжина пар которых весит менее 750 граммов.
- 5. Мужские хлопчатобумажные чулки, дюжина пар которых весит менее 450 граммов. (Это делается для того, чтобы сохранить более грубые чулки для бедных.)
- 6. Шелковые или полушелковые перчатки для мужчин или женщин.

- 7. Хлопчатобумажные перчатки из нити номер 80 или тоньше.
- 8. Лента, шнур и шпулька.
- 9. Подтяжки или подвязки для мужчин или женщин.
- 10. Кружевной тюль или занавески.
- 11. Gobелены и все виды тканей для мебели.
- 12. Чепцы, шляпки и вуали.
- 13. Зонтики.
- 14. Шерстяная ткань для женских платьев или костюмов шириной не более 130 сантиметров по цене не менее 10 марок за метр.
- 15. Цветные или в цветочек вещи из хлопчатобумажного материала шириной не более 50 сантиметров по цене не менее 3 марок за метр.
- 16. Хлопчатобумажные изделия, используемые для изготовления фартуков и т.д., Шириной не более 90 сантиметров и продаваемые в розницу по цене не менее 2 марок за метр.
- 17. Хлопчатобумажные изделия с принтом шириной не более 90 сантиметров по цене не менее 2 марок за метр.
- 18. Немытая бытовая техника.
- 19. Корсеты.
- 20. Стирайте товары шириной не более 80 сантиметров, которые продаются в розницу по цене не менее 3 марок за метр.
- 21. Полотно шириной не более 80 сантиметров, которое продается в розницу по цене не менее 3 марок за метр.
- 22. Покрывала из чистого льна, которые продаются по цене 30 марок и выше.
- 23. Носовые платки.
- 24. Цветные фартуки, которые продаются по цене от 2 марок.
- 25. Белые фартуки, которые продаются по цене от 2 марок.
- 26. Атласные туфельки.

Готовая мужская одежда без билета по следующим ценам и выше.

Устраивает 75 баллов.

Пальто	47	"
Жакетов	32	"
Жилетов	11	"
Брюк	18	"

Все вещи военного назначения можно купить без билета.

Готовая женская одежда без билета по следующим ценам и выше.

Шерстяные костюмы	80	марок.
Пальто	60	"
Костюмы для стирки"	40	"
Шерстяные талии"	11	"
Юбки для стирки"	20	"
Шерстяные юбки	30	"

Шерстяные платья с	отделкой	100
"	Ночные сорочки	10
"	Панталоны	10
"	Корсетные чехлы"	5
"	Туалетные мешочки"	10
"	Нижние юбки для стирки"	12
"	"	"

Для каждого предмета одежды или ткани, которых нет в этом списке и которые дешевле установленной цены, необходимо приобрести *Шейн*, чтобы купить этот предмет. Это означает, что на все более дешевые платья с талией, фартуки, брюки, чулки, нижнее белье и юбки требуется талон, а также на все более дешевые ткани по счетчику. Без билета нельзя купить ярд фланели, тряпку для стирки или вытирания пыли. Почти на все товары для детей требуется билет.

Приобрести билет очень хлопотно, но если вы знаете, чего хотите, до того, как пойдете в магазин, вы можете сначала приобрести свой билет, и это экономит время. *Безуглые звезды* разбросаны по всему городу. В каждом районе есть свое место, и вы должны получить свой билет в том районе, в котором вы живете. У них есть документы на все *пиво*, которое вы приобрели, поэтому вы не можете получить больше, чем вам положено, и если вы переехали с одного места на другое, вам придется подождать, пока они выяснят, что у вас было в другом округе, прежде чем они выдадут вам *пиво*. Вы должны предъявить свой паспорт или регистрацию в полиции.

Талон на одежду представляет собой большой лист бумаги с указанием вашего имени, адреса и рода занятий. Продавцы пишут на листе, какую одежду вы хотите и сколько каждой одежды. Для каждого вида изделия нужен отдельный *рецепт*. На обратной стороне билета указано, что он не подлежит передаче другому лицу и что неправильное использование его влечет за собой наказание в виде шести месяцев тюремного заключения или штрафа в размере 15 000 марок. Там также говорится, что это хорошо только в Германской империи. Предполагается, что это не шутка.

Если с одеждой человека что-то случится, например, в результате пожара, можно приобрести новую одежду, если человек сможет доказать, что пожар произошел случайно. У одного моего знакомого американца украли всю его одежду, кроме костюма, который был на нем. Он пошел в полицию и объяснил свое дело, и через несколько недель получил разрешение приобрести еще кое-какую одежду.

Когда мужчина получает новый костюм, он должен сдать свой старый костюм. Эти старые костюмы ремонтируются и сдаются солдатам, когда они возвращаются домой с войны. Германия не забывает никаких деталей.

Количество вещей, которые человек может купить, довольно неопределенно, поскольку некоторым людям требуется больше одежды, чем другим. Некоторые мужчины получают двенадцать рубашек в год, а другие - только шесть. Разрешается носить два шерстяных костюма и шесть пар чулок.

С апреля 1917 года для получения обуви требуется талон, и каждому человеку разрешается носить две пары обуви в год. Это действительно самое суровое ограничение за всю войну,

поскольку кожа настолько плохая, что едва ли лучшей хватило бы на шесть месяцев. Обувь для мужчин не так плоха, как обувь для женщин, и у солдат очень хорошая обувь, но когда я уезжал из Берлина, единственным видом обуви, который могла купить женщина, была модная лакированная кожа с матерчатым верхом, подошвы у которой были как бумажные. Что немецкие женщины собираются делать с обувью этой зимой, я не знаю. Я вообще не смогла достать никакой обуви. Летом 1916 года я заказал пару за шестьдесят марок, но следующим летом они не стали шить ничего на заказ, а я ношу такой маленький размер, что в Берлине не смог достать ни одной подходящей мне обуви.

Когда я уезжал в Данию, я выглядел очень потрепанно. У меня был хороший шелковый костюм и красивая шляпка, но это был весь мой гардероб. Девочки из пансиона, где я жила, купили почти все, что у меня было. Они просто сходили с ума от желания покупать мои вещи, и я продала то, что они могли надеть, потому что знала, что могу купить больше, а они нет. Было жаль, что я такой маленький, потому что они с трудом могли влезть в то, что купили. Дочь содержательницы пансиона, у которой я жила, собиралась сшить себе зимний костюм из портьеры, которую она выкрасила в приятный коричневый цвет. Она израсходовала все свои билеты и не смогла купить ни одной шерстяной материи. Перед отъездом я разрешила девочкам оформить билеты на мое имя. Это было очень мило с моей стороны, потому что я должен был сам пойти и купить билеты, и мне пришлось стоять в очереди, чтобы получить их.

Штраф очень тяжел для девушек, собирающихся выйти замуж, поскольку немецкая девушка должна обставить дом и иметь по крайней мере две дюжины комплектов простыней и наволочек и около сотни полотенец. Поскольку один человек может получить по билету только два листа в год, при таких темпах девушке потребуется двенадцать лет, прежде чем она сможет по-настоящему выйти замуж. Таким образом, схема получения вещей без билета была такой же грандиозной, как схема получения еды без карточки, и правительство не может этому помешать.

За неделю до моего отъезда из Берлина в моей комнате в пансионе повесили распечатанную открытку. В нем говорилось: "После 1 августа люди, приезжающие в этот пансионат на длительный срок, должны привезти с собой собственное постельное белье. Стирка будет производиться каждые четыре недели". На нем стояла подпись "Профсоюз пансионатов". Я была рада, что стирку нужно было производить каждые четыре недели, потому что я провела в этом пансионе семь недель и у меня ни разу не было чистых простыней. Через три недели простыни приобрели какой-то серый цвет, и с тех пор они, казалось, никогда не становились грязнее. В отелях предусмотрены особые условия, когда каждому гостю должны быть предоставлены чистые простыни.

Одежда *Schein* специально разработана для ограничения продажи шерстяных изделий, и многие немецкие женщины, которые никогда в жизни не носили шелк, носят его сейчас, потому что шерсть такая дорогая. Торговцы галантереей, портные и производители мужской мебели очень суровы, и они жалуются, что их бизнес ужасен, но Германии наплевать на отдельных людей, она заботится о стране в целом.

МОЯ ПИШУЩАЯ МАШИНКА.

В Германии становится дефицитом не только одежда, но и все виды промышленных изделий. Многие предметы мебели сейчас вообще невозможно купить, даже подержанные, а цены на все, что еще есть в наличии, огромны. Моя знакомая немка собиралась замуж, и ей нужны были две латунные кровати. Она перепробовала весь Дрезден, но не смогла достать две одинаковые односпальные кровати из латуни. Она даже не могла их заказать, потому что

торговцы сказали ей, что их больше не производят. Совершенно простая латунная кровать односпального размера стоила 390 марок.

Все старые запасы промышленных изделий, мебели, кухонной утвари, товаров со склада, скатертей, полотенец и простыней скупаются людьми, потому что они говорят, что новые запасы, которые будут произведены после войны, будут более низкого качества, и пройдут годы, прежде чем они снова смогут получить товары хорошего качества.

Просто чтобы проиллюстрировать нехватку промышленных товаров, я расскажу историю о своей пишущей машинке. Когда я впервые поехал в Германию, я арендовал Smith Premier на три месяца за тридцать марок. Все говорили, что это была отличная сделка. По истечении трех месяцев я отправил фирме, производящей пишущие машинки, чек на оплату еще за три месяца. Я ничего не слышал от них около месяца, когда однажды мне позвонил молодой человек и сказал, что пришел за пишущей машинкой, что его фирма больше не сдает пишущие машинки напрокат, но что я могу купить ее, если пожелаю, за 390 марок. Считая марку за четверть, как это делают немцы, это означало почти сто долларов за очень старую пишущую машинку с погремушкой, которую любой мог купить в Америке за пятнадцать долларов.

Я сказал молодому человеку, что угрозами меня не вынудишь купить его пишущую машинку и что, если он заберет ее, ему придется вернуть мне все мои тридцать марок, хотя она была у меня месяц назад. Мы спорили около часа, а потом он ушел. На следующий день я получил письмо, в котором говорилось, что я могу оставить пишущую машинку себе на оставшиеся два месяца, но по истечении этого срока я должен либо отказаться от нее, либо купить. По прошествии двух месяцев я отправил еще один чек на тридцать марок, но на следующий день появилась девушка-посыльный, переодетая мальчиком, вернула мне чек, взяла мою пишущую машинку подмышку и исчезла. Я надеялся, что, неся его, она успокоится и не устанет.

Мне не хотелось выкладывать 400 или 500 марок за пишущую машинку, и я ужасно провел время. В Берлине было абсолютно невозможно взять напрокат пишущую машинку, и я побывал везде. Я поместил объявление в газету и получил только шесть ответов, и, посетив все эти шесть мест, я обнаружил, что в каждом из них пишущая машинка представляла собой "Миньон", маленькую игрушечную машинку, в которой нужно было крутить колесико всякий раз, когда набираешь букву.

Потратив четыре дня на поиски, я, наконец, купил "Питтсбург Видимый". Я заплатил за нее шестьдесят пять марок, и она не была похожа ни на одну пишущую машинку, которую я видел до - или после. На него было очень любопытно смотреть — длинное, тонкое устройство с очень слабыми зубцами, которые постоянно закручивались друг вокруг друга. Ему, должно быть, было лет двадцать пять-тридцать. Я всегда был в ужасе, опасаясь, что с ним что-нибудь случится, и всякий раз, когда у нас были гости, я кричал: "Будь осторожен и не задень пишущую машинку" или "Не клади шляпу на пишущую машинку". Когда я впервые им воспользовался, у него была плохая привычка застревать в середине строки, но после того, как я продержался с ним год, он работал довольно хорошо, и я очень привязался к своему маленькому "Питтсбургу на виду".

В течение года, когда у меня появилась пишущая машинка, пишущих машинок стало меньше и дороже, чем когда-либо, действительно, было невозможно купить какую-либо подержанную пишущую машинку, а новые стоили около 600 марок. Новым корреспондентам, приезжавшим к нам, приходилось ужасно, и большинству из них приходилось одалживать пишущие машинки у друзей. Поскольку большинство пишущих

машинок были американского производства, отремонтировать пишущую машинку было трудно, поскольку запчасти привозились из Америки. Ленты и копирка стоили очень дорого, и хотя бумага для пишущих машинок удваивала свою цену вдвое, она была дешевле, чем бумага здесь, в Америке.

В то время, когда я продал свой маленький Питтсбург в июне 1917 года, я жил в немецком пансионе в Берлине. Я верю в рекламу, поэтому поместил "объявление" в "Lokal-Anzeiger" следующего содержания: "Продается дешевая печатная машинка на виду, пансион Костерманн, Савиньи-плац, 5". Я подумал, что это была очень хорошая "реклама", и она обошлась мне в одну марку девяносто пфеннигов.

Я никогда не забуду день, когда появилось мое "объявление". Не успел я подняться в семь утра, как в дверь постучала горничная и сказала, что меня просят к телефону. Это было что-то насчет пишущей машинки. Это было начало. Телефон звонил весь день и весь следующий день. Люди приходили толпами, и они не уходили даже после того, как пишущая машинка была продана. Им захотелось узнать, что это было за блюдо, и они ушли, проклиная себя за то, что не пришли раньше.

Прежде чем дать объявление в газету, я решил подождать с моей ценой - ста марок. В 10.30 утра мне предложили девяносто марок, но я сказал, что моя цена - сто. В 11.30 звонки прекратились, но телефон зазвонил как сумасшедший. Вошел маленький еврей и предложил мне пятьдесят три марки за пишущую машинку. Я стоял там с видом очень оскорбленного при мысли о том, что кто-то осмелился предложить мне пятьдесят три марки за мою хорошую машину, как вдруг в дверях моей комнаты появилась хозяйка. "Фройляйн Маколи, - строго сказала она, свирепо глядя на еврейку, - я хочу, чтобы это прекратилось. Горничные этим утром ничего не делали, только отвечали на телефонные звонки и ходили к двери по поводу вашей пишущей машинки. Вы понимаете?"

Я почувствовал себя раздавленным и попросил у нее прощения, а когда она ушла, хлопнув за собой дверью, я беспомощно посмотрел на еврея. "Шестьдесят пять марок", - сказал он сочувственно. "Доведите до шестидесяти шести, - сказал я, - и можете забирать". "Готово", - ответил он, и я продал свою пишущую машинку с прибылью в одну марку, проработав с ней год.

Я объяснил хозяйке, что не указывал номер телефона в газете, и она успокоилась. Ее дочь восхитилась американским подходом, с которым я осуществил продажу, и на следующий день поместила в той же газете "объявление" о продаже полевых биноклей, которые у нее были. "Они понадобятся всем солдатам", - сказала она. Они готовились к такому ажиотажу, какой был у меня из-за пишущей машинки, и ни одна душа не откликнулась на объявление. И мать, и дочь винили меня в этом. Я думаю, они думали, что я сделал нечто большее, чем просто рекламу в газете.

ПЕРЕЕЗЖАЮ В БЕРЛИН.

Когда вы переезжаете из одного места в другое в Берлине, вам требуется всего около трех дней, чтобы снова привести в порядок все продуктовые карточки. Вот что вам придется сделать, если вы переедете из одного пригорода Берлина в другой, скажем, из Шарлоттенбурга в Вильмерсдорф. Это касается всех иностранцев, даже нейтралов.

Сначала вы идете к *Портье* или уборщику дома, в котором вы живете в Шарлоттенбурге, и он дает вам три зеленых квитанции, которые вы заполняете. В этих бланках указаны ваше имя, возраст, род занятий, религия, национальность, где вы родились и где жили в последний

раз. После их заполнения *Портье* подписывает их. *Портье* сохраняет одну квитанцию, отправляет одну магистрату Шарлоттенбурга и выдает вам третью. С этой зеленой квитанцией вы идете в полицию Шарлоттенбурга. В первой комнате полицейский просматривает ваше досье, которое вы с удивлением обнаруживаете подшитым в маленькую коробочку, и, если с вашим досье все в порядке, он отправляет вас в соседнюю комнату, где председательствует шеф полиции. Начальник каждого полицейского участка отвечает за всех иностранцев, и в маленьком полицейском участке на Моммзенштрассе, куда я приходил в июне, начальник сказал мне, что в его округе более пятисот иностранцев.

Вы предъявляете шефу свою зеленую квитанцию, на которой стоит штамп человека снаружи, и свой паспорт, и после дополнительной подачи документов и проставления штампов как на квитанции, так и на вашем пропуске вы готовы к перемещению. Как только вы прибываете в Вильмерсдорф, новый *Портье* выдает вам для заполнения три белых бланка. Они очень похожи на зеленые и задают те же вопросы. *Портье* подписывает их, оставляет себе одну, отправляет магистрату Вильмерсдорфа, а с третьей белой квитанцией, вашей зеленой квитанцией и пропуском вы отправляетесь в полицию Вильмерсдорфа. Здесь они подают документы и ставят штамп, а затем возвращают вам ваш пропуск и белую квитанцию, на которой был поставлен штамп хлебной комиссии.

Необязательно идти в комиссию по хлебу в Шарлоттенбурге, но вы должны взять с собой все свои продуктовые карточки и бланк-квитанции в комиссию по хлебу в Вильмерсдорфе. Здесь они очень внимательно просматривают все ваши карточки, чтобы убедиться, что вы не пытаетесь их обмануть, а затем выдают вам совершенно новую партию карточек, обновляя их, чтобы вы не могли получить больше своей доли еды. До сих пор переезд был легким, но худшая часть бизнеса впереди, а это регистрация для покупки мяса, яиц, масла, сахара и картофеля в определенных магазинах. В последнее время эта регистрация была несколько упрощена, и вы можете зарегистрироваться в хлебной комиссии по всем продуктам, кроме мяса, но когда регистрация была введена впервые, каждый человек должен был сам пойти в *Ратушу* или мэрию и зарегистрироваться по каждому продукту. Это означало, что нужно было простоять по меньшей мере час — потому что там всегда были такие толпы — в пяти разных залах, ожидая, когда вам проштампуют ваши карточки с сахаром, мясом, маслом, картофелем и яйцами, чтобы вам разрешили купить эти товары, и после того, как вы были зарегистрированы, вы могли купить их только в определенном магазине, но если вы не были зарегистрированы, вы вообще не могли купить эти товары. Эта схема регистрации была очень хорошей, поскольку с тех пор, как она была введена, ни один из этих продуктов не был зарегистрирован, и когда люди идут за маслом или яйцами, они обнаруживают, что их ждут, и контролеры продуктов питания выдают каждому продавцу ровно столько каждого из этих продуктов, сколько он может показать, что у него есть клиенты, зарегистрированные для покупки этого продукта в его магазине. Это также положило конец многочисленным продажам с *картой*, или без карточки, поскольку владелец магазина не осмеливается продавать без карточек, потому что тогда у него не хватило бы денег для зарегистрированных покупателей, и тогда за ним принялась бы полиция.

Просто чтобы показать вам, какие трудности вызывает эта регистрация, я расскажу вам о том, как мне пришлось регистрироваться, чтобы купить яйцо. Я достаточно легко получил карточку egg card. Я раньше жила в пансионе и даже не знала, что на яйца нужно регистрироваться. Я взял свою карточку для яиц и пошел к герру Блюмфельду, торговцу яйцами неподалеку, и сказал ему, что хочу купить яйцо, причитающееся по моей карточке. На той неделе мы съели только по одному яйцу на каждого. Герр Блюмфельд сказал, что он с радостью продал бы мне яйцо, но сначала я должен был бы пойти в магистрат

Шарлоттенбурга и зарегистрироваться для покупки у него, но что после того, как я зарегистрируюсь, я всегда смогу купить яйца у него.

Это прозвучало не так уж сложно, поэтому я взял карточку egg и отправился в здание суда, которое находилось примерно в шести станциях метро. Здание суда было черным от людей, безумно мечущихся туда-сюда с карточками в руках, красными карточками, зелеными карточками, желтыми карточками и синими карточками. Там были солдаты, преуспевающие бизнесмены, горничные, дети, хорошо одетые женщины и женщины с платками на головах. Повсюду были расставлены гиды, но люди, казалось, не могли найти нужную им комнату.

Я спросил гида, где находится яичная комната, и он указал мне на нее: "Эйерциммер 91". Мне пришлось подняться на пять лестничных пролетов, потому что все регистрационные комнаты находились на верхних этажах. Около семидесяти пяти человек стояли впереди меня, ожидая регистрации, чтобы купить яйца. Прошло около часа, прежде чем подошла моя очередь, и тогда я предъявил свою визитку и сказал: "Я хотел бы купить яйца у герра Блюмфельда на Песталоцциштрассе".

"Где у вас *Ausweiskarte*?" спросила дама за стойкой. Я сказал ей, что у меня их нет и я никогда ни о чем таком не слышал.

"Я не могу зарегистрировать вас на получение яиц без *Ausweiskarte*. Так что тебе придется пойти домой к своему *Портье* и купить его".

Я сел в метро и поспешил домой. *Портье* сказал, что у него нет *Ausweis*, или пропускных карточек, и что мне придется пойти в хлебную комиссию и получить их. После часового ожидания в очереди в хлебной комиссии мне удалось получить *карточку Ausweis*, а затем я помчался обратно в магистрат. На этот раз мне пришлось ждать всего полчаса, и наконец я подошел к кассе и зарегистрировался, чтобы купить яйцо у мистера Блюмфельда с Песталоцциштрассе.

Я потратил целый день, пытаясь достать это яйцо, и был счастлив от мысли, что мои усилия не пропали даром. Возвращаясь в метро, я пытался решить: "Буду ли я есть яйцо на завтрак или на ужин? Буду ли я его вареным или жареным?" и тут мне в голову пришла ужасная мысль: "А что, если яйцо протухло?" Это было бы слишком жестоко!

Было без семнадцати с половиной минут восемь, когда я вернулся в яичную лавку герра Блюмфельда. Он подметал. Я торжествующе помахал своей карточкой. "У меня это есть", - воскликнул я. Он прислонил метлу к стойке и указал на табличку, висевшую над плитой: "*Eier ausverkauft*" (Яйца распроданы). Я взглянул на это, пошатнулся, а затем потерял сознание прямо в жирных объятиях изумленного герра Блюмфельда, *эйер-Гроссхендлера*.

ЧТО ЧИТАЛИ НЕМЦЫ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

"Гоббл! Ах, гоббл!" Именно так звучит, когда вы слышите, как продавцы газет вечером на Потсдамской площади выкрикивают свой товар. Но на самом деле это не то, что они говорят. Они говорят: *Abendausgabe* или "Вечерний выпуск".

Это прелестное зрелище — грохочущие такси на Потсдамской площади, звенящие колокольчики трамваев, площадь, черная от гражданских и серая от солдат, припаркованные к тротуарам фургоны, нагруженные яркими фруктами и овощами, женщины, продающие цветы - фиалки, розы, ландыши - *Zehn Pfennige ein Sträusschen*, и над всеми остальными звуками раздаются крики "Жри! Гоббл-а-а-гоббл!"

По сравнению с нашими крупными американскими газетами немецкая газета - очень маленькое издание. Его страницы примерно вдвое меньше страниц наших газет, и утром в них обычно всего восемь страниц, а вечером - шесть. В немецкой газете нет кричащих заголовков, и не используются красные чернила. Даже когда Китченер утонул или Америка объявила войну, это появлялось в газетах в виде заголовка с буквами высотой не более трех четвертей дюйма.

В немецкой газете нет абсолютно ничего сенсационного, даже в военное время. Все они выглядят одинаково, и нужно посмотреть на дату выпуска газеты, чтобы убедиться, что это не вчерашняя газета. У них нет карикатур, и у них редко бывают картинки. В воскресном приложении мало "приколов" и никогда никаких цветных картинок. Здесь нет пикантных скандалов, сенсационных бракоразводных процессов и рассказов о захватывающих убийствах с фотографией дома, где было совершено темное деяние, отмеченное крестиком. Тогда нет женской странички и светской колонки. Вы спросите, ну и что у них в бумагах?

Читальный зал для солдат на Западном фронте.

На первой странице - военные новости, очень краткие. В нем приводится отчет Генерального штаба со всех фронтов войны, и этот отчет подписан генералом на каждом из этих фронтов. Вторая страница посвящена новостям более местного характера. На этой странице часто печатают интервью. В Германии интервью уделяют больше внимания, чем у нас в Америке. На других страницах у них есть спорт, драма, музыка, рассказы и всегда одна статья литературного характера. Одна из главных особенностей на первой странице - изображение добычи на подводной лодке. Все, что печатается в немецких газетах, является правдой, насколько это возможно, но не все, что известно, печатается. Что люди действительно получают, так это правду без подробностей. Люди хотели бы прочитать эти подробности, но они их не понимают. Одной из самых удивительных вещей, которые были напечатаны, было письмо Циммермана в Мексику. Об этом писали во всех газетах, поскольку Циммерманн считал, что лучше всего это опубликовать. Это не пользовалось большой популярностью у немецкого народа.

Одной из вещей, о которой не писали немецкие газеты, был большой шпионский скандал в Норвегии. Я никогда не слышал об этом ни слова, пока не приехал в Норвегию. Газеты контролируются цензурой. Однажды прошлым летом "*Берлинер Тагеблатт*" закрыли на три

дня. Они напечатали что-то, что не понравилось цензору, но широкая публика так и не узнала, что это была за оскорбительная статья.

В Берлине есть три замечательных издательства. Во-первых, компания August Scherl, которая издает ежедневную газету *Local-Anzeiger*, утреннюю и вечернюю газету, которая имеет очень большой тираж среди бедного класса людей и используется мелкими рекламодателями. Шерл также издает "*Die Woche*", хорошо известный в Америке еженедельник; "*Die Gartenlaube*", журнал для женщин; *Der Tag*; и *Der Montag*, газету, которая выходит каждый понедельник.

Полевой книжный магазин во Франции.

Вторая крупная компания - это компания Рудольфа Моссе, которая издает хорошо известную "*Берлинер Тагеблатт*", утреннюю и вечернюю газету. Третья и, возможно, крупнейшая компания - "Ульштайн компани", которая издает "*Фоссише цайтунг*", утреннюю и вечернюю газету; "*Берлинер моргенпост*", газету, которую читает рабочий класс; "*Б. З. ам Миттаг*", небольшой листок, который выходит в полдень и, несомненно, является самой популярной газетой в Берлине; "*Берлинер Иллюстрирте цайтунг*", великолепный еженедельник, который продается за десять пфеннигов. Каждый берлинец читает этот еженедельник, потому что в нем есть хорошие статьи о войне, прекрасные рассказы и много интересных фотографий. В Берлине публикуется много других газет, таких как "*8 Uhr Abendblatt*", номер, выходящий в семь вечера, и "*Tägliche Rundschau*", великолепная газета литературного характера.

Утренние газеты стоят десять пфеннигов, а вечерние - пять. Прошлым летом *BZ am Mittag* поднял цену до десяти пфеннигов, но публика отказалась платить, и через четыре дня цена снова вернулась к 5 пфеннигам.

Во всех крупных газетах есть то, что они называют *Briefkasten* или почтовым ящиком, представляющим собой объединенное бюро информации и вырезок. Здесь сорок или пятьдесят человек целый день заняты вырезанием и подшивкой документов. Любой может обратиться в это бюро или написать им, и информация предоставляется бесплатно. Они даже дают бесплатные медицинские консультации.

Крупные издательства выпускают книги. Компания "Ульштейн" выпускает специализированные книги по одной марке каждая. Они опубликовали "Путешествие U Deutschland" капитана Пауля Кенига, и эту книгу прочитал каждый в Германии.

В Берлине есть одна газета, выходящая на английском языке. Предполагается, что это американская газета, но ее американизм был очень своеобразным. Эта статья называется *Continental Times*. Самая известная социалистическая газета называется "*Форвартс*". Ему позволяется большая свобода, но время от времени его подавляют. 19 апреля этого года 3000 рабочих мужчин и женщин собрались на Унтер-ден-Линден. Это был единственный подход к забастовке или бунту, который я видел за все время своего пребывания в Германии. "*Форвартс*" был против этого движения, и в основном благодаря его влиянию люди вернулись домой. Газета имеет огромное влияние. Брошюру Максимилиана Хардена "*Цукунфт*" все читают с большим интересом. Хардену в Германии предоставлены примерно те же привилегии, что и Бернарду Шоу в Англии.

Немецкие солдаты на Западном фронте читают военные сводки.

В главных городах захваченной немцами территории, в Лилле, Брюсселе, Варшаве, Лодзи и Вильно, они учредили очень хорошие газеты, печатающиеся на немецком языке. Затем они оформляют документы для солдат на фронте, такие как *Champagner Kamerad* и *Landsturm*. Эти газеты содержат военные новости, рассказы, шутки и стихи.

Передвижная библиотека для солдат.

Немецкие газеты никогда не называют своих врагов уродливыми именами, и они сохранили очень достойные статьи. Английские газеты очень читают в Германии. Этим газетам всего четыре дня от роду, и поскольку большинство немцев высшего класса читают по-английски, они пользуются большим спросом. В любом из ведущих кафе или у газетных киосков можно купить *London Times*, *Daily Mail*, *Daily Telegraph*, *Illustrated London News*, *Graphic*, *Sphere* и *Punch*. Также необходимо иметь французские и итальянские документы. Американские газеты приходили очень нерегулярно, но все же некоторые просачивались, и когда я уезжал в июле, я видел американские газеты вплоть до 30 апреля. Если новости в английской газете не совпадают с новостями в немецкой, немецкий читатель этому не верит — это единственное впечатление, которое это производит на него.

В Берлине перед редакциями газет не вывешивают сводки о великой отечественной войне, как у нас дома. Ближайший доступ к нашим бюллетеням находится в Копенгагене, где они вывешивают бюллетени, напечатанные очень крупными буквами, в окне второго этажа редакции газеты. Немецкий военный бюллетень размером примерно с обычный лист машинописной бумаги, и он висит низко в окне редакции, где каждый по очереди читает мелкий шрифт. Иногда бюллетени пишутся от руки свинцовым карандашом. Другие бюллетени печатаются на отдельных листах бумаги и распространяются на улицах бесплатно.

Количество брошюр, написанных о войне, бесконечно. Кажется, что каждый врач и каждый профессор в Германии написал книгу, и в ней затрагивался каждый этап войны. Большинство книг оформлены очень привлекательным образом с мягкими корешками. В Германии очень мало книг с жесткими корешками. После войны было опубликовано много книг по искусству, музыке, науке, медицине и литературе.

Газетам приходится ограничиваться определенным размером из-за нехватки бумаги и дороговизны, но книги стоят не дороже, чем до войны, и продажи книг у них такие же, как у нас в Америке. За несколько недель до моего отъезда в большом универсаме Вертхайма была распродажа англо-немецких словарей, очень больших книг по четыре марки каждая. У них была выставлена витрина с этими книгами, и вскоре все они были раскуплены, потому

что немцы сказали, что не видят причин, по которым им не следует продолжать изучение английского языка, потому что англичане - враги.

Газеты, издаваемые для солдат со времен войны.

Газеты в захваченных городах.

Война не испортила любви немцев к чтению романов, и было написано так много романов более дешевого типа, что сформировалось общество, удерживающее мальчиков и девочек от их чтения. На всех железнодорожных станциях есть автоматические книжные киоски, где вы опускаете двадцать пфеннигов в щель и получаете роман. Есть много дешевых изданий патриотических песен, напечатанных в маленьких карманных томиках, удобных для солдат в окопах.

МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРОТИВ ШПИОНОВ И Т.Д.

SOLDATEN!

Vorsicht bei Gesprächen!

Spionagegefahr!

Этот плакат с картой войны в Германии висит в каждом трамвае, купе поезда, ресторане, магазине и витрине с картой войны в Германии, и он предупреждает солдат быть осторожными в разговорах, что повсюду разъезжают опасные шпионы.

Германия пытается не допустить, чтобы о вещах, о которых она не хочет знать, стало известно, скрывая их даже от своих солдат, и если бы она умела так же умело скрывать свою тактику за границей, как и дома, знаменитое письмо Циммермана в Мексику никогда бы не было найдено.

Не только солдаты на улицах должны соблюдать тишину, но и солдаты на поле боя, и у каждого солдата есть письменные указания, что в случае взятия в плен он не должен сообщать никакой информации врагу. Он не должен называть номер своего полка, свой возраст или из какого округа он родом, поскольку все это дает врагу важную информацию. Особенно важно, чтобы противник не знал, какой полк противостоит ему.

Все иностранцы в Германии находятся под контролем полиции, но никто из гражданских лиц противника не интернирован, за исключением англичан. Американцы, русские, французы, бельгийцы и итальянцы свободны, за исключением того, что они должны раз в день являться в полицию и не могут переезжать из одного города в другой без разрешения. Большинство американцев обходятся посещением полиции только раз в неделю. Полякам приходится посещать ее дважды в неделю. Все нейтральные иностранцы должны обращаться в полицию и регистрироваться при смене адреса. Немцы тоже должны это сделать, чтобы получить хлебную карточку. Продовольственные карточки были отличным средством для отсеивания преступников и шпионов, поскольку никто не может получить карточку, если он не зарегистрирован в полиции, и многие известные преступники, которые годами скрывались от полиции, были пойманы после войны.

В Германии очень мало трущоб, но в Берлине есть несколько притонов, где скрываются мошенники, а хлебные карточки можно купить за пятьдесят пфеннигов к одной марке. Американский мальчик, которого я знал в Берлине, который говорил по-немецки как коренной житель, одевался в старую одежду и посещал эти места. Иногда его принимали за иностранца, но почти всегда за немца. Он сказал, что мужчины делали знаки от одного стола к другому, когда у них было что продать. Он часто покупал открытки за пятьдесят пфеннигов. Одним мошенником, с которым он познакомился, был немец, который ходил повсюду и просил милостыню, говоря, что он бельгийский беженец. У него была какая-то медаль, которую он мог показывать людям, и его попрошайничество приносило ему неплохой доход.

Мальчик сказал, что жители трущоб были довольно "медлительными", очень мало пили и много планировали вещей, которые боялись осуществить, потому что у немецкого мошенника не так уж много смелости. Одним из кафе, которое мальчик часто посещал, было "Café Dalles", что означает "Кафе с нуля". Он располагался прямо рядом с берлинским дворцом кайзера. Однажды ночью летом 1916 года на него был совершен налет всего за несколько минут до того, как мальчик добрался до места. В ходе этого рейда полиция обнаружила, что кто-то изготавливал хлебные карточки тысячами каждую неделю. Они были почти идеальной имитацией настоящих карточек. Конечно, даже умная берлинская полиция не могла контролировать всю мошенническую работу, которая происходила с продовольственными карточками, но они держали ситуацию под контролем. Одна из сработавших схем заключалась в том, чтобы, когда семья меняла место жительства, зарегистрировать в семье еще одного человека. Раньше я часто удивлялся, что у немцев хватило наглости сделать это, потому что они ужасно боялись быть пойманными.

В Германии иностранец пользуется своим паспортом при каждом удобном случае, и его всегда нужно иметь при себе. Вы не можете отправить телеграмму из Германии, не предъявив свой пропуск, а затем, если вы отправляете ее на любом другом языке, кроме немецкого, вы должны сделать перевод сообщения на немецкий внизу листа.

Ни одному иностранцу, даже нейтральному, не разрешается ездить на море, если у него нет справки от врача, но даже в этом случае получить разрешение трудно. На побережье запрещено носить кодаки, и никому не разрешается делать наброски. Теперь они очень строго следят за тем, чтобы кто-либо фотографировал в Берлине или его окрестностях.

Когда вы приезжаете в Германию, вам не разрешается брать с собой ни кодак, ни Библию. Легко понять причину запрета kodak, но люди всегда удивляются, когда у них отбирают Библию. Во всех войнах Библия использовалась как место для сокрытия секретных посланий, а одежда священника, монахини или священнослужителя была излюбленной маскировкой шпионов.

Человек, которого я знал в Берлине, приехал ко мне через Голландию. У него были с собой Библия, молитвенник и чикагский телефонный справочник. Он был поражен, когда у него отобрали Библию и молитвенник и позволили оставить телефонную книгу. Когда он пришел, была зима, и на нем было пальто с отложными манжетами. Он живет в Чикаго, и у него вошло в привычку засовывать в наручники деньги от проезда в трамвае. При обыске в наручнике был обнаружен перевод, и американца препроводили к офицеру полиции. Немецкий офицер долго и заинтересованно смотрел на перевод, а затем рассмеялся: "Да ведь я знаю эту строку, я сам был в Чикаго".

На этом же судне был проповедник. Проповедник был уверен, что у него, как у члена церкви, не возникнет проблем, и к тому же у него была заоблачная стопка верительных грамот. Когда его обыскивали тщательнее, чем остальных, он обнаглел и наговорил лишнего, и в результате его задержали на три дня, пока его друзья в Германии не помогли ему выбраться.

Мою маму чуть не задержали на границе с Германией, когда она покидала Германию. Одна немка из Дрездена попросила ее отвезти несколько подарков своей дочери в Америку, и среди вещей были два маленьких слюнявчика, вышитых крестиком, которые должны были быть подарены ребенку дочери. Чиновники в Варнемюнде, казалось, решили, что рисунки что-то значат, и долго изучали их, но, наконец, через полчаса вернули маме, но с таким видом, словно не были уверены, что это за рисунки для вышивания крестиком на самом деле.

Самая большая роль шпионов на этой войне - это роль работников Красного Креста. Здесь у них много свободы, и они могут подобраться очень близко к фронту. Тогда больной или раненый человек скажет то, чего не скажет здоровый человек. Кроме того, им не так уж трудно передавать сообщения своим товарищам по заговору. В каждой стране за работниками Красного Креста ведется пристальное наблюдение.

Другой вид шпионов - это газетные шпионы. Когда я был там, в Берлине был газетный шпион. Он выдавал себя за настоящего *немецкого фройндлиха*, а его хорошие сигары и большое количество денег на карманные расходы давали ему много информации. Когда газетчиков забирают на фронт, они должны подписать бумагу о том, что они не покинут Германию в течение месяца после возвращения. Они также должны подписать бумагу о том, что не будут возлагать ответственность на правительство Германии в случае, если с ними что-либо случится.

В Германии рассказывают всевозможные шпионские истории, и некоторые из них звучат очень надуманно. Вот типичная. В Восточной Пруссии монахиню нашли плачущей на железнодорожной станции. В руках у нее был похоронный венок. Вокруг нее собралась сочувствующая толпа и пыталась утешить ее. Наконец, маленький мальчик в толпе воскликнул: "О, посмотри, мама, какие у нее большие руки!" Толпа посмотрела и, конечно же, они были большими — это были мужские руки. И оказалось, что монахиня была мужчиной, русским шпионом.

Моя знакомая американка была арестована как шпионка. Она проводила лето в маленьком городке в округе Вестфалия. Она была страстным фотографом и не могла увидеть что-либо без желания это сфотографировать. На второй день пребывания там она вышла прогуляться и обнаружила то, что показалось ей аккуратным — зеленые деревья и фабрику вдалеке. Она сделала снимок, и в этот момент голос позади нее спросил, что она делает. Она оглянулась и увидела немецкого солдата, который сказал ей идти с ним. Она пошла. Ее отвели в караульное помещение, где проверили ее пропуск и проявили пленку. Когда пленки вышли, выяснилось, что у нее была фотография моста и двух заводов по производству боеприпасов. Девушке дали два часа, чтобы выбраться из города. Ей и в голову не приходило, что это было *дословно*.

Все заводы по производству боеприпасов, зернохранилища, пристани, пункты снабжения и взлетно-посадочные полосы в Германии охраняются днем и ночью, и если кто-то сунется в эти места, ему скажут "двигаться дальше". Если кто-то может шпионить за любым из этих закрытых мест, он, должно быть, очень умен.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ГЕРМАНИИ.

Каждый тридцатый человек в Германии - военный пленник. Каждый пятый мужчина - русский.

В настоящее время в Германии насчитывается почти 2 000 000 военнопленных. Летом 1916 года Центральные державы удерживали в плену 2 658 283 человека, и из этого числа 1 647 225 человек находились в Германии. Это было до падения Румынии, а затем их число значительно возросло.

У них в Германии есть 150 больших лагерей для военнопленных и пятьсот небольших лагерей для военнопленных, и есть сотни мест, где живут работающие заключенные. Самые крупные лагеря находятся в Губене и Черше, где заключенные в основном русские. Лагеря в Цоссене, Вунсдорфе, Нюрнберге и Ратисбоне также очень большие.

Лагеря разделены на военные подразделения и управляются как настоящие военные лагеря. Обычные заключенные спят в общих спальнях, снабженных соломенными матрасами, подушками и цветными покрывалами. Мужчины должны содержать свои постели, и они вынуждены принимать ванну каждый день. Многие заключенные работают по лагерю, некоторые из них помогают в приготовлении пищи и выпечке. В лагере, насчитывающем 10 000 заключенных, приготовить еду непросто.

Заключенных, особенно на восточном фронте, заставляют делать прививки от холеры, брюшного тифа и оспы, и каждый заключенный должен быть продезинфицирован от вшей и блох, даже его одежда. Каждый русский заключенный должен быть обрит наголо. Заключенных нанимают цирюльниками.

Улица в Рухлебене, английском лагере для военнопленных.

Каждому заключенному разрешается писать четыре открытки и два письма в месяц, и эти письма проходят цензуру. Все заключенные, за исключением русских, получают множество посылок из своих домов. В штутгартском лагере, где солдаты в основном англичане и французы, две тысячи четыреста заключенных получают в среднем семнадцать тысяч посылок каждый месяц. Каждая посылка подвергается цензуре. Запрещается отправлять алкогольные напитки, а также карикатуры, которые были бы оскорбительными для немцев.

Русские пленники Получают хлеб.

Английские и французские заключенные получают деньги на карманные расходы от своих семей, и у большинства из них никогда не бывает недостатка в деньгах на табак и пиво. Гораздо сложнее обстоит дело с русскими, чьи семьи слишком бедны, чтобы что-либо посылать. Это одна из причин, по которой российские заключенные стремятся работать.

Большинство русских заключенных заняты выносом пепла из жилых домов, и здоровенные парни поднимают огромные железные банки так, словно они сделаны из бумаги. Эти люди совершенно свободны и управляют своими фургонами без охраны. Они очень хорошо себя ведут, занимаются строго своими делами и ни с кем не разговаривают. Немецкому народу *запрещено* разговаривать с ними, поэтому, конечно, они этого не делают. Работающие русские заключенные носят солдатскую форму, коричневое пальто, коричневые вельветовые брюки и коричневую фуражку с зеленым околышем. На рукаве у них нашита черная полоса. Это показывает, что они заключенные.

Столовая в лагере Цоссен.

Прошлой осенью многие заключенные были заняты на вырубке деревьев в Грюневальде. Рядом с ними всегда находился охранник. Однажды я прогуливался с немцем, говорившим по-польски, когда мы наткнулись на группу пленных. Немец спросил русских по-польски, нравится ли им Берлин. "*Sehr gut, aber—*" (очень хорошо, но—) ответил один из парней. Как раз в этот момент с вершины холма спустился немецкий охранник и сказал нам двигаться дальше. В Германии каждый раз, когда что-то становилось по-настоящему интересным, мне говорили двигаться дальше.

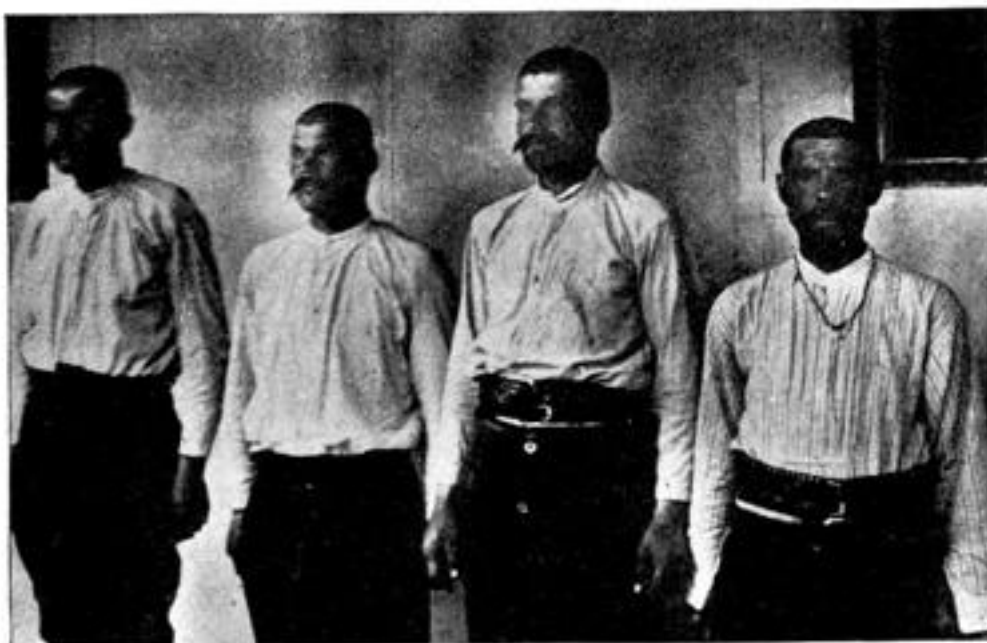
Французские пленные собирают дрова.

Очень многие россияне работают на железнодорожных путях, а третьи заняты на фабриках, в садоводстве и на полях. Те, кто работает на заводах, заняты не во взрывоопасных цехах, а поднимают тяжелые металлические бруски и снаряды. На этих заводах люди находятся под строгой охраной, но среднестатистический россиянин очень послушен и им легко управлять.

Очень немногие английские заключенные выполняют какую-либо работу, но многие французские заключенные заняты на фабриках и в полях. Они все еще носят свои ярко-красные брюки. В Дрездене я видел много таких парней в красных штанах, свободно разгуливающих по улицам. С одним заключенным был маленький немецкий ребенок. Это была маленькая девочка лет четырех, она вцепилась в его руку и, казалось, очень любила его.

Русские заключенные Перед входом в пункт дезинфекции от вшей.

Русские заключенные выходят из Пункта дезинфекции от вшей.

Прошлой зимой в цирке Буш была поставлена великолепная зрелищная пьеса, и поскольку для представления требовалось пятьсот исполнителей, для участия в ней были взяты мужчины из лагерей военнопленных. Там были англичане, французы, арабы и турки, все одетые в свою собственную форму, но некоторым пленным пришлось принять сторону немецких солдат. Они были одеты в обычную немецкую форму и выглядели довольно застенчиво. Конечно, в пьесе немцы выиграли все сражения, но был список заключенных, которые хотели получить работу в шоу. Им платили одну марку за вечер. Администрация театра отвечала за безопасность заключенных, и театр хорошо охранялся.

Два самых интересных лагеря в Германии - это два недалеко от Берлина, один в Цоссене, а другой для англичан в Рухлебене. Лагерь в Цоссене находится примерно в часе езды от Берлина, и его можно увидеть из окна поезда по пути в Дрезден. Он построен на открытой местности и представляет собой городок из маленьких домиков. У них здесь самые разные заключенные.

"Лагерь джентльменов" в Рухлебене - это место, где интернированы английские гражданские заключенные, и здесь находятся несколько очень богатых и влиятельных людей. Рухлебен построен на гоночной трассе, и хотя сначала в нем было всего несколько зданий, сейчас это небольшой городок. Здесь есть свои главные улицы, свои магазины, свои рестораны, свои читальные залы, свой избранный круг и свои четыреста жителей. Здесь был театр, директором которого до войны был директор одного из берлинских театров.

Французские пленные идут в город за покупками.

В Рухлебене печатается газета. Немецкие власти не разрешают рассылать эти газеты за пределы лагеря, но мне посчастливилось увидеть одну из них. Английская девушка, которую я знал в Берлине, получила один из них от немецкой жены заключенного Рухлебена. Мне пришлось поклясться, что, пока я был в Германии, я никогда не скажу, что видел его. Это был очень аккуратный маленький листок с рассказами, стихами и рекламой — никаких новостей. Реклама предназначалась для разных магазинов в Рухлебене. Некоторые из интернированных там мужчин занимаются ремеслами, и я видел рекламу типографии, глажки одежды и пошива одежды по индивидуальному заказу.

В Рухлебене у них есть то, что они называют своим "университетом", и здесь у них есть классы по языкам, искусству и науке, а для цветных заключенных у них есть общие школьные отделения. Все эти льготы были придуманы не немцами, а самими заключенными. Мужчинам разрешается тратить только определенную сумму денег каждый месяц, что сдерживает азартные игры, но им разрешается покупать любую мебель, какую они пожелают.

Англичане на пути в Рухлебен, ноябрь 1915 года.

Был поднят громкий крик против небольшого количества пищи, выдаваемой заключенным в Рухлебене. Я слышал со всех сторон, что это правда, и что зимой у них очень мало угля. Но Германия не может много дать своим пленным — она не может много дать даже своему собственному народу. Что они могут дать русским пленным, остается загадкой — возможно, ровно столько, чтобы на них можно было существовать.

Популярный французский заключенный в Германии.

Когда я был в Германии, английского проповедника пригласили приехать из Англии и проинспектировать лагерь Рухлебен. На границе с Германией его встретил немецкий офицер и препроводил прямо в Рухлебен. Он провел в лагере неделю, ведя ту же жизнь, что и английские заключенные. Ему разрешалось передавать сообщения солдатам и забирать послания от них обратно в Англию — разумеется, с цензурой. По Берлину ходили слухи о нем, но в немецких газетах ничего не было. Я прочитал его отчет в *лондонской "Таймс"* после того, как он вернулся в Англию. Он сказал, что мужчинам было комфортно и что у них была интеллектуальная жизнь, но добавил, что мужчинам, несомненно, нужны были посылки с едой, отправленные из Англии, и что они получили отправленные посылки.

Однажды, в первое лето моего пребывания в Берлине, я был в универсаме Вертхайма. Я увидел огромное количество людей, собравшихся вокруг прилавка со спортивными товарами. Когда я спросил, в чем дело, мне ответили, что двое мужчин в штатском были англичанами из Рухлебена и что они приехали в Берлин, чтобы купить теннисную ракетку. Их сопровождал немецкий сержант. Англичане, казалось, наслаждались происходящим, и им потребовалось много времени, чтобы выбрать ракетки.

Французские заключенные за работой.

Этой весной они уволили несколько человек из Рухлебена. Эти люди хотели работать. Однажды я стояла в холле своего пансиона и разговаривала с хозяйкой, когда ко мне подошел симпатичный молодой человек и попросил комнату. Он очень хорошо говорил по-немецки, но я сразу понял, что он иностранец. Прежде чем она показала ему комнату, он спросил, что за постояльцы у нее, и она ответила, что в основном немецкие офицеры. "Тогда мне нет смысла смотреть на комнату, - ответил он, - я иностранец-враг, и, возможно, это было бы неприятно". "О, все было бы в порядке, - сказала нетерпеливая хозяйка квартиры, - все, что вам нужно было бы сделать, это заявить в полицию". "О да, я знаю, - ответил мужчина. - Я *sehr bekannt* (хорошо известен) полиции. Я англичанин".

В каждом лагере для военнопленных проводятся религиозные службы в соответствии с религией заключенных. Принц Макс Саксонский любит проповедовать, и он повсюду проповедует русским заключенным на русском языке. В Вунсдорфе и Цоссене есть мечети, где заключенные-мусульмане могут проводить свои службы.

Некоторые офицерские лагеря находятся в Клаустале и Вильдеманне в Гарце, в Кельне и Майнце. У них гораздо лучшие условия содержания, чем у простых солдат. В некоторых случаях у них есть отдельные комнаты, а блюда здесь вкуснее и подаются в лучшем стиле. Говорят, у них даже есть салфетки. Офицеры никогда не работали на немцев, но я видел фотографии, на которых они вяжут и занимаются необычной работой.

Самые юные заключенные - это несколько маленьких русских мальчиков от двенадцати до четырнадцати лет. Этих детей использовали в качестве мальчиков-посыльных при русских офицерах и использовали на походных кухнях. В лагерях им каждый день дают урок немецкого языка.

VERBOTEN.

В Германии в настоящее время—

It is *Запрещено* выбрасывать мусор на тротуарах и улицах.

It is *Запрещено* плевать в общественных местах.

Детям и девушкам-медсестрам *запрещено* занимать все скамейки в парках. Для пожилых людей должны быть оставлены места.

Детям *запрещено* играть в коридорах многоквартирных домов. Сзади для них есть песочницы.

Вам *запрещено* играть на пианино в квартире после десяти часов вечера. Другие люди, возможно, захотят спать.

В любое время *запрещено* производить какие-либо ненужные шумы в многоквартирном доме.

It is *Запрещено* водить собак в рестораны и продуктовые магазины.

It is *Запрещено* выбивать ковры в любой день, кроме пятницы или субботы, а затем запрещено начинать раньше восьми часов. У людей в Германии нет метел, они выбивают свои ковры каждую неделю.

Покупателям *запрещено* брать фрукты с прилавков на рынке. Также запрещено обращаться с домашней птицей или дичью.

It is *Запрещено* продавать короткие гири, и за это предусмотрено суровое наказание.

It is *Запрещено* сажать в трамвай больше людей, чем он может вместить.

It is *Запрещено* брать собак в любое купе поезда, кроме того, которое помечено "Для собак".

It is *Запрещено* помещать в лифт больше людей, чем он может вместить.

It is *Запрещено* нанимать человека на работу до тех пор, пока он не состарится, а затем вышвырнуть его и уступить его место более молодому человеку.

It is *Запрещено* принимать на работу женщин с очень маленькими детьми.

После войны в этот список было добавлено несколько новых вещей:

It is *Запрещено* есть больше, чем положено вам. Их должно хватить на всех.

Дилерам *запрещено* повышать цены на товары первой необходимости выше, чем те, которые установлены правительством.

It is *Запрещено* выпекать торты и кондитерские изделия в домашних условиях. Муку нужно приберечь для приготовления хлеба.

It is *Запрещено* продавать или использовать сливки. Сливки - роскошь, сливочное масло - необходимость.

Во время войны *запрещено* танцевать.

Это всего лишь несколько правил, установленных немецким народом для немецкого народа. И они не только установлены, но и им беспрекословно подчиняются. Способность подчиняться законам демонстрирует силу, а не слабость, и именно это маленькое словечко *verboten*, над которым так много смеялся мир, помогает Германии сегодня выигрывать сражения.

Для немцев *verboten* означает не только "запрещено", но и означает самоограничение, послушание и уважение прав других, а также единство - единство совместной работы, умение слышать команды, отдаваемые вышестоящими, и прислушиваться к этим командам.

Немец столь же эгоистичен, как и представитель любой другой нации, и он также столь же жаден, но после войны ему запрещено быть жадным. У него есть склонность, но он не может ее осуществить. Он может покупать только определенное количество вещей каждую неделю, и то по цене, столь строго установленной правительством, что магазин мужчины закрывается, если он берет на один цент больше разрешенной. Кроме того, ему не разрешается отказываться от продажи вещей, если они у него есть на складе, а законы очень строги в отношении продажи испорченных вещей. Если мясник продаст вам испорченное мясо и откажется забрать его обратно, вы можете обратиться в полицию со своей историей. *Запрещено* продавать испорченное мясо.

Проблема употребления алкоголя стала серьезной проблемой для всех воюющих наций, но Германия, страна, пьющая больше всего пива во всем мире, спокойно решила этот вопрос без шума, и теперь, после войны, пивоваренным заводам запрещено продавать в розницу более двух третей своей продукции в мирное время.

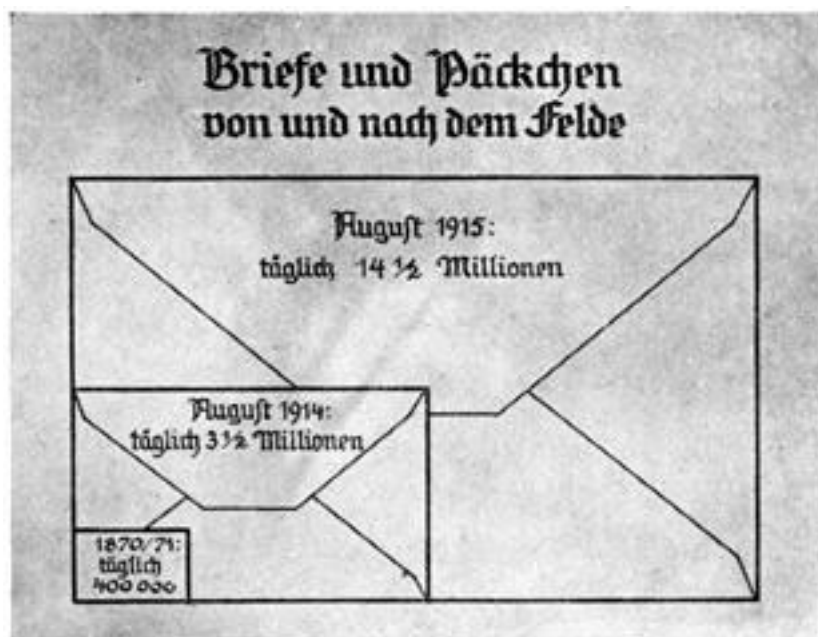
Немцы говорят, что *верботен* является частью патриотизма, ибо настоящий патриотизм заключается не только в любви к своей стране, но и в служении ей, а также в уважении к ее законам и правам других людей.

ПОЧТА В ГЕРМАНИИ.

В Германии, когда собралась толпа американцев, у нас было только две темы для разговоров — еда и почта.

Почта между Германией и Америкой приходила довольно регулярно до февраля 1916 года. С тех пор туда вообще доходило всего несколько разрозненных писем. Еще до того, как Америка вступила в войну, хранились письма, адресованные непосредственно Германии, но у большинства людей был голландский или скандинавский адрес, и им пересылали их письма. Но даже многие из этих писем не дошли до нас.

Эта пересылка по-прежнему может осуществляться через Швейцарию, но не через Скандинавию, поскольку скандинавские суда не перевозят почту; и между Америкой и Скандинавией нет почтового сообщения. Пересылка писем стоит очень дорого, и если до войны отправить письмо в Америку на немецком судне стоило десять пфеннигов, то при пересылке оно стоит пятьдесят пфеннигов. Передача осуществляется таким образом. Письмо помещается в открытый конверт, адресованный лицу в Америке. К внешней стороне этого конверта прикреплен Международный купон, который можно купить в любой стране. В Германии он стоит тридцать пфеннигов, и его можно обменять в любой стране на пятицентовую марку. Поверх первого конверта кладется второй открытый конверт с прикрепленным купоном. На этот второй конверт наклеивается марка в двадцать пфеннигов, чтобы письмо могло быть вывезено из страны. Отправитель берет купон, покупает на него марку в нейтральной стране, где он находится, и отправляет письмо по почте. Иногда эти письма доходят до адресата.

Рост объема полевой почтовой корреспонденции.

Немецкий цензор редко вскрывает письмо, которое уже было вскрыто английским цензором, но они вскрывают все письма с пометкой "Голландия", "Дания" или "Швейцария". Письма, отправляемые из Германии, должны быть отправлены по почте открытыми, и лучше писать на одной стороне бумаги, чтобы, если цензору взбредет в голову обрезать их, была испорчена только одна сторона бумаги. Если немецкому цензору кажется, что письмо слишком длинное, он отправляет его обратно и просит вас сделать его короче.

Пока Америка не вступила в войну, газеты, рассылаемые редакциями газет фирмам в Германии, обычно попадали туда, но бумаги, отправленные частным лицам, обычно задерживались. Американские газеты были двухмесячной давности. Я получил несколько писем девятимесячной давности. Мой знакомый американец получил два письма по той же почте. Одно было датировано июнем 1914 года и сообщало о женитьбе его друга из Чикаго. Второе письмо было датировано июлем 1915 года, и это была открытка, сообщавшая паре о рождении мальчика.

1 февраля 1917 года во всех немецких газетах было опубликовано объявление о том, что любой желающий отправить почту через U-Deutschland может сделать это, заплатив две марки дополнительных почтовых сборов, и что все письма должны быть в почтовом отделении к 15 февраля. Многие люди присылали письма. 5 февраля Америка разорвала отношения с Германией, поэтому лодка не отплыла. В марте все люди, отправившие письма, получили обратно свои две марки вместе с письмом и информацией о том, что судно не отплыло и что теперь нет почтового сообщения между Америкой и Германией.

Центральный склад солдатской почты в Ганновере.

До войны в Германии была самая совершенная почтовая система в мире, письма приходили быстрее, доставлялось больше, и не так много писем было потеряно. Теперь, поскольку многие клерки новенькие, и многие из них женщины, обслуживание стало не таким эффективным, как раньше. Часто теряются письма.

Первая почтовая доставка по Германии осуществляется в 7.30 утра, а последняя - в 8 часов вечера, и между ними проходит еще много времени. Затем у них есть то, что они называют своими *письмами Rohrpost*, и это письма специальной доставки, которые передаются по трубке из одного почтового отделения в другое и доставляются мальчиком на другом конце. Сейчас многие курьеры специальных служб доставки - женщины.

Берлинские почтальоны.

Самой распространенной почтовой службой в Германии является *полевая почта* или солдатская почта. Отправить письмо солдату или чтобы солдат отправил письмо вам, ничего не стоит. Все, что вам нужно сделать, это поставить слово *Feldpost* сверху письма, и оно отправится бесплатно. Даже если вы знаете, где находится солдат, вы не указываете название места на конверте, а только его полевой адрес, который состоит из армейского корпуса, полка и роты солдата.

Почтовые фургоны на Западном фронте.

Посылку весом в один фунт можно отправить солдатам за двадцать пфеннигов. Каждый день отправляются тысячи и тысячи посылок. Незадолго до того, как я покинул Берлин, было запрещено посылать солдатам посылки с едой, поскольку у солдат на поле боя рацион был лучше, чем у гражданского населения Германии. Многие солдаты посылали своим семьям посылки с едой. Я посетил немецкую семью в Дрездене в мае 1917 года, всего за месяц до того, как я покинул Германию, и каждый день, пока я был там, они получали посылку с едой от сына, который был офицером в Венгрии.

Летом 1916 года в Германии были повышены цены на почтовые марки. Письма, которые раньше стоили пять пфеннигов, теперь стоят семь с половиной пфеннигов, а письма, которые стоили десять пфеннигов, теперь стоят пятнадцать пфеннигов. Цена на письма, отправляемые из Германии, не изменилась. Некоторые люди довольно поворчали и сказали: "Теперь отправить письмо из Потсдама в Берлин стоит пятнадцать пфеннигов, а отправить письмо из Германии в Америку - всего двадцать пфеннигов".

Почтовая посылка в Берлине. Работают как мужчины, так и женщины.

На то, чтобы отправить письмо солдату во Франции, уходит не так много времени, как на то, чтобы отправить его солдату в России. Письмо иногда приходит за один день с Соммы в Берлин, но из России письмо приходит по меньшей мере четыре-пять дней.

Вся почта, которая поступает солдатам на западном фронте, сначала отправляется в Ганновер на центральный вокзал. Здесь почта сортируется и отправляется на разные станции вдоль фронта. С этих основных станций почта отправляется на разные подстанции. Каждый день каждый полк отправляет солдата в свое подразделение за полковой почтой. Никто, кроме солдата и начальника подразделения, не знает, куда должна отправляться почта, поскольку местонахождение каждого полка держится в секрете.

"АУСЛЕНДЕРЕИ"

Прошлой зимой в Германии однажды вечером я услышал, как немецкий граф читал лекцию об *Ауслендерях*. Он начал с того, что сказал, что в течение многих лет немецкий народ страдал от болезни под названием *Ауслендерей*, которая означает, что они всегда слишком любили все иностранное, что они стыдились того, что они немцы, и что они пытались копировать манеры, режимы и обычаи других наций вместо того, чтобы придерживаться своих собственных национальных идеалов.

Он пустился в подробности, начав с иностранных названий, используемых по всей Германии. Он сказал, что вместо того, чтобы называть отель добрым старомодным немецким словом *Hof*, владельцы отелей настаивали на использовании слова "отель", которое, увы, слишком часто сочетается с такими словами, как "Бристоль", "Эксельсиор", "Континенталь", "Эспланада", "Карлтон", "Вестминстер" и "Савой". Он подумал, что гораздо лучшими словами были бы *Berlinershof* или *Kaiserhof*.

Он сказал, что еще три года назад мальчиков-посыльных называли по-английски "messenger boys", и ему больше нравилось новое название *Blitzjunge*, что означает "малыш-молния".

Он посетовал, что даже сейчас английская одежда для мужчин все еще продается в немецких магазинах, и что ее цитируют как английскую и покупают потому, что она

английская; что немецкие женщины все еще следуют парижской моде; но он сказал с ударением: "Немецкое сердце под парижским платьем - это не настоящее немецкое сердце". Он сказал, что мужчине, который учился в Англии, нравится, когда его называют "выпускником Оксфорда" или "выпускником Кембриджа", и что многие немки, ежегодно приезжающие в Швейцарию, регистрируются в фешенебельных отелях как "мадам Шульц" или "мадам Шмидт" вместо "фрау".

Далее он сказал, что, когда англичанин или американец приезжает в Германию, он полностью ожидает, что каждый встреченный им немец будет знать английский, но ни один путешествующий немец не ожидает, что кто-то будет знать немецкий, и немец покорно изучает языки всех других рас.

В заключение он сказал, что знает, что ни у одного народа нет большей любви к своей стране, чем у немецкого народа, и что для них пришло время прекратить подражание и стать немцами без чужих идеалов, мыслей или обычаев.

Говорят, что в Кенигсберге тамошний военный комендант объявил уголовным преступлением любое использование или распространение иностранной одежды. Есть также небольшое количество людей, которые считают, что на улицах во время войны не следует говорить по-английски или по-французски, хотя английский и французский по-прежнему преподаются в школах, и я часто видел, как молодежь изучает английский в поездах.

Но я обнаружил, что граф, военный комендант Кенигсберга и люди, которые не хотят, чтобы на улицах говорили только по-немецки, представляют лишь небольшую часть немецкого народа; весь крик масс - о наступлении мира, чтобы они снова могли получать вещи из внешнего мира.

За те два года, что я был в Берлине, я почти все время говорил по-английски на улицах, и только дважды со мной заговорили за то, что я говорю по-английски. Однажды я поехала в Потсдам с американским парнем, и мы сидели в поезде, ожидая, когда он тронется. Мы думали, что поезд пустой, и говорили по-английски очень быстро и довольно громко. Внезапно женщина в черном высунула голову из соседнего купе и попросила нас перестать говорить по-английски. "Мне больно, - сказала она. - англичане убили моего мужа".

В другой раз я разговаривал с американской леди в опере, когда немецкая леди с изможденным лицом повернулась к нам и сказала: "Разве вы не знаете, что это Королевский немецкий оперный театр и что мы находимся в состоянии войны с Англией?" Она подумала, что мы англичане. Мы ничего не сказали, но заговорили по-немецки.

Забавная история произошла с американкой, которую я знал. Она ужинала с турецким офицером, одетым в гражданскую одежду. Поскольку турок не знал немецкого, они говорили по-французски. Вошел нервный раненый немецкий офицер и сел за столик рядом с ними. Как только он услышал французов, он послал официанта сказать им, чтобы они прекратили. Турок достал из кармана свою военную визитную карточку и передал ее немцу. Немецкий офицер сделал единственное, что можно было сделать, — он подошел и извинился.

Время от времени в Берлине у нас отключали телефон, когда мы говорили по-английски. Это была шпионская предосторожность, и Центральный не соединял нас снова, даже когда мы говорили по-немецки.

В Кельне несколько портних провели встречу, чтобы разработать несколько новых стилей для Германии. Они откопали множество модных журналов the styles пятидесятилетней давности, напечатали по ним модные журналы и сшили модели платьев, и они пытались

убедить современную немецкую девушку, что это именно то, что она должна носить. Они назвали новый стиль *Reform-Kleid* или "платье-реформа", но их план не имел особого успеха, потому что если что-то и было уродливым, так это это платье. Я никогда не видела больше полдюжины таких платьев на улице, но однажды в клубе я увидела несколько из них. Они были сшиты с узкой юбкой и свободной русской блузой на талии. Они были абсолютно бесформенными, как и женщины, которые были в них. Платья в основном были сшиты из шелка в цветочек и с очень небольшой отделкой. Шляпа, которая шла к реформаторскому костюму, была совершенно простой и сидела на голове, как сковорода.

The *Reform-Kleid* - предмет многих шуток в немецких еженедельниках, и мои знакомые немецкие девушки говорили, что скорее умрут, чем наденут их. В Германии в моде очень широкие юбки, и правительство пыталось заставить женщин носить более узкие из-за количества ткани, на которую это уходит, но патриотизм женщин ослабевает, когда дело касается стиля, и все они умудряются достать необходимую ткань для своих юбок.

Германия так долго была отрезана от мира, что ее стиль отличается от остального мира. Даже скандинавы одеваются скорее как американцы. В Германии в моде очень короткие туфли с круглым носком; там вы не смогли бы купить пару остроносых туфель. Прошлым летом из Соединенных Штатов приехала американская девушка, и ей заранее сказали привезти туфли. Она привезла одиннадцать пар остроносых туфель, и каждый раз, когда она выходила из дома, немцы пялились на ее ноги. Немецкие шляпы сидят высоко на голове, а короткие рукава снова в моде.

Все немецкие женщины будут рады, когда у них снова появится парижская мода, а большинство немецких мужчин стараются одеваться как англичане. Они любят английский твид и думают, что нет ничего лучше пальто Burberry. Многие немецкие офицеры носят монокль, и это, несомненно, английский цвет.

Один старый немецкий чудаков хотел, чтобы все буквы на немецких пишущих машинках были заменены немецким шрифтом. Но даже при упоминании о такой вещи торговцы и бизнесмены поднялись и заявили, что у них этого никогда не будет. Café Piccadilly сменило название на Café Vaterland, но Russischer Hof по-прежнему называется именно так, а высший орден немецкой армии по-прежнему называется *За верность*.

Конечно, вы слышите много разговоров о *немецких* вещах, и о том, что сейчас ничто ничего не стоит, если оно не "сделано в Германии" и не является чисто немецким. Они называют это патриотизмом, но дальновидный немец понимает, что именно *Ауслендереи* сохраняют молодость нации, и именно это сделало Германию такой, какой она была до войны. Граф сказал, что немцы были "копиями кошек", но разве это не было одной из самых умных черт немецкой нации?

ВОЕННЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ.

В Берлине почти каждый день отмечают день подарков. Вы не можете высунуть голову за дверь, чтобы вам не сунули коробку для сбора пожертвований. Мальчики и девочки работают над этим вечно. Они ходят по поездкам, кафе и ресторанам не по одному, а непрерывными потоками. Возможно, вы идете по очень тихой улице и увидите идущую вам навстречу улыбающуюся даму. Очевидно, у нее пустые руки, но как только она подходит к вам, она достает коробку из-за своей муфты или газеты и вежливо выпрашивает кусочек.

Немцы постоянно пополняют эти коллекции. Они кладут всего по десять пфеннигов за раз, но я часто наблюдал за мужчинами и женщинами в кафе, и за полчаса они отдадут с

полдюжины молодых людей. Они действительно предпочитают отдавать свои благотворительные пожертвования таким образом, а не большими кусками. Они получают от этого больше удовольствия.

Передвижная Благотворительная столовая.

За день до того, как я уехал из Берлина в Копенгаген, ко мне приставали около десяти раз на одной площади. Коллекция называлась *U-Boot-Spende*, и это была коллекция для жен и детей моряков, погибших на подводных лодках. На углу мальчик лет тринадцати остановил меня, приподняв шляпу и спросив, не осмелится ли он попросить несколько пфеннигов за *U-Boot-Spende*.

Роланд Бранденбургский, Оригинальная статуя.

"Послушайте, - сказал я ему, - почему я должен жертвовать на это? Я *feindliche Ausländerin* (враждебный иностранец), и если я дам вам немного денег, это побудит вас, немцев, продолжать топить американские корабли. Я должен сберечь свои деньги для жен и детей мужчин, погибших от рук подводных лодок".

Железный Роланд Бранденбургский.

Мальчик густо покраснел. - Это правда, - сказал он. - Прошу прощения. Я тоже сочувствую этим людям. И если вы мне позволите, я хотел бы пожертвовать кое-что на вашу благотворительность, - и малыш вытащил из кармана марку и протянул ее мне. Впоследствии я узнал, что мальчик был сыном одного из самых богатых и аристократичных принцев Германии.

Помимо дней ярлычков, есть много женщин, которые продают маленькие листки с картинками за десять пфеннигов. После войны появилось бесчисленное количество таких листков. Компании, которые их публикуют, получают лишь небольшую прибыль, а остальные деньги идут на благотворительность.

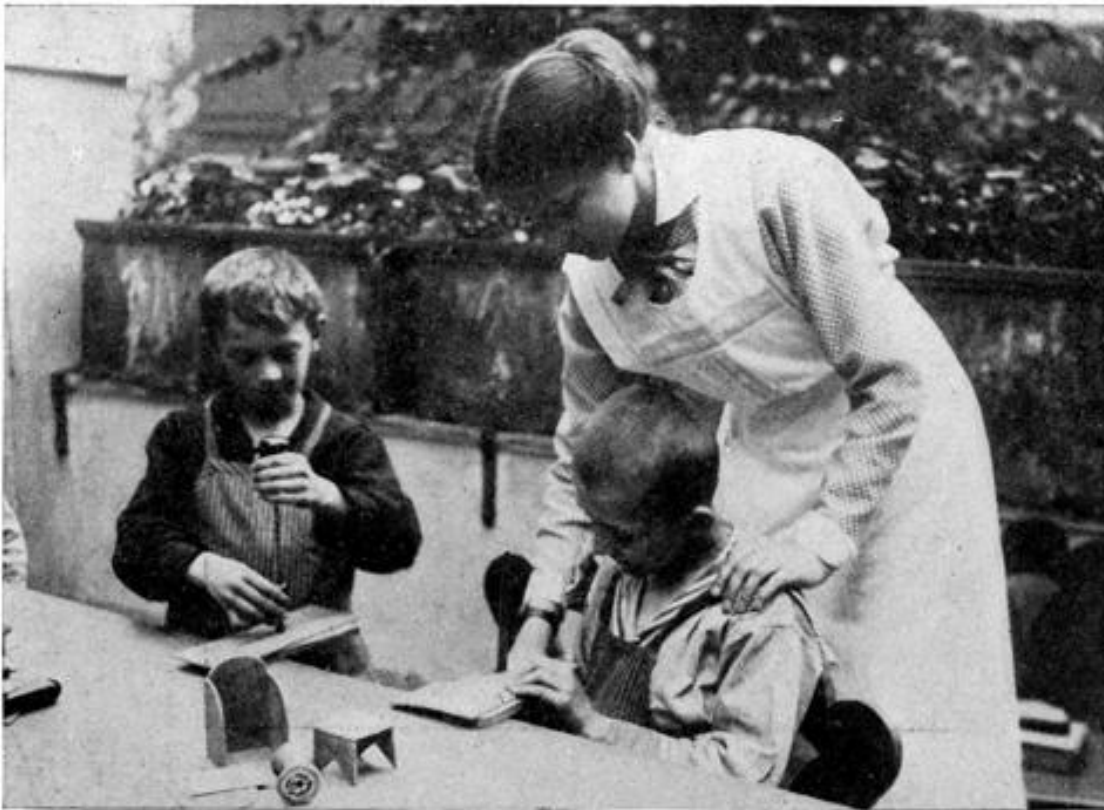

Кузнец из Бохума в Вестфалии.

Один из лучших способов сбора денег, который есть у немцев, - это забивание гвоздей в деревянные статуи и взимание такой суммы с каждого человека за то, что ему разрешили вбить гвоздь. "Железный Гинденбург" - величайшая из всех этих фигур, но даже в Берлине их гораздо больше. У многих кафе есть свои собственные фигуры, иногда это просто орел или Железный крест. В Бранденбурге у них есть деревянная копия их знаменитой старой каменной статуи Роланда, которая веками стояла на бранденбургской рыночной площади. Каменная фигура была достаточно забавной и причудливой, но прибитая гвоздями фигура выглядит как какое-то странное произведение кубистического искусства.

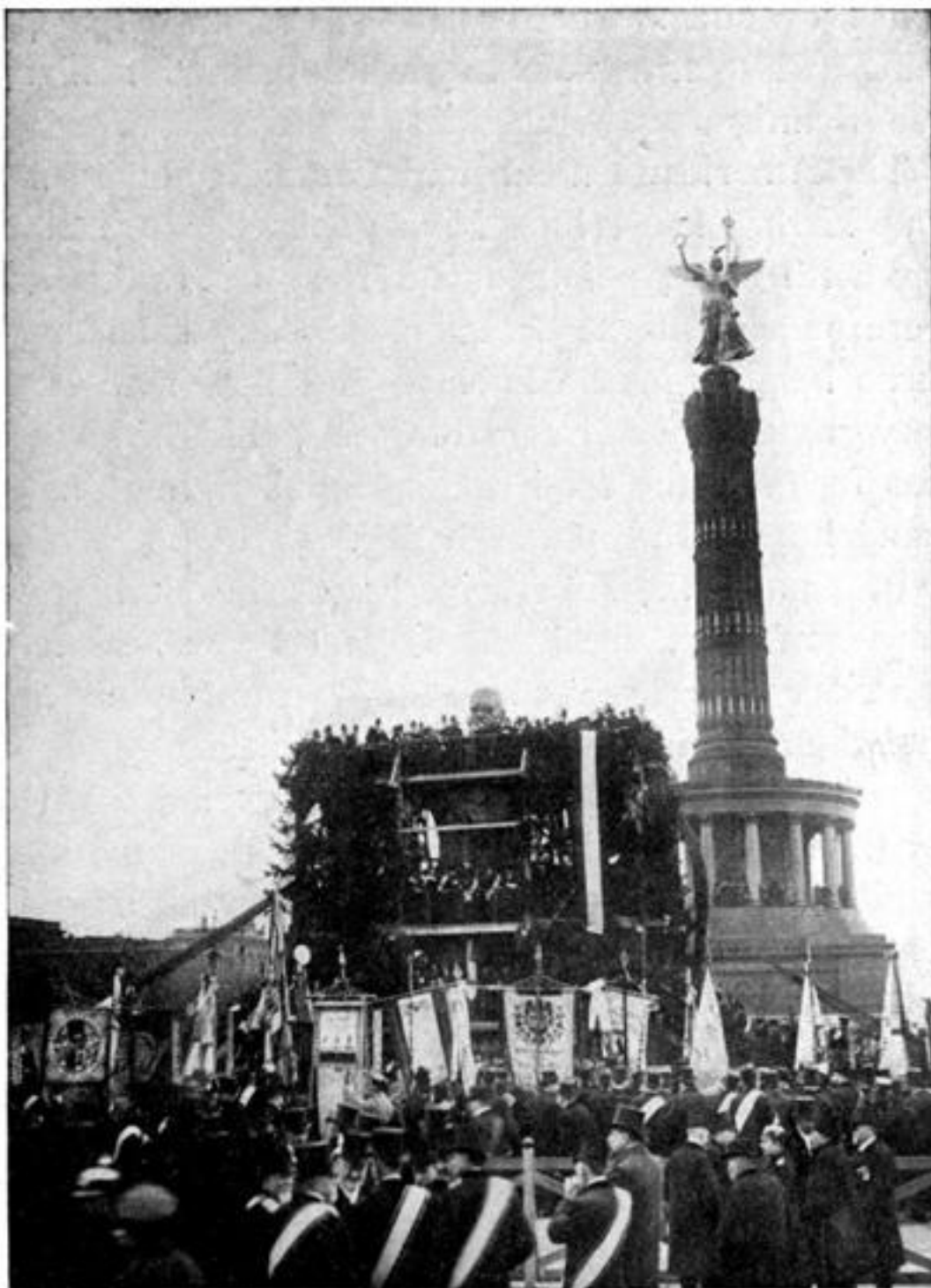

Прибитая гвоздями статуя. Статуя немецкого ландштурмовика в Позене.

Занимательный "Кругскиндер".

The *Mittelstandsküche* и *Volksküche* также являются благотворительными организациями и находятся в ведении женских клубов. Эти кухни — места, где представители среднего и низшего класса могут получить хорошую еду за пятьдесят-семьдесят пфеннигов, состоящую из супа, мяса, картофеля и овощей. Компот или компот из компотов можно купить за десять пфеннигов за блюдо, а салат - за ту же цену. У них нет хлеба, вы должны принести его с собой. Они урезают ваши продуктовые карточки на мясо и картошку, но не очень строго относятся к этому. Если бы вы были ужасно голодны и пошли в *Volksküche*, вы, скорее всего, смогли бы получить что-нибудь поесть без карточки. Город видит, что эти места хорошо обеспечены, и часто вы не могли достать картошку в модных ресторанах, но на кухнях она всегда была.

Железный Гинденбург в день рождения кайзера.

Помимо этих кухонь, у женщин клуба есть передвижная столовая. Он состоит из пушки для приготовления гуляша, которую возят по улицам на повозке, и люди приходят со своими ведрами, чтобы получить горячую похлебку за тридцать пять пфеннигов.

У Американской торговой палаты была прекрасная столовая в Берлине. Она была открыта две зимы назад с большой помпой, и мистер и миссис Джерард присутствовали на этом мероприятии. Светские дамы по очереди помогали на кухне, и они добились большого

успеха. Все, что подавалось на кухне, было бесплатным, а еда - великолепной. Каждый день они обслуживали много сотен человек.

В Мюнхене у американцев есть больница, которой они управляют самостоятельно. Я не знаю, как она управляется с тех пор, как Америка вступила в войну, но до этого американцы платили за все. Два года назад американские дамы в Дрездене устроили ярмарку для Немецкого Красного Креста. Они заработали много тысяч марок. В Берлине есть очень богатый американец, который содержит семьи ста пятидесяти немецких солдат, погибших на войне. Когда Америка вступила в войну, считалось, что его благотворительности придет конец, но он сказал: "Нет, эти бедные женщины и дети ничего не могут поделать с тем, что Америка находится на войне".

Дети фрау Беккер вышли на прогулку.

Одной из крупнейших благотворительных организаций Берлина является ясли, которыми руководит фрау Хофрат Беккер. Ясли - это место, где работающие жены солдат могут каждый день оставлять своих детей, пока они на работе. Детей нельзя оставлять с фрау Беккер, если мать не предъявит справку о том, что она работает. Детей можно оставить в пять часов утра, и они остаются там до ночи.

У фрау Беккер пять таких домов, расположенных в разных частях Берлина, и я посетил их все. В каждом доме у нее около ста пятидесяти детей — малыши в возрасте от шести недель до четырех лет. Некоторые дети казались очень счастливыми, но другие были маленькими существами, выглядевшими так, словно жизненная битва была слишком велика для них. На завтрак детям дают молоко и хлеб, а в полдень - теплые рагу.

Помимо заботы о младенцах, фрау Беккер кормит детей постарше, которые ходят в школу, горячим обедом, а после школы она угощает их кофе или хлебом. Затем она обеспечивает этих более крупных детей занятиями и развлечениями, чтобы они не гуляли по улицам. Девочки постарше шьют и вяжут, а мальчики разучивают песни и игры. Все помощники работают на добровольных началах, и они не получают никакой оплаты.

Берлинская молодежь едет в лагерь на свежем воздухе в Восточной Пруссии.

Почти в каждой семье в Германии, принадлежащей к высшему среднему классу, есть то, что они называют *Kriegskind*, или "дитя войны". Они берут мальчика или девочку из какой-нибудь бедной семьи и кормят их. В семье, которую я посетил в Дрездене, с начала войны была маленькая девочка. Когда началась война, Хильде было девять лет, и вы не можете себе представить, какие перемены произошли в ней за эти три года. Сейчас у нее очень приятные манеры, она очень чистоплотна, научилась шить и играть на пианино. Хильда - одна из семьи, в которой одиннадцать детей. Отец - солдат *ландштурма* на войне, и он зарабатывает тридцать восемь пфеннигов в день.

Одной из крупнейших благотворительных коллекций является *gold-collection*. Императрица положила начало этой коллекции, пожертвовав множество золотых украшений, и многие люди последовали ее примеру. В Германии ходит история — лично я сомневаюсь, что это правда, — что кронпринцесса передала в коллекцию все золотые тарелки, которые король Англии Эдуард преподнес ей в качестве свадебного подарка, а когда тарелки переплавили, оказалось, что все они покрыты позолотой.

ЧТО ГЕРМАНИЯ ДЕЛАЕТ ДЛЯ СВОИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВ ВОЙНЫ.

Слово "калека" - это слово, которое причиняет боль, и в Германии, когда говорят о мужчинах, потерявших руки, ноги или глаза, говорят *Kriegsbeschädigte*, что означает пострадавший в результате войны. У него более мягкое звучание.

Даже сейчас, когда война еще не закончилась, планы в отношении этих людей были осуществлены, и строится еще много планов. Искусные врачи и изготовители протезов изобретают всевозможные способы изготовления различных видов рук и ног, пригодных для всех видов работы, которую может пожелать выполнять человек-калека.

Например, человек, который хочет стать плотником, должен иметь на своей новой руке крюк иного типа, чем у человека, который хочет стать кузнецом. У человека, потерявшего руку по плечо, должен быть другой крюк, чем у человека, потерявшего руку по локоть.

Однорукие и Одноногие солдаты, Обучающиеся земледелию.

Искалеченные немецкие солдаты учатся писать.

Все это требует больших экспериментов, поскольку в мире существует так много различных профессий, и искалеченный человек желает, если возможно, заниматься тем же ремеслом, которым он занимался до войны. Во многих случаях это невозможно сделать, и была намечена пятьдесят одна новая профессия, в которой могли бы работать инвалиды. Правительство создало школы, где этим профессиям можно обучиться бесплатно для солдата.

Фабрика по изготовлению протезов конечностей в Берлине.

Безрукий солдат Осваивает новое ремесло.

Одна из самых известных таких школ находится в Берлине, Оскар-Хелен-Хайм. До войны здесь была больница для детей-калек со школой для них, где они могли обучаться ремеслам. После войны они пристроили это место, и солдаты могут приходить сюда, чтобы научиться ремеслу. Главой этого учреждения является профессор Бисальски, человек, который изобрел множество различных видов рук и ног. Рукоятка Biesalski очень проста и изготовлена из никеля, а инструменты крепятся к держателю с помощью винтов.

Езда на велосипеде перед получением новой ноги.

Я обошла весь этот дом. У них есть столярный цех, цех по пошиву обуви, цех по плетению корзин и цех по садоводству. Здесь было несколько солдат без ног, но приют специализируется на оказании помощи солдатам без рук, а это гораздо более сложная задача. Я видел нескольких мужчин без обеих рук, и в этих печальных случаях у них есть приспособления для хранения всего: инструменты, ножи, вилки, ложки, чашки, сигары и вообще все, что человек хотел бы держать в руках.

После получения Новой Ноги.

Протезы ног тоже самые замечательные. Один армейский капитан, потерявший ногу в области бедра, смог сесть на лошадь через девять недель после того, как ему ампутировали ногу, а две недели спустя он присоединился к своему полку в полевых условиях. Другой парень, которому было всего девятнадцать лет и который потерял ногу, записался в авиационный отряд, и теперь он один из лучших летчиков немецкой армии.

Безногий Солдат, Учащийся ходить.

Однако большинство мужчин не возвращаются на войну, а возвращаются к мирным трудам. Один солдат, сапожник по профессии, обнаружил, что на одну ногу он может шить такую же хорошую обувь, как и на две. Другой случай произошел с солдатом, потерявшим обе ноги при Льеже. По профессии он был инженером, а сейчас управляет скорым поездом между Кельном и Брюсселем. Портному отрезали обе ступни. Новые ступни, сделанные для него, были очень большими, и теперь он может работать на швейной машинке так же хорошо, как и раньше.

Безрукий солдат Учится на плотника.

Самым успешным изделием ручной работы со времен войны было не "Сделано в Германии", а "Сделано в Америке". Известный берлинский хирург, доктор Макс Коэн, заразился от раны солдата, которую он перевязывал в начале войны. Инфекция стала настолько серьезной, что пришлось ампутировать ему левую руку. Он отправился в Америку за новой рукой. Это сделано так, что пальцы имеют суставы, как у настоящей руки, и эти суставы сгибаются и работают как суставы настоящей руки. Суставы приводятся в действие шкивами, закрепленными на плече. Рука может не только держать предметы, но и поднимать пятидесятифунтовый предмет и переносить предметы более легкого веса. Со своей здоровой правой рукой и с помощью этой левой доктор Коэн все еще может проводить свои операции, и они проходят так же успешно, как и раньше.

Доктор Коэн поднимает 50 фунтов искусственной рукой, сделанной в Америке.

По всей Германии проводятся выставки манекенов с искусственными руками и ногами, чтобы продемонстрировать их работу. Один манекен представлял собой фигурку за швейной машинкой, и на нем было показано, как искусственные ноги могут передвигаться. Мужчины могут пойти на эти выставки и выбрать ту руку или ногу, которая им подходит.

Доктор Макс Козн. Он умеет держать газету.

Возможно, самой трудной задачей на войне является обучение слепых солдат, поскольку они более или менее беспомощны и склонны впадать в уныние. В Берлине они основали больницу и школу для слепых солдат. Она называется больница Святой Марии Виктории. Источником вдохновения для этой школы является слепая женщина, фрейлейн Бетти Хирш. Когда началась война, она была в Англии, изучала английские методы работы со слепыми, и на ней лежит ответственность за все обучение солдат.

С самого начала фрейлейн Хирш стремилась к тому, чтобы ее слепые солдаты не занимались старыми монотонными ремеслами плетения корзин и метел. Она хотела, чтобы у них было более широкое поле деятельности в мире, и поэтому посетила все фабрики в Берлине, чтобы узнать, какую работу может выполнять слепой человек. Она обучила своих солдат занимать эти должности. Сейчас у нее сорок пять слепых мужчин на хороших должностях на заводе боеприпасов, и они работают от шести до восьми часов в день. Сначала они получали 45 пфеннигов в час, но затем эта сумма была увеличена до пятидесяти пяти пфеннигов в час. Некоторые мужчины вставляют патроны в рамки, а другие рассовывают их по карманам. Каждую ночь работники возвращаются домой, в больницу, где их размещают и за ними бесплатно ухаживают.

Каждое утро с одиннадцати до двенадцати часов мужчинам даются уроки, а остаток дня они проводят, практикуясь в них. Они учатся печатать на машинке и тому, как стать телефонными центрами. Я видел там одного молодого парня, который потерял оба глаза при Вердене. Он четыре месяца изучал машинопись и мог писать под диктовку, как человек со зрением.

В Германии запрещено использовать диктографию, но фройляйн Хирш получила разрешение использовать ее для слепых. Поскольку в Германии не было ни одного из этих инструментов, фрейлейн Хирш скопировала английскую модель и заказала их под свою диктовку.

Один из здешних слепых солдат изобрел приспособление к пишущей машинке, которое надежно удерживает ее, когда бумага заканчивается. Слепому человеку очень трудно определить, когда лист бумаги подошел к концу, и он очень склонен продолжать ставить галочки после того, как страница закончена. Это изобретение представляет собой стержень с винтом спереди и, несомненно, будет использоваться слепыми машинистками по всему миру.

Еще одно ремесло, которому обучают солдат, - изготовление сигарет. Немецкие сигареты не скручивают, а набивают табаком бумагу, которая уже скреплена вместе. Слепые люди усваивают это очень быстро.

Теперь каждая провинция Германии еженедельно выпускает брошюру в помощь мужчинам-калекам. Эти брошюры называются "От войны к мирному труду", и в них содержится все, что могло бы заинтересовать калеку, профессии, которыми они могут заниматься, вещи, которые они могут сделать, если предпочтут оставаться дома, и где они могут продать то, что они делают. Они также содержат объявления о приеме на работу мужчин-калек.

Под Берлином у них есть ферма для одноногих мужчин, и сюда одноногие солдаты могут отправиться жить и заниматься сельским хозяйством. Большинство фермеров - мужчины без семей, и они намерены прожить на ферме до конца своих дней.

Правительство Германии разработало планы строительства домов для мужчин-калек. Были выбраны участки, и планы были завершены. Дома будут построены рядом с заводами, где будет выполняться работа, которую может выполнять человек-калека. Планы этих домов очень привлекательны. Некоторые дома представляют собой отдельные домики, похожие на коттеджи с наклонными крышами и небольшим садом. В каждом населенном пункте будет несколько больших многоквартирных домов, а затем один очень большой дом, похожий на гостиницу, где смогут жить неженатые мужчины.

Аренда этих домов будет удивительно низкой. Например, комната для холостяка в большом доме будет стоить от двадцати до тридцати долларов в год. Сюда входят свет и тепло, а в некоторых случаях и мебель. Квартира в большом многоквартирном доме будет стоить от семидесяти пяти до ста долларов в год со светом и теплом. Отдельные дома будут дороже и будут стоить около ста пятидесяти долларов в год. В каждой квартире большого дома будет небольшой сад, а также кафе и библиотеки, где мужчины и их семьи смогут приятно провести время.

Ни один человек не счастлив, если у него нет работы, и немцы делают все возможное, чтобы будущее не выглядело слишком мрачным для искалеченного немецкого солдата, когда он вернется домой с войны.

БУДУТ ЛИ ЖЕНЩИНЫ ГЕРМАНИИ ГОД СЛУЖИТЬ В АРМИИ?

Самый главный вопрос, стоящий перед немецкими женщинами, заключается не в том, будут ли они иметь право голоса? но не было бы для них лучше, если бы они прошли годичную специальную подготовку у правительства, как это делают мужчины, когда они служат в армии?

Обязательная военная служба была прекрасной вещью для мужчин в странах, где она применяется, и это особенно касается Германии, где мужчины склонны увлекаться учебой, а не спортом и физическими упражнениями. Это делает их физически сильнее, их учат правильным способам физических упражнений и тому, как заботиться о своем здоровье.

Итак, эта война привела немецких женщин к осознанию того, что они тоже должны иметь некоторую практику и натренированность в некоторых вещах, если они хотят выполнить свой долг перед своими семьями и своей страной. Они понимают, насколько лучше они могли бы делать все то, что их сейчас заставляют делать, если бы заранее прошли специальную подготовку. И вот возник важный вопрос: должны ли женщины Германии проходить годичную подготовку за счет государства?

Многие из величайших женщин Германии поддерживают этот выпуск, и они разработали планы для этой службы. Все это не означает, что женщинам придется учиться стрелять из ружей и пушек, но что они должны пройти обучение в тех отраслях, которые делают женственность и материнство более совершенными.

Женщины дают солдатам уроки кулинарии.

Светские девушки учатся садоводству.

Женщины из общества Помогают бедным детям.

На год службы в армии женщины будут разделены на два класса— первый класс - высшие и образованные немецкие девушки, а второй класс - более бедные девушки, которые должны сами зарабатывать себе на жизнь. Естественно, богатую девушку, которая остается дома, не будут учить тем же предметам, что и бедную девушку.

Девушки из высшего класса будут платить за год своей службы. Для них должны быть построены здания со всем необходимым оборудованием, в которых они могли бы жить в

течение этого года. Остальные девочки будут обучаться в государственных школах, и их обучение будет бесплатным, государство будет оплачивать все - одежду, питание и обучение.

Самое важное, чему женщины должны научиться за год обучения, - это ведение домашнего хозяйства. Не просто поддержание дома в порядке, например, подметание, вытирание пыли и все остальное, что связано с ведением домашнего хозяйства. Они должны научиться готовить, и не только для сильных здоровых людей, но и для того, что можно есть больным. Они должны научиться готовить пищу для младенцев. Они должны научиться стирать и гладить, а также правильно застилать постель.

Они должны научиться проводить научный маркетинг, чтобы знать, что покупать, не тратя впустую, поскольку *Экономичность* - одна из фундаментальных вещей, которой нужно научиться. Их научат, что делать, когда в рационе нет жира, и им предложат разные меню на случай дефицита определенных продуктов.

Затем немецких женщин научат, как ухаживать за садом, когда сажать разные семена и что лучше всего растет в определенное время года. Девочек, которым небезразличны эти знания, будут обучать выращиванию цыплят, а для деревенских девушек будет организовано обучение приготовлению молочных продуктов.

Светские женщины учатся готовить.

После ведения домашнего хозяйства следующая важная вещь - уход за больными. Женщины должны научиться ухаживать за больными, делать перевязки и, возможно, немного разбираться в медицине. Если эта отрасль вызывает отвращение у кого-либо из женщин, они не будут вынуждены заходить в ней слишком далеко, но для тех, кому нравится эта отрасль, они могут продолжать ее до тех пор, пока не станут дипломированными медсестрами.

Вторая отрасль сестринского дела, которой каждая девушка должна досконально овладеть, - это уход за младенцами. Их необходимо научить правильно одеваться для маленьких детей, что они должны есть и когда им нужно спать. Также они должны знать, что делать в случаях легких детских заболеваний и что делать с капризными младенцами и при прорезывании зубов.

Затем они должны научиться чему-нибудь о работе в социальных поселениях и о том, как развлекать больных и искалеченных детей. Они должны помогать в уходе за сиротами и быть в состоянии что-то для них приготовить. Они должны что-то знать о воспитании в детском саду и знать истории и игры для детей. Многие немецкие женщины, потерявшие своих мужей на войне, будут рады, что им есть куда отправить своих детей, а армейские девушки смогут позаботиться о них.

После ухода за больными следуют уроки шитья, и, помимо изготовления обычных вещей, девочки из высшего класса научатся плести кружева и выполнять необычные работы. В течение года служения девочки из лучшего класса будут шить для бедных, а девочки из более бедных будут шить для себя.

Женщины учатся работать в саду.

Одна видная немка считает, что было бы неплохо, если бы девочки отбывали свои первые полгода службы в возрасте четырнадцати лет, когда они заканчивают государственную школу. В это время их будут обучать ведению домашнего хозяйства и приготовлению пищи. Затем, позже, в возрасте от семнадцати до двадцати лет, когда девушкам это наиболее удобно, они могли бы отучиться второе полугодие.

Уход за больными, шитье и кулинария будут основными отраслями, которым обучают девочек из высшего класса, но каждую из бедных девочек будут обучать особой отраслью, с помощью которой она сможет зарабатывать себе на жизнь, и тому, что она сможет использовать для замещения мужчин, когда это будет необходимо, как на этой войне.

Девочек из более бедных классов будут обучать ведению бухгалтерии и машинописи. Их научат быть телефонными операторами и правильно обслуживать клиентов. Но девушку будут обучать только одному из этих направлений, и ей будет разрешено выбрать то, которое ей больше всего нравится.

Конечно, большинство немецких девушек выходят замуж, но у них должна быть какая-то специальность, к которой они могли бы прибегнуть в случае, если мужчины уйдут на войну, или в случае потери мужа, когда они могут остаться со многими маленькими детьми, которых нужно содержать. Когда девушка осваивает какую-либо специальность, она должна служить

государству в этом качестве всякий раз, когда ее к этому призывают. Это будет ее долгом, таким же, как и у мужчины.

Дом для солдатских младенцев.

План на данный момент состоит в том, чтобы всем управляли женщины, и у них должны быть те же офицеры, что и в армии. Это сделает ярких женщин более эффективными в управлении, а более скучных научит подчиняться.

Светские женщины Германии уже создали клубы для обучения ремеслам. Они учатся разбивать сады, готовить и шить. В настоящее время женщин призывают на заводы по производству боеприпасов, и поскольку большинство из этих девушек раньше были горничными, многие немецкие домохозяйки предоставлены самим себе.

Нельзя отрицать, что большинству немецких женщин год тренировок пошел бы на пользу. Это помогло бы им стать сильнее телом и разумом. Эта война стала для мира прекрасным примером того, что значит военная подготовка для мужчин, и женщины Германии чувствуют, что если они должны выполнять мужскую работу, то должны иметь те же преимущества, что и мужчина.

ПРИНЦЕССЫ КАЙЗЕРИН И ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ.

Самый популярный мужчина в Германии - кайзер, а Кайзерин - самая популярная женщина. У Вильгельма II могут быть свои критики, но никто не может отрицать, что в нем Августа Виктория нашла того, кого считает идеальным мужем. Единственная домашняя тирания, о которой я слышал от него, заключается в том, что на каждый день рождения он дарит Кайзерин двенадцать шляп в подарок. Эти шляпы он выбирает сам, и она должна их носить. Судя по фотографиям, на которых кайзеринец в шляпе, действительно кажется, что он в некотором роде варвар и довольно груб со своей женой. На свой последний день рождения, когда я был в Берлине, она не разрешила дарить ей подарки — возможно, она хотела провести год без шляп - и вместо этого попросила всех дарителей прислать солдатам вино, джемы и варенья. Эта коллекция называлась "Подарок Кайзерин на день рождения".

Кайзерин Германии.

За исключением нынешней войны, жизнь и правление Августы Виктории были мирными, и вот уже двадцать восемь лет прошло с тех пор, как она стала первой леди страны. Она родилась в маленьком замке Дольциг в Шлезвиг-Гольштейне, и там она провела свое детство с двумя младшими сестрами и братом. Молодой принц Вильгельм Прусский, нынешний кайзер, был сводным кузеном юной принцессы, их матери были сводными сестрами. Принц Вильгельм видел ее всего один раз на приеме при английском дворе, устроенном общим родственником, и они познакомились только после того, как его пригласили на охоту в замок ее отца.

Наследная принцесса Сесилия.

Принцесса Эйтель Фридрих, жена Второго сына.

Охотничий отряд был в 1878 году, и он принес большую добычу. История гласит, что после охоты юный принц прогуливался по саду, когда внезапно наткнулся на юную принцессу — это было началом ухаживания, и год спустя они поженились. Когда Бисмарк услышал эту новость, он воскликнул: "Счастливый конец драмы королевства". Бисмарк, вероятно, организовал этот брак, поскольку Шлезвиг-Гольштейн был неспокоен и нуждался в более надежных связях с государствами Германии.

Принцесса Адальберт, жена Третьего сына.

Принц и принцесса въехали в Берлин через Бранденбургские ворота. Шесть лет спустя умер император Вильгельм I, а менее чем через год умер его сын, и на трон взошли кайзер Вильгельм II и Августа Виктория.

6 мая 1882 года родился нынешний наследный принц. Его отец был так взволнован, что открыл окно в Мраморном дворце и крикнул во дворец своего отца: "Отец, это мальчик. Ура! Четвертый германский кайзер!" При крещении ребенку дали полное имя Фридрих Вильгельм Виктор Август Эрнст.

Принцесса Августа Вильгельм, жена Четвертого сына.

После этого родились еще пять мальчиков, один за другим— Эйтель Фридрих 7 июля 1883 года; Адальберт 14 июля 1884 года; Август Вильгельм 29 января 1887 года; Оскар 6 июля 1888 года; и Иоахим 17 декабря 1890 года. Младшим ребенком была дочь Виктория Луиза, родившаяся 13 сентября 1892 года.

Все дети сейчас женаты, и, как ни странно, каждый из них женился на немке, и все королевской крови, кроме жены принца Оскара, а она была баронессой.

Баронесса фон Руппин, жена Пятого сына.

Свадьба наследного принца и герцогини Цецилии Мекленбург-Шверинской состоялась 6 июня 1905 года. У кронпринцессы очень высокие связи, она происходит из той же семьи, что и знаменитая королева Луиза. Ее мать - русская принцесса, и она приходится двоюродной сестрой покойному царю. Ее сестра - королева Дании, и когда она едет в Данию навестить свою сестру, они вдвоем прогуливаются по улицам Копенгагена рука об руку с королем.

Принцесса Иоахима, жена Шестого сына.

Ее демократический дух сделал ее очень популярной среди немецкого народа, и говорят, что она единственный человек, который осмеливается бросить вызов своему императорскому тестю, и в результате он очень восхищается ею и очень любит ее. Четыре года назад кайзер запретил офицерам танцевать танго. Уже на следующий день после этого указа кронпринцесса наняла учителя танго. Кайзер только рассмеялся. Ему понравился ее настрой.

Она очень высокая, почти такого же роста, как ее высокий муж. У нее почти русский типаж, темные волосы и очень яркие глаза. Немецкие женщины надеются, что она задает стиль. Она часто одевается в белое и, как кайзерин, носит очень большие шляпы. Хотя сама по себе она очень богата, она носит не экстравагантную одежду, а скорее разумные вещи.

Виктория Луиза, герцогиня Брауншвейгская, дочь кайзера.

Она очень активная и способная, а также прекрасная мать, проводящая большую часть времени со своими четырьмя мальчиками и маленькой дочерью, сама помогая их тренировать. Старшему мальчику сейчас десять лет, а маленькая девочка родилась после войны. У нее есть собственный дворец в Берлине, но большую часть времени она проводит в Потсдаме или Данциге, любимом курорте королевской четы.

На серебряной свадьбе кайзера и Кайзерин поженились принц Эйтель Фридрих и великая герцогиня Шарлотта Ольденбургская. Герцогиня - внучка принца Карла, знаменитого генерала 1870 года. Она сильно отличается от жизнерадостной Сесилии спокойным характером. У нее нет детей.

Год спустя четвертый сын кайзера, принц Август Вильгельм, женился на принцессе Александре Виктории Шлезвиг-Гольштейнской. Она такая хорошенькая, что ее называют "Прекрасной принцессой". Почти каждый день можно увидеть, как она разъезжает в своей карете с маленьким мальчиком рядом. Она приходится двоюродной сестрой своему мужу, являясь дочерью любимой сестры Кайзерин. Она, безусловно, любимая невестка Кайзерин,

и их часто видят вместе. Ее ребенок - красивый мальчик четырех лет. И ее, и ребенка очень часто фотографируют.

Принц Адальберт, третий сын, был следующим, кто женился, и в 1911 году он женился на принцессе Адельхaide Саксен-Майнингенской. Принцесса Адельхайд - очень печальная принцесса, потому что после замужества она потеряла обоих родителей. У нее нет детей.

Наследная принцесса и ее четверо сыновей на балконе Своего замка Наблюдают за уходом войск.

Следующим королевским ребенком, вышедшим замуж , была Виктория

Луиза, которая всегда была очень популярна в Германии. Она - любимое дитя кайзера, и он всегда говорил, что его единственная дочь должна выйти замуж за того, за кого ей заблагорассудится. Когда она выбрала Августа Брауншвейгского, все были довольны, потому что это раз и навсегда уладило притязания гвельфов на брауншвейгский трон. Немцам нравится верить, что это был брак по любви, потому что им не нравится думать, что их дорогая маленькая принцесса Виктория Луиза была принесена в жертву планам государства, но со всех сторон ходят слухи, что она несчастлива и что ее муж всегда "в отъезде", и "в отъезде" тоже не означает "на фронте", потому что говорят, что он не очень любит воевать. У нее двое детей. Большую часть времени она проводит в Брансуике, но иногда встречается со своим мужем в Берлине, и они останавливаются либо в отеле "Адлон", либо в отеле "Бристоль".

Пятый сын, принц Оскар, был морганатически женат в 1914 году на баронессе фон Риппен, красивой и благородной даме, в которую он был очень влюблен. Из всех придворных дам у нее самое очаровательное лицо. Сначала кайзер не был в восторге от этого брака, но когда началась война, он дал свое согласие. У них есть один ребенок, родившийся в 1916 году.

Младший сын женился весной 1916 года, и свадьба принца Иоахима и принцессы Марии Ангальтской была тихим военным браком. Этим летом родился мальчик.

ПРОГУЛКА ПО БЕРЛИНУ.

Когда вы начинаете свою прогулку по Берлину, вы начинаете со станции Фридрихштрассе, потому что там все начинается и там же заканчивается, если уж на то пошло. Здесь есть надземка, которая доставит вас по всему городу, и железная дорога дальнего следования, которая доставит вас по всему миру.

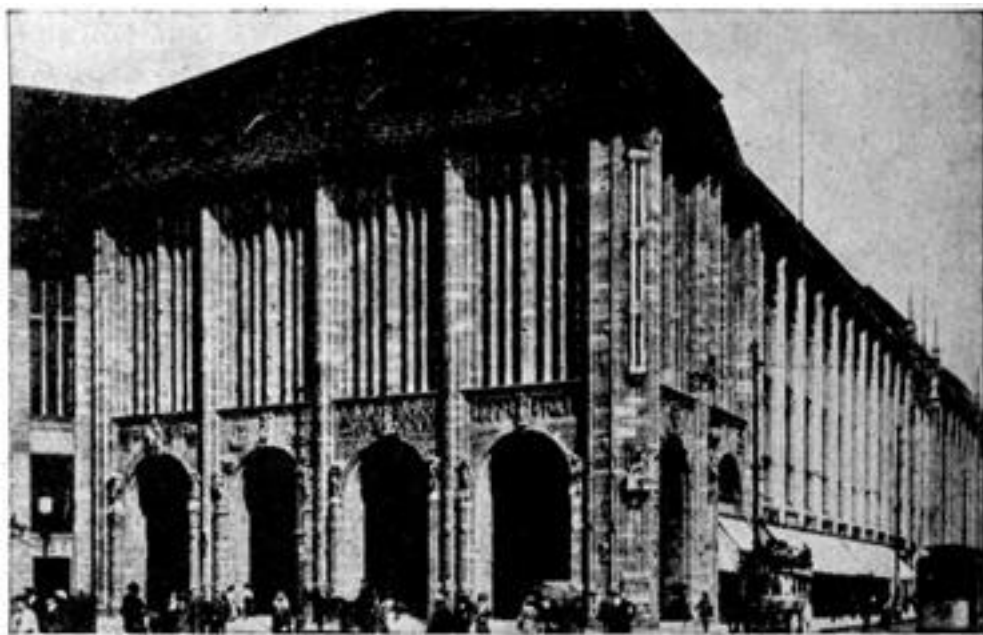
С вокзала вы спешите пройти две площади Фридрихштрассе, и вот вы прямо на Унтер-ден-Линден, в сердце Берлина. Липы! Липы! Но сейчас все они голые, и огни с другой стороны улицы просвечивают сквозь их пустые угольно-черные ветви. Но в дни, когда была победа, просвечивали флаги, и тогда улица становилась очень красивой.

Центр Берлина построен на площади. С одной стороны находится Унтер-ден-Линден, со второй стороны Фридрихштрассе, с третьей стороны Лейпцигерштрассе и с последней стороны Вильгельмштрассе. На Унтер-ден-Линден полно модных магазинов и отелей. Вот отель "Адлон", где останавливается большинство американцев, но туда приезжают и члены немецкой королевской семьи. Герцогиня Брауншвейгская часто делает его своей штаб-квартирой. Рядом с отелем находится редакция газеты *Lokal-Anzeiger*. Вокруг его бюллетеней и карты великой отечественной войны, на которой цветными булавками показано, как Германия расширила свои границы, всегда толпятся люди. Затем есть магазины ювелирных изделий и мужской одежды. Это прогулочная сторона улицы, и здесь берлинские кавалеры Браммелс и Дизраэли прогуливаются со своими прекрасными дамами. Некоторые из них пьют чай у Кранцлера, а маленький кейк-хаус битком набит с раннего утра до вечера. Люди, сидящие в "Кранцлере", никогда не выглядят непринужденно, как будто они здесь для того, чтобы их видели, а не для того, чтобы хорошо провести время.

На другой стороне улицы, посреди всего этого модного убранства, находится крошечная пивная для солдат. У них на витрине всегда есть ветчина и дюжина яиц, а рядом с ветчиной вывеска "Для военных 10 пфеннигов", и какой солдат не воспользовался бы этим! На той же стороне - "Жокей-клуб", портные, которые шьют английскую одежду. Слова "Жокей-клуб" напечатаны по всему фасаду магазина. На улице есть только один пустой магазинчик, и то крошечный, и в витрине все еще висит вывеска: "Духи Шевалье д'Орсе". Французские

владельцы магазинов уехали в начале войны. У "Автомобильной компании Мерседес" на этой улице большая витрина, и в этой витрине у них три или четыре гигантских автомобиля. Все они помечены как "Проданные", но их можно будет доставить только после войны.

Фридрихштрассе - очень узкая улица, и на ней всегда так многолюдно, что по ней с трудом можно пройти. Многие люди ходят посреди улицы. Здесь полно маленьких магазинчиков и лотерейных заведений, находящихся в ведении правительства. У них очень много лотерей Красного Креста, и шансы продаются по три марки за шанс. Прошлой зимой обладатель первого приза в несколько тысяч марок так и не пришел за ним. Объявление об этом номере было опубликовано во всех газетах. Если победитель не появлялся в определенное время, деньги должны были быть переданы Красному Кресту.

Универмаг Вертхайма.

На Фридрихштрассе есть несколько американских обувных магазинов — "Walk Over", "Napan" и обувной "Vera". Но прошло уже больше двух лет с тех пор, как они получали обувь из Америки, и они заполнили свои пустые коробки немецкой обувью, которая сильно уступает нашей. По этой улице курсируют автобусы, и многие кондукторы — женщины, которые носят брюки - не шаровары, а обычные мужские брюки.

Американское посольство.

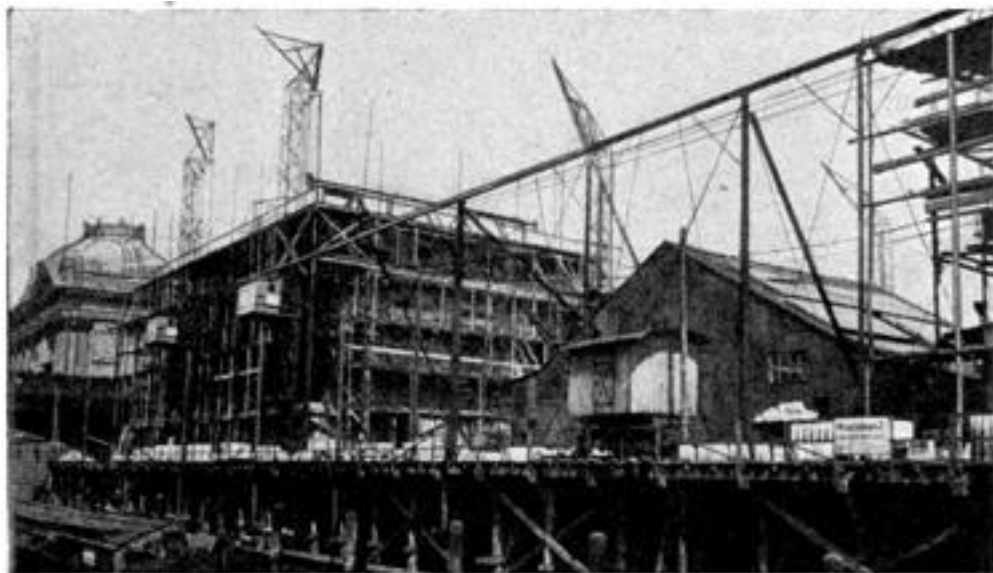
Лейпцигерштрассе сплошь состоит из крупных магазинов, и в этих магазинах процветает бизнес. На одном конце улицы находится большой универмаг Wertheim. Снаружи это похоже на публичную библиотеку или правительственное здание, но внутри оно выглядит довольно дешево и представляет собой обычный зеркальный лабиринт, в котором легко найти дорогу. Я сомневаюсь, что даже сам мистер Вертхайм справится с этим.

Прямо у дверей этого магазина стоят ящики полевой почты для солдат, готовые к отправке на фронт: гусиные грудки, пирожные, конфеты, вино, апельсины и сигареты. Все перевязала лентой из *Шварца-Вайсс-Ротана*, а сверху положила немного зелени. Чего только нет в этом магазине для солдат! Одежда, шапочки, одеяла, карманные фонарики, наколенники, пульсогрелки, спальные мешки, складные ножи и вилки, книги.

Четвертая сторона площади - Вильгельмштрассе, и когда вы читаете в газетах: "Вильгельмштрассе говорит об этом сегодня" или "Вильгельмштрассе молчит", - это улица. Это голая улица без машин и деревьев, вдоль которой выстроились серые правительственные здания. Здесь находится министерство иностранных дел Германии, а прямо рядом с ним - дом канцлера, где Бисмарк так долго жил. Американское посольство находится на другой стороне улицы. Сейчас здание занимает посольство Испании. По этой улице проезжает так много автомобилей, что она похожа на стекло, а когда зажигаются фонари, их отражения такие яркие, что кажется, будто шел дождь.

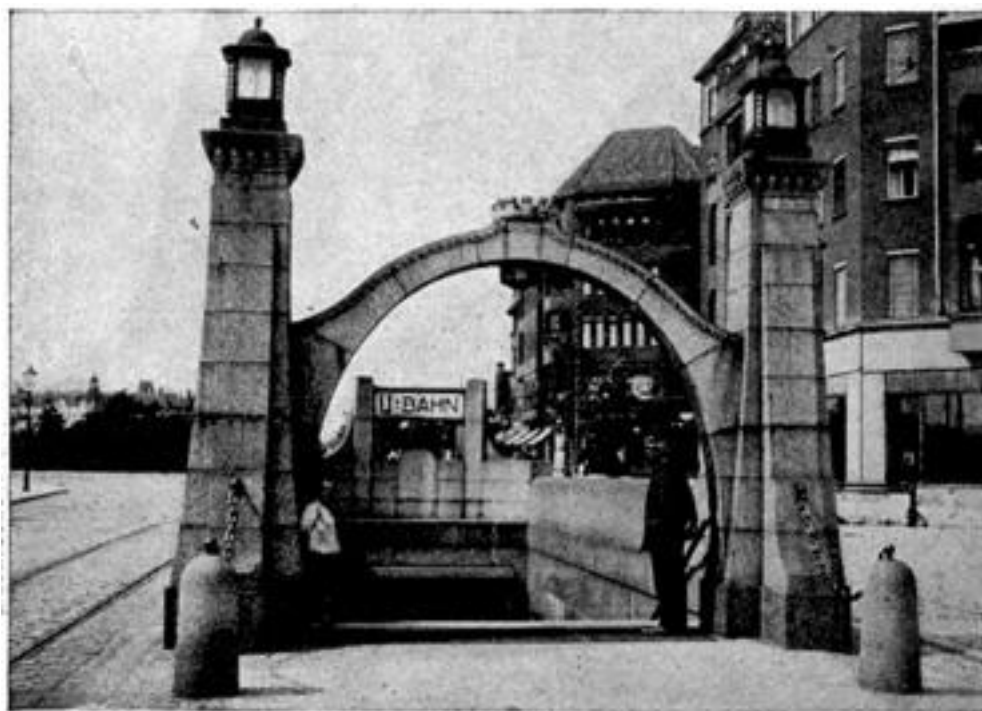
В начале Вильгельмштрассе, где она пересекается с Унтер-ден-Линден, находится знаменитая Бранденбургская башня, и там, на ее вершине, вы видите знаменитых бронзовых коней, которых Наполеон привез в Париж и которые были привезены обратно в 1871 году. Проходя под его арками, вы оказываетесь в Тиргартене, большом парке Берлина. В этом парке всегда полно людей, и многие из них собираются забивать гвозди в Железный Гинденбург. Забивка гвоздей продолжалась более двух лет, а статуя еще не закончена. Это

огромная фигура высотой более пятидесяти футов. Деньги на забивку гвоздей идут Красному Кресту. Вбить железный гвоздь в фигуру стоит одну марку, вбить серебряный гвоздь - пять марок, а золотой - 100 марок. Шпага Гинденбурга уже полностью покрыта золотом, и его обручальное кольцо тоже золотое. Пуговицы на его сюртуке серебряные. Забиванием гвоздей руководят солдаты, и каждый день после полудня перед фигурой играет военный оркестр.

Новый терминал подземной и надземной железной дороги в Берлине.

Если вам лень гулять по Берлину, вы можете прокатиться по городской надземке, сев на поезд на Потсдамском вокзале. На этой станции вы почти всегда можете увидеть заключенных — арабов, англичан, французов, — ожидающих отправки в Цоссен, большой лагерь для военнопленных под Берлином. Эта станция окружена угольными складами, и прошлой зимой, когда доставлять уголь было так трудно, мне часто хотелось выйти сюда и украсть кусок.

Вход в Новую подземную железную дорогу, построенную после войны.

Ни в одно время дня вы не сможете проехать по кольцу, не увидев эшелон с войсками. Мимо всегда пролетает эшелон с войсками. Очень веселые поезда с орущими солдатами, высовывающимися из окон и дверей. Все машут руками и кричат *Auf Wiedersehen!* Это означает "Пока мы снова не встретимся", но многие из них никогда не возвращаются.

Рядом с солдатскими эшелонами стоят товарные составы и забавные штуковины, которые они везут: части самолетов с крыльями, отмеченными Железным крестом; части подводных лодок; сани для зимовки в России - такие вы видите на картинках в книжках с рассказами, а затем пушки, автомобили, маленькие фургончики для полевых кухонь — все выкрашено в серый цвет - "полевой серый".

Рядом с вокзалом Шарлоттенбург находится *Mittelstandsküche*, или кухня среднего класса. Такие кухни были открыты по всему Берлину после войны, и здесь можно вкусно поесть за восемьдесят пфеннигов.

Café Victoria, Corner of Friedrichstrasse and Unter Den Linden.

Если вы сойдете с надземки на станции Лерте, то окажетесь в Альт-Моабите. Рядом со станцией находится большая гражданская тюрьма Берлина. Он построен в виде звезды с пятью ответвлениями, отходящими от центра. Это наводит на мысль об осьминоге. Здесь заключены шпионы, редакторы-нарушители и беспокойные социалисты. Либкнехт здесь. Я знал тюремного пастора, молодого человека по имени доктор Клатт. Доктор Клатт хотел отправиться на фронт, но он настолько полезен здесь, что его не отпускают. Он является посредником между заключенными и внешним миром. Некоторые заключенные умоляли отпустить их сражаться за свою страну, и доктор Клатт помог этим людям освободиться. Он говорит, что среди заключенных огромное количество патриотов.

Рядом с тюрьмой находится большой красный барак. Он такой длинный, что едва видно от одного конца до другого. У окон всегда стоят солдаты, и если вы вообще посмотрите в их сторону, они очень склонны называть *Гутен Таг*. В дальнем конце здания есть дорожка, и независимо от того, в какое время дня вы туда пойдете, вы можете увидеть, как оттуда

выходят сотни новобранцев. Они еще не получили свою форму, и на них старая одежда, и большинство из них держат в руках коробки. Двести человек приходят одновременно, по шесть в ряд, и когда они добираются до ворот, насколько вы можете видеть, появляется вторая группа. Это длится до тех пор, пока ты стоишь там.

Чуть дальше от вокзала Лерте находится самый большой госпиталь в Берлине, и сейчас он используется как место сбора солдат, которые были ранены, но теперь выздоровели и готовы вернуться на фронт. Здесь они проходят свой последний экзамен, чтобы убедиться, что они в состоянии вернуться.

Памятник Штойбену в Потсдаме.

От Берлина до Потсдама час езды, и вы можете легко понять, почему Гогенцоллерны выбрали это место для проживания. Он такой хитрый, такой маленький. Крошечные домики желтого цвета. Это солдатский городок. Каждый человек - солдат, и солдаты тренируются весь день напролет перед городским дворцом Фридриха Великого. На улице перед дворцом растет дерево, "Петиционная липа", к которому люди обычно приходили, чтобы поделиться своими горестями со старым Фрицем. С другой стороны дворца находится статуя генерала Штойбена, точная копия которой была отправлена немцами в дар Америке.

Потсдам особенно красив на закате. Можно постоять на старом мосту и посмотреть на воду. Когда начинают опускаться тени, старые рыцари на мосту, кажется, шевелятся и слезают со своих мест. Слушайте! Слышен звон их шпор, бряцанье доспехов. Один за другим они покидают мост и в темноте направляются к старому дворцу.

ПУТЕШЕСТВИЕ По ГАВАНИ ГАМБУРГА.

Моим самым уникальным опытом в Германии была поездка по гавани Гамбурга, потому что незнакомцам категорически запрещено приближаться к докам, а шныряющих повсюду иностранцев арестовывают. Моя поездка была совершена совершенно случайно.

В прошлом году мы с одной американской девушкой отправились в рождественскую неделю в Гамбург. Мне предложили рекомендательные письма к тамошним людям, но я сказал, что они нам не нужны, что мы едем только ради развлечения и не хотим, чтобы нас беспокоили встречи с незнакомыми людьми. Я однажды был в Гамбурге несколько лет назад, но никто из нас ничего не знал об этом месте.

В первый вечер, или, скорее, после полудня — в четыре часа уже стемнело, — когда мы были там, мы отправились на прогулку. Мы проехали через Санкт-Паули, знаменитый матросский квартал, где в мирное время моряки проводили время, когда их корабли стояли в порту. Поскольку это была рождественская неделя, тир и развлекательные заведения были открыты, но народу в них было немного, так как было еще слишком рано. Только несколько солдат, матросов и детей прогуливались по этому месту.

В окне одного дома была изображена фигура солдата. Он входил в комнату, где женщина держала на руках маленького ребенка. На карточке было напечатано, что говорил солдат: "Извините, молодой человек, но я хотел бы с вами познакомиться. Я ваш отец".

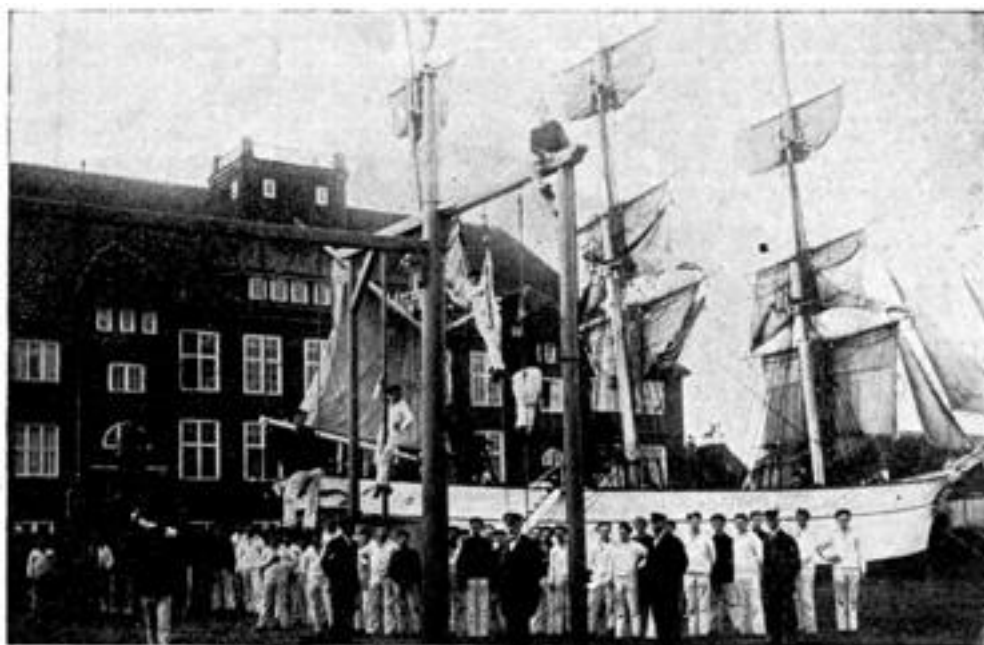

Моряки учатся стирать белье в Школе моряков в Гамбурге.

Мы свернули с главной улицы Санкт-Паули и свернули в переулок. Было совсем темно, и улицы были плохо освещены. В конце этой улицы мы подошли к нескольким ступеням, у подножия которых был пешеходный мостик, ведущий к кромке воды. Вдалеке, по другую сторону воды, виднелось нечто, похожее на огромный город огней. Мы оба затаили дыхание, когда увидели это место — оно выглядело как Нью-Йорк, когда переправляешься на пароме. А по воде сновали паромные переправы. Огромные железные балки с правильными рядами фонарей по бокам делали их похожими на небоскресные скребки.

"Это Нью-Йорк! Это дом!" - воскликнул мой взволнованный спутник.

Огромные толпы рабочих — сотни, тысячи людей — поднимались по пешеходному мосту. Они переправились на пароме. Я совсем запутался в географии и сказал: "Вон там Альтона. Давай спустимся вниз, прокатимся на пароме и притворимся, что мы приземляемся в Нью-Йорке".

Школа моряков торгового флота.

Мы поспешили вниз по узкому пешеходному мостику. Мужчины, которые спешили наверх, налетели на нас. У подножия моста была касса. Рядом с ним стоял пожилой мужчина в синей униформе. Мы бросились к нему и спросили: "Нам разрешат переправиться в Альтону на пароме".

Овощной рынок.

Он посмотрел на нас, а затем рассмеялся и ответил по-английски: "Это не Альтона. Это большие гамбургские доки. Куда ты хочешь пойти?"

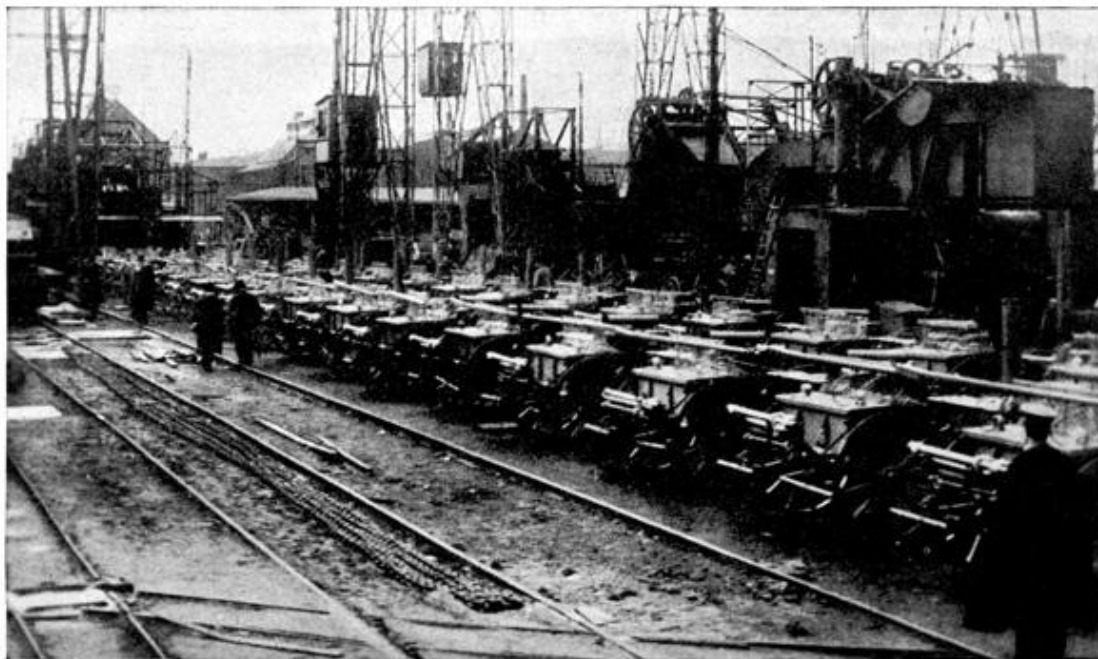
Мы сказали ему, что не знаем, куда хотим поехать, но это так похоже на Нью-Йорк, что нам захотелось прокатиться.

Это была жутко холодная зимняя ночь между Рождеством и Новым годом, и если он и думал, что мы либо сумасшедшие, либо шпионы, то виду не подал.

- У вас есть паспорта? - спросил он.

Мы предъявили свои документы, и он сказал нам, что, если мы пообещаем остаться на яхте и вернуться к нему, он отпустит нас. Мы пообещали, и он записал наши имена, адреса в Гамбурге, Берлине и Америке, наш возраст и вероисповедание в книгу и сказал нам купить билет.

Поездка туда и обратно обошлась в пять пфеннигов, и старик проводил нас до парома и разговаривал с нами, пока лодка не была готова к отплытию. Он сказал, что днем и ночью в доках работало 15 000 человек, и что помимо всех тех, кто приплыл на лодках, многие другие приплыли по туннелю, проходившему под водой. Он сказал, что они строят много лодок, и что "Бисмарк" будет самой большой лодкой на плаву — 55 000 тонн — и что "Тирпиц" будет иметь водоизмещение 32 000 тонн, и что на данный момент за время войны общий тоннаж новых лодок составил 740 000 тонн и что 100 000 тонн находятся в стадии строительства. Затем он рассказал нам о школе для мальчиков-моряков в Финкенвердере, где мальчиков готовили на матросов, но не для войны, а для торгового флота после войны. Я сказал, что, на мой взгляд, это, безусловно, очень предприимчиво.

Фабрика по производству гуляшных пушек.

Я не понимал, какая это была дикая ночь, пока наша лодка не тронулась с места. Паром раскачивало вверх и вниз, ветер был как нож. Лодки сновали по всей гавани, и у нас было время, чтобы ни на что не наткнуться.

Посадкой занимался мальчик лет двенадцати. Он был крепким маленьким ребенком и курил одну сигарету за другой. А как он умел ругаться! Мы хотели задать ему несколько вопросов, но ни у кого из нас не хватило смелости. Но, наконец, он подошел к нам и, почти выпустив мне в лицо струю дыма, сказал: "Это старый таксист и *шрайхалс*, и я ненавижу его". Он указал на пилота.

Когда наша лодка подошла ко второй пристани, она скользнула под конец огромной черной штуковины, нависшей над нами. - Это "Император", - сказал наш мальчик-моряк. Его подняли из воды, чтобы уберечь от гниения, и от этого он казался больше, чем когда-либо. В некоторых его иллюминаторах горел свет. Сразу за "Императором" мальчик указал на "Бисмарк". Что это было за чудовище! Все это было освещено электрическими лампочками. Мы могли видеть, как на нем сновали рабочие, и слышали щелканье их молотков. "Тирпиц" был едва виден. Он лежал за "Бисмарком", и падающий снег закрывал нам обзор.

Мы проезжали мимо всевозможных лодок, крейсеров, торпедных катеров, судов снабжения и пароходов. Я никогда не видел такого оживленного места, как эта гавань.

Толпы на Гамбургской бирже.

- Вы иностранцы, - сказал мальчик, - а старый босс в доках не допускает сюда иностранцев. Но я полагаю, он понял, что вы девушки и многого не знаете. Мы должны быть осторожны со шпионами. Мы уже арестовали двадцать человек. Последнего я заметил сам. Он рисовал план на бумаге. Я могу сказать вам, что от меня ничего не ускользает. Я вижу, вы двое безобидны.

Мы сделали круг по гавани. Когда мы приблизились к возвращающимся крейсерам, один из самых больших отделился от группы и начал медленно удаляться.

"Ты видишь это?" - сказал мальчик, - "она снова уходит. Она здесь уже три недели. Она участвовала во многих драках. Я могу сказать вам, что это дьявол ". На лодке горело всего несколько огней, и через минуту она растворилась в темноте.

На нашем пароме, возвращавшемся обратно, было несколько сотен рабочих. Это были не калеки, а крупные сильные мужчины. Когда мы сошли с причала в Санкт-Паули, они все спрыгнули и побежали. Мы тоже побежали, потому что почти окоченели. Старик в синем ждал нас, и, стуча зубами, мы поблагодарили его и сказали, как нам понравилась наша поездка.

"Не хотели бы вы зайти и немного согреться?" - спросил он и провел нас в маленький кабинет, где горел большой камин. Он рассказывал нам об Америке. Я думаю, он, должно быть, был помощником капитана на пароходе.

Вид зернохранилища в Гамбурге.

Было как раз шесть часов, когда мы вбежали на пешеходный мост. С нами подбежала лодка рабочих. Наверху мы постояли минуту и посмотрели на гавань. Море огней! Бухта лодок! Еще рабочие! Старик в синем сказал: "Мы готовимся к завтрашнему выступлению в Гамбурге".

КРУПП РАБОТАЕТ В ЭССЕНЕ.

На главной площади перед ратушей Эссена стоит большой бронзовый памятник, изображающий не короля и тем более не героя, а человека, одетого в простую гражданскую одежду. Его правая рука покоится на наковальне, а пронизательные глаза нависают над бровями мыслителя. Гранитный пьедестал носит имя "Альфред Крупп".

Давным-давно в Англии знали процесс производства литой стали, но она тщательно хранила это в секрете. В 1800 году Фридрих Крупп, отец Альфреда, начал экспериментировать. Он работал рано и допоздна. Друзья говорили ему, что он напрасно тратит время, но Фридрих продолжал работать. Через одиннадцать лет он открыл драгоценный секрет, и в 1818 году на месте нынешнего Эссенского завода он построил восемь печей, в каждой из которых был один тигель. Он нанял всего двух рабочих. И это было началом великого крупповского завода в Эссене.

Берта Крупп, Ее муж и дети.

Его сын Альфред родился в 1812 году, всего через год после того, как было сделано великое открытие, а в 1842 году Альфред взял на себя все руководство работами. Его отец умел отливать сталь только небольшими массами. В 1855 году Альфред Крупп отправил на Лондонскую выставку стальной блок весом 4500 фунтов, и ему удалось отлить сталь в одну массу весом более 100 000 фунтов. Альфред Крупп умер в 1887 году, и именно при нем завод Круппа вырос до таких огромных размеров.

Большой Общественный дом.

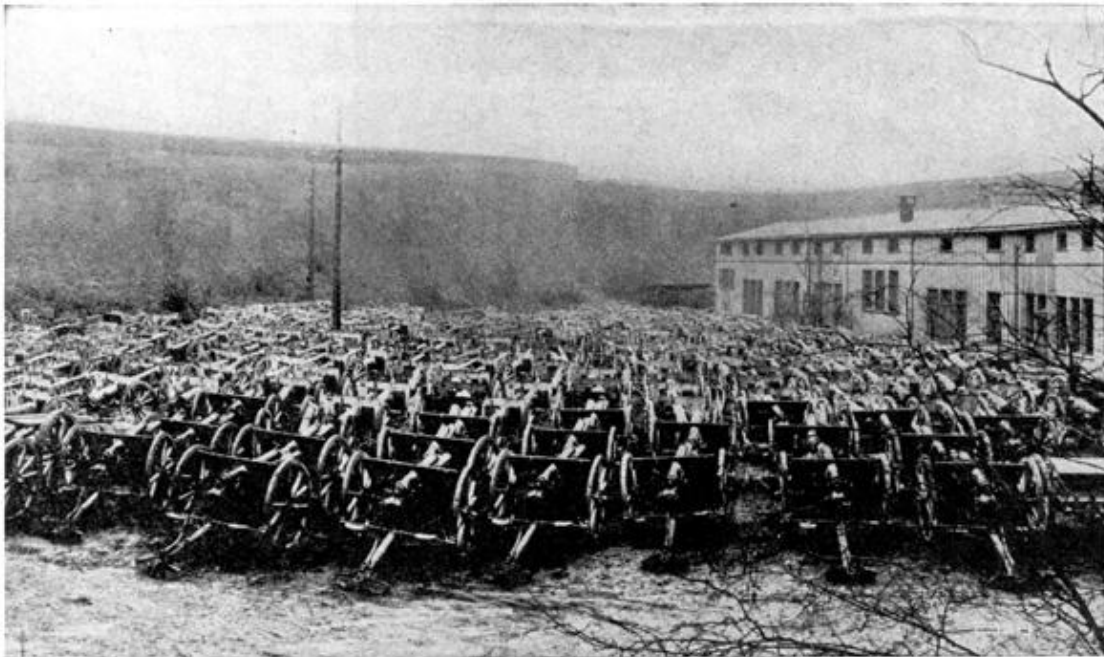
Альфред Фридрих Крупп, третий в очереди, родился в 1854 году и умер в 1902 году. Он был известен как пушечный король. Когда он умер, почти все его состояние перешло к его дочери Берте. В 1906 году, в возрасте двадцати лет, Берта Крупп вышла замуж за простого немецкого джентльмена с единственной буквой "фон" в имени, герра фон Болен и Хальбаха. У них четверо детей живы и один ребенок умер, и они очень тихо живут на "Вилле Хюгель" в Эссене, прекрасной вилле, построенной на холмах над городом. В 1900 году, до женитьбы, герр фон Болен был атташе в посольстве Германии в Вашингтоне. Берта Крупп - второй по богатству человек в Германской империи, она занимает второе место после кайзера, и когда эта война закончится, ее богатство может превзойти его.

Общественные дома в Эссене.

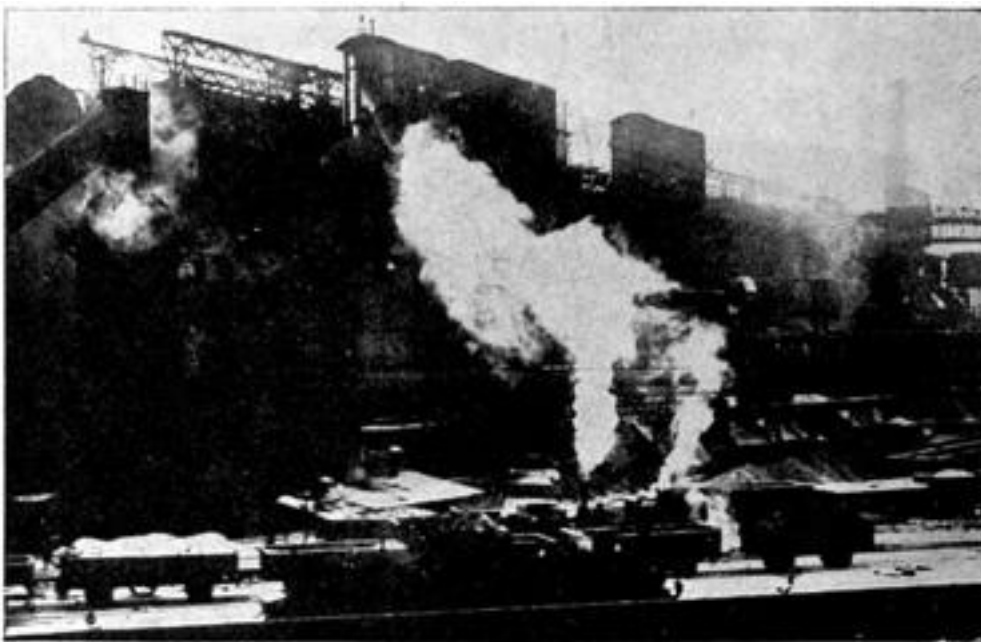
Эссен расположен в двадцати двух милях к северу от Дюссельдорфа, на главной железной дороге, ведущей в Берлин. Это очень густонаселенный район и центр сети железных дорог, которые делают его доступным для угольных месторождений Вестфалии. Это мрачный на вид городок с серыми шиферными крышами, которые украшают только изумрудно-зеленые ставни. Средства к существованию всего города зависят от завода Круппа, за исключением владельцев магазинов и нескольких сотен человек, производящих шерстяные изделия, сигары и красители.

Нынешние заводы Круппа занимают площадь более 150 акров, а ежедневная выработка в мирное время составляет 1977 тонн, а во время войны во много раз больше. В 1907 году у них было занято 64 354 рабочих, и с каждым годом это число увеличивалось. Они производят всевозможные орудия всех калибров — орудия для морской и береговой обороны, осадные орудия, крепостные орудия, полевые орудия, броневые щиты и исчезающие лафеты для подъема техники и транспортировки боеприпасов. Они производят тигельную, мартеновскую, литейную и бессемеровскую сталь, а также стальное литье. Они производят боеприпасы со взрывателями и разрывными зарядами, бронебойные снаряды, стальные разрывные снаряды, торпедные снаряды, чугунные снаряды, шрапнель, гильзовую дробь и установщики взрывателей. Помимо этих воинственных производств, они производят железнодорожные материалы, инженерные материалы и листовое железо для автомобилей.

400 поврежденных французских и английских пушек ремонтируются на заводе Круппа.

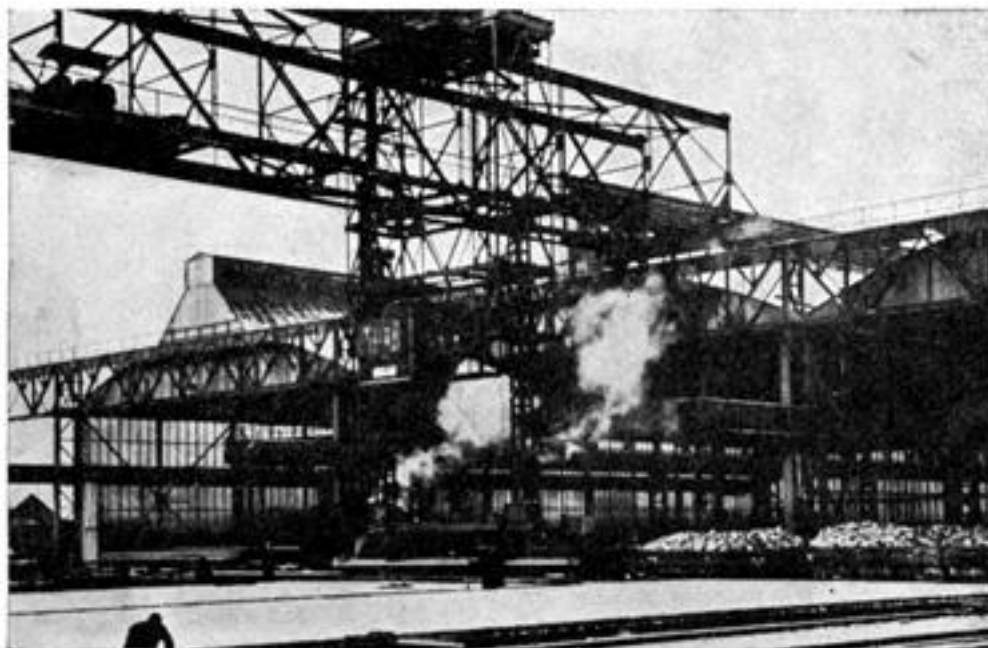
Были разработаны планы по возведению гигантского филиала завода Круппа в Мюнхене. Эти работы займут площадь в сто акров, и город Мюнхен, признавая эту возможность для дальнейшего развития, предоставил достаточно земли для частных предприятий, которые обязательно последуют примеру Круппа.

Вид на Мельницы.

Дом Круппов разработал сложную схему в интересах своих рабочих. Это не благотворительная схема, а схема строительства как для рабочих, так и для работодателя. Проект был реализован Альфредом Фридрихом Круппом. Он построил 5469 домов, хорошо освещенных, с максимально большим пространством между ними и с небольшим садом в каждом. Во всех домах есть хорошая вода. Три тысячи домов были построены в пределах пятнадцати минут ходьбы от завода. Мужчинам, дольше всех проработавшим в фирме и имеющим самые большие семьи, был предоставлен выбор домов.

Полицейские и учителя имеют право стать арендаторами жилья. Договоры аренды носят обязательный характер и запрещают ведение бизнеса в домах, субаренду, ссоры с соседями, беспорядочный шум, строительство пристроек, неправильное использование канализации, содержание животных, которые беспокоят соседей, курение печных труб без крышек и разжигание огня маслом.

Другой взгляд на завод Круппа.

Арендатор первого этажа должен мыть тротуар каждый день до девяти утра, за исключением воскресенья и праздничных дней, когда это необходимо делать в предыдущий день между тремя и четырьмя часами дня. Арендная плата за дома составляет от 15 долларов в год за две комнаты до 85 долларов за пять или шесть комнат с подвалом.

Отель Essener Hof находится в ведении Круппов и предназначен для гостей Круппов, которые ведут бизнес с фирмой. Кроме того, здесь есть пансион для холостяков и вдовцов. Этот пансион был основан в 1855 году для двухсот мужчин, а сейчас в нем более тысячи.

Для сообщества рабочих есть много магазинов, двадцать пять продуктовых лавок, две бойни, пекарня, мукомольный завод, ледяной завод, фабрика щеток, два портных, два сапожника, прачечная, гостиница, одиннадцать ресторанов, три кафе, девять пивных и два клуба.

Улица в Эссене у входа на завод Круппа.

Существует целый штат врачей, которые ухаживают за рабочими и их семьями, а строгое медицинское лечение предотвращает заразные заболевания. Законы Германской империи требуют, чтобы определенные классы рабочих были застрахованы от старости и распада конституции. Это произошло благодаря усилиям Бисмарка, и это относится ко всем рабочим с зарплатой, не превышающей 500 долларов в год. Альфред Крупп выделил рабочим 250 000 долларов, проценты с которых используются как фонд для поощрения их к строительству собственных домов и в качестве помощи нуждающимся. Они ссужаются рабочим под очень маленький процент.

Помимо этих льгот, он основал частные школы, цель которых - дать детям рабочих возможность честно зарабатывать на жизнь. С каждого ученика взимается плата в размере пяти центов в месяц, но если ребенок остается на пятнадцать месяцев, семьдесят пять центов кладутся в сберегательный банк на его счет.

Крупп понял, что довольные работники приносят лучшие результаты, чем несчастные, и он чувствовал, что его схема была не только филантропической, но и хорошей инвестицией в бизнес.

В войне 1870 года использовались орудия Круппа, и в нынешней войне они сыграли звездную роль. Кайзер направил свою личную благодарность дому Круппов за все, что они сделали для Германии. Фрау Берта очень гордится своими работами, а также прозвищем своих гаубиц: "Занятые берты".

МЮНХЕН В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

Независимо от того, что вы хотите делать в Германии, если вы иностранец, даже нейтральный, вы должны обратиться в полицию. Если вы хотите отправиться в путешествие, первое, что вы делаете, это идете в полицию и спрашиваете их, разрешено ли вам ехать туда, куда вы хотите, а затем, если вам разрешено ехать, вы должны вернуться в полицию ровно за двадцать четыре часа до начала поездки и получить штамп в вашем паспорте.

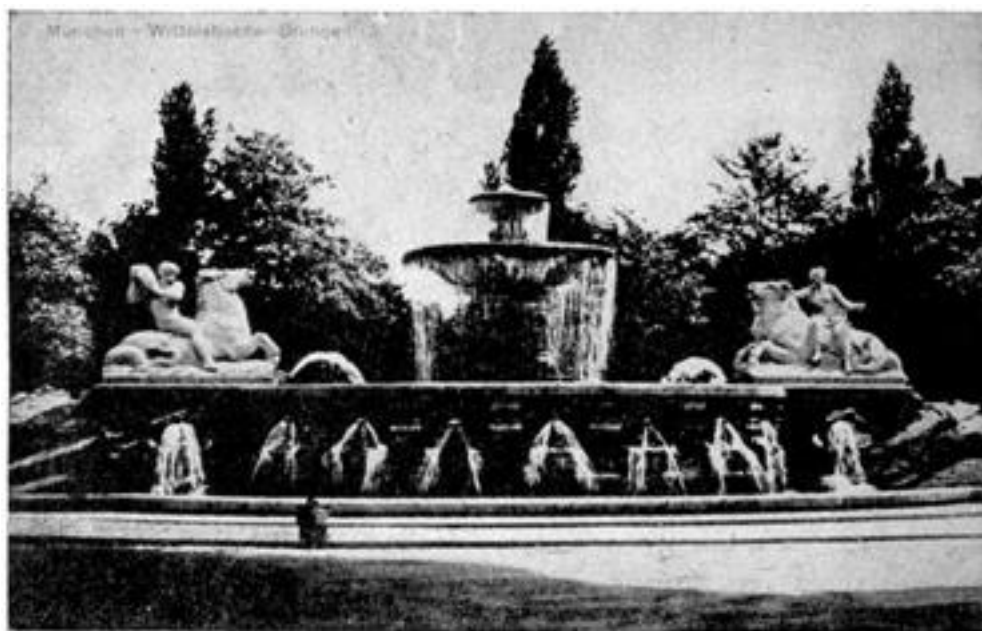
Затем вы сдаете свою хлебную карточку, сливочную карточку, мясную карточку и картофельную карточку в хлебную комиссию. Они разыгрывают билеты на все время вашего

отсутствия, а взамен выдают вам дорожную хлебную карточку, маленькую книжечку с двадцатью билетами в ней. Каждый билет годится либо на булочку, либо на кусок черного хлеба, и за каждую неделю вы получаете сорок билетов. В отелях, где вы останавливаетесь, вы получаете мясную карту в те дни, когда подают мясо.

Сын баварского кронпринца.

Как только вы прибудете в пункт назначения, вы должны пойти в полицию и зарегистрироваться. Здесь они записывают всю вашу историю на карточку серого цвета. Можно было бы подумать, что ускользнуть так просто, что полиция никогда не узнает. Это можно сделать очень легко, но если вас поймают, вы попадете в ужасную переделку. В поездах неожиданно появляются полицейские и просят предъявить ваш паспорт. В противном случае вас могут посадить в тюрьму, и вы должны платить штраф за каждый день, когда вы не зарегистрированы. Разумные люди соблюдают все правила полиции. Они хорошо рекламируются, и их нельзя не знать.

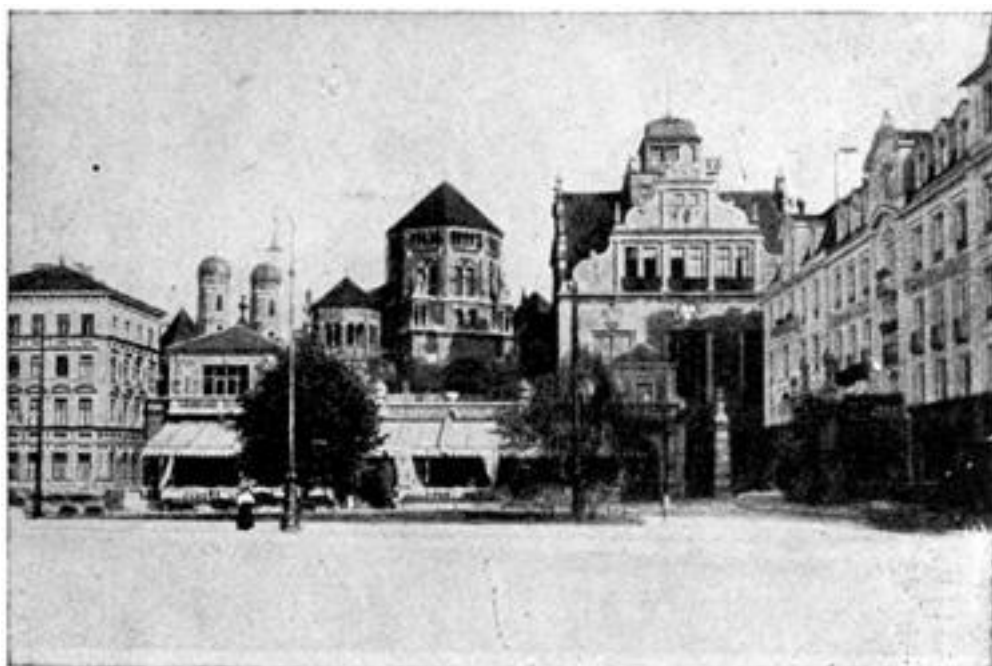
Фонтан Виттельсбахов в Мюнхене.

Одна моя знакомая американка отправилась из Берлина в Мюнхен, не зарегистрировавшись в полицейском участке. В вагон вошел мужчина и попросил у нее пропуск, и когда он увидел, что на нем нет штампа, ей было приказано немедленно явиться в полицию Мюнхена. Добравшись до Мюнхена, она на три дня забыла обратиться в полицию, а когда приехала туда, добродушный баварский полицейский отпустил ее.

"Я так рада, - сказала она, - что не знала бы, что надеть, если бы попала в тюрьму".

В сентябре 1916 года я совершил свою последнюю поездку в Мюнхен. В Берлине редко можно увидеть французских заключенных, но всю дорогу от Берлина до Мюнхена я видел, как они работали в поле. Все эти заключенные были одеты в синие куртки и свои знаменитые ярко-красные брюки. Они создавали веселые пятна на унылых немецких пейзажах.

На каждой маленькой ферме были гуси, и в каждом маленьком городке был свой небольшой гарнизон солдат, проходящих подготовку. В некоторых местах солдаты были на полях, муштруя. Они бегали, прыгали и стреляли.

Фрауэнкирхе, Символ Мюнхена.

Центром притяжения всего нашего поезда был молодой матрос с "Дойчланда". Он был прекрасным молодым человеком и всем улыбался. На каждой станции он выходил и покупал что-нибудь поесть. Казалось, у него был неиссякаемый аппетит и очень длинный кошелек.

Король Людвиг Баварский.

По мере продвижения все дальше и дальше в Баварию начинают появляться придорожные святилища. Они повсюду вдоль дорог и в полях. В разных местах можно было увидеть работников по уборке урожая, собравшихся вокруг святынь в молитве.

Находясь за много-много миль от Мюнхена, можно увидеть две башни *Фрауэнкирхе*, красные башни с зелеными верхушками. Эти башни - символ Мюнхена.

Внешне единственное изменение, которое можно увидеть в Мюнхене, - это замена студентов солдатами, и это действительно портит место, потому что, хотя военный дух так хорошо подходит Берлину, он кажется неуместным для этих более мягких южан. Баварская униформа

отделана по вороту бело-голубой тесьмой, которая выглядит как кант на детской нижней юбке. Трудно понять, как такие артистичные люди могли выбрать такую вещь, но художественное чутье баварца кроется в его уме, а не в одежде. Баварские солдаты имеют репутацию по всей Германии как очень хорошие воины.

Потеря старого принца-регента Луитпольда много значила для этих людей, и его сын никогда не сможет надеяться стать таким же популярным, даже если бы ему пришлось ждать семьдесят лет, прежде чем он взойдет на трон. Наследный принц Руперт более популярен, чем его отец. Он почти всегда со своими войсками на фронте, и даже когда погиб его старший сын, он чувствовал, что не сможет уйти. Он сказал: "Сейчас не время для солдата не выполнять свой долг". Его следующий сын, принц Альберт, теперь наследник престола. Он красивый маленький мальчик и чрезвычайно популярен в Мюнхене. Старые мюнхенцы говорят, что он очень похож на того, кем был Людвиг II в детстве.

Кронпринц Рупрехт Баварский, "Боец Меца".

В Мюнхене еды гораздо больше, чем в Берлине. Например, мужчина может выпивать пинту молока каждый день, а женщина - больше. Ветчина стоит всего семьдесят центов за фунт без карточки, и в мясные дни ее можно купить в любом из ресторанов. Порции мяса в мюнхенских ресторанах составляют сто восемьдесят граммов, в то время как в Берлине они варьируются от пятидесяти до сорока граммов; а в Баварии цена за порцию не выше.

Овощей и фруктов очень много, но сливочного масла и яиц здесь меньше, чем в Берлине. Один человек получает всего пятьдесят граммов сливочного масла в неделю и одно яйцо. В Берлине мы обычно получали восемьдесят граммов сливочного масла и никогда не меньше полутора яиц в неделю.

В Баварии все разделено между людьми. Например, если у человека, живущего за городом недалеко от Мюнхена, есть тюк сена на продажу, он привозит этот тюк сена в Мюнхен на так называемый центральный вокзал. В Мюнхене есть всевозможные центральные станции по продаже зерна, мяса, яиц, овощей и масла. Охапку сена, которую приносит мужчина, делят и раздают там, где в ней больше всего нуждаются; он не осмеливается продать охапку сена сам.

Национальный музей в Мюнхене.

Точно так же обстоит дело и с яйцами. Предположим, у вас есть брат в деревне, и он хочет прислать вам сотню яиц для заготовки на зиму. Он не мог отправить вам яйца напрямую. Сначала он должен был бы отправить их на центральную станцию, и если бы на этой неделе

яиц было в изобилии, центральная станция разрешила бы вам взять яйца; но если яиц было мало и они были нужны в другом месте, вам давали бы только небольшую часть яиц. Этому плану следуют во всем. Даже если вы разводите свинью, вы не можете сохранить все мясо самостоятельно, вы должны продать часть его своему соседу, если ему это нужно.

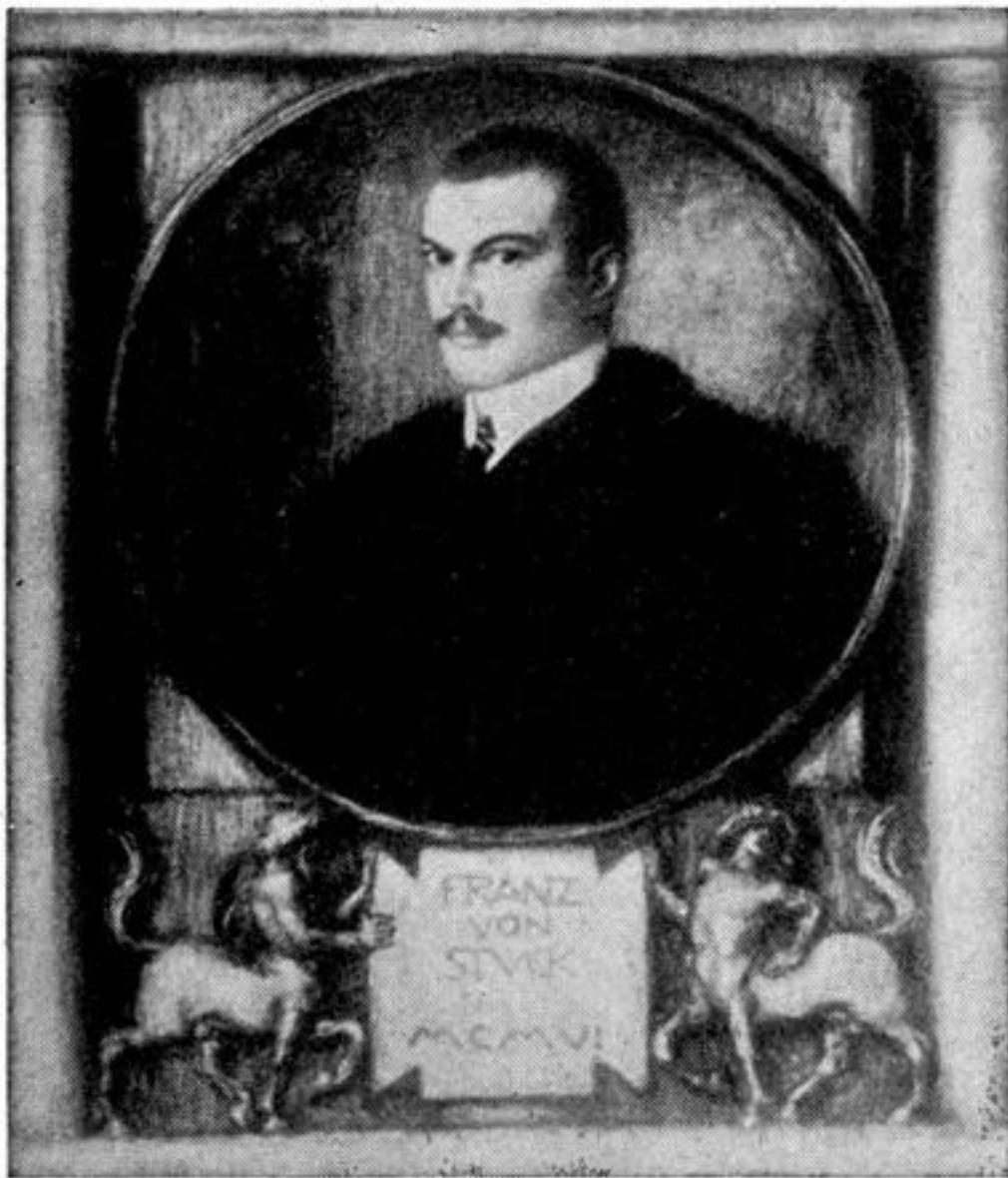
Булочки в Мюнхене намного вкуснее, чем в Берлине, и, кажется, они сделаны из полностью белой муки. В Берлине сыра очень мало, но в Мюнхене его много, и он очень дешевый. Чистый кофе можно купить по доллару за фунт без карточки, и хотя существует такая же сахарная карта, как и в Берлине, по-прежнему во всех ресторанах и кафе подают чистый сахар.

Война не сильно повлияла на цену пива, и пиво, которое до войны стоило двадцать восемь пфеннигов, теперь стоит тридцать четыре пфеннига, а пиво "Хофброй", или пиво, производимое королевской пивоварней, стоит тридцать два пфеннига. Производство марочных сортов солодового пива, таких как Боковое пиво и Мерзенское пиво, запрещено, так как в них содержится слишком много солода и сахара.

Карловы ворота.

Однажды вечером, когда я был там, мы гуляли по Mathazerbräu, величайшей пивной в мире. Заведение представляло собой одну массу людей, пьющих пиво, солдат, офицеров и женщин. Большинство гостей принесли с собой ужин, и все курили. Это было все равно что идти сквозь густой туман, так много было дыма.

Franz von Stuck.

Мы ходили во множество театров, кафе и кабаре, и они всегда были полны. Куда бы мы ни пошли, нам было трудно найти место. Казалось, все очень хорошо проводили время. Они не были веселыми, но, похоже, думали, что сидение дома и хандра делу не помогут. Самым удивительным было огромное количество денег, потраченных повсюду. В некоторых кабаре подавали только шампанское, и транжиры заказывали его литрами. Никто не напился, несмотря на количество жидкости, которую в них влили.

Художественная выставка в Стеклянном дворце шла, когда я был там, но я не нашел ее такой интересной, как грандиозная выставка, которую я видел там за год до войны. Было слишком много пейзажей тусклого цвета. Это не помешало продаже картин, и десятая часть из них была помечена как проданная.

Дом Франца фон Стюка в Мюнхене.

Однажды я посетил мастерскую герра Франца фон Штука. Он был очень сердечен. Он великолепный, крупный, сильный мужчина. Недавно он построил пристройку к своему дому, чтобы у него было больше места для работы, и у него одна из лучших студий, которые я когда-либо видел. Первый этаж предназначен для моделирования, а второй - для рисования. Он сказал, что сейчас очень трудно найти хороших моделей, поскольку все мужчины прекрасного телосложения были на войне.

"Вы получаете столько же хлеба, сколько обычный человек?" Я спросил его.

"Точно такой же", - ответил он. "Самый бедный рабочий на улицах получает то же, что и я. Вот почему наша система так великолепна".

Он вообще почти не упоминал о своей работе, более того, казался довольно застенчивым. На его столе стояло блюдо с бразильскими бабочками. Он поднял его и повернул так, чтобы оно стало голубым, затем коричневым, а затем зеленым. "Разве это не прекрасно!" - сказал он с энтузиазмом. "Посмотри на это сейчас!"

Я обвел взглядом комнату, рассматривая все его замечательные картины. Я подумал обо всей его славе и обо всех почестях, которые были свалены к его ногам, и все же он любовался крылом бабочки. У меня было ощущение, что передо мной стоит великий человек.

ОТ БЕРЛИНА ДО ВЕНЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Вы, естественно, подумали бы, что было бы очень легко добраться из Берлина в Вену во время войны, потому что Германия и Австрия - союзники, и что это было бы так же просто, как путешествовать по Германии; что все, что вам нужно было бы сделать, это упаковать свой чемодан, спуститься на вокзал, купить билет и сесть на поезд. Конечно, вы должны сделать все это, но вы должны сделать очень много других вещей, прежде чем вы сделаете это.

Первое, что вы делаете, это идете в полицию по месту вашей регистрации и получаете то, что они называют *Fragebogen*, что означает лист вопросов. Вы не сможете получить этот лист,

если у вас нет письма от какого-нибудь важного лица или фирмы, в котором говорится, что вам необходимо поехать. У вас должна быть очень веская причина.

Вена—Вдоль Дуная.

Вы заполняете свой *регистрационный номер*, полиция проверяет ваше досье и, если выясняется, что с ним все в порядке, они кладут ваше рекомендательное письмо, ваш паспорт, *регистрационный номер* и полдюжины ваших фотографий в конверт и запечатывают его. Вы отнесете этот запечатанный конверт в главное полицейское управление того района, в котором вы живете. Здесь посылку вскрывают несколько разных мужчин в нескольких разных комнатах, и, наконец, после множества вопросов и долгих штамповок вам говорят написать свое имя напротив вашей фотографии, которая была наклеена на открытку.

После того, как вы закончите с немецкой полицией, ваш пропуск должен быть заверен австро-венгерским консулом. Здесь вы должны подойти к трем разным мужчинам и получить "штамп", и последний мужчина делает еще две ваши фотографии и наклеивает их на розовую карточку. Затем вы платите четыре марки другому мужчине, который делает еще несколько штампов. После того, как все эти действия будут выполнены, вы возвращаетесь в местную полицию и регистрируете, что уезжаете, а затем, предъявив свой пропуск в железнодорожной кассе, вам разрешается купить билет до Вены. Это было то, что должен был делать нейтральный американец до того, как мы вступили в войну — теперь я сомневаюсь, что американец вообще мог поехать в Вену.

От Берлина до Вены шестнадцать часов езды с часовым ожиданием в Тетчене на австро-германской границе. Наша первая остановка была в Дрездене, и, как и на всех немецких станциях, здесь было полно солдат. Поездка из Дрездена в Тешен очень красива. Он проходит через Саксонскую Швейцарию, прекрасную страну с горами, ручьями и маленькими деревушками. Как все было мирно! Как тихо! Это не было похоже на страну, принимающую участие в большой войне.

Вокзал в Вене.

В полдень мы добрались до Тешен, холодного, унылого на вид места. Сначала наш багаж осмотрели официальные лица Австрии и Германии. Все эти официальные лица - умные люди. Некоторые из них одеты так, чтобы выглядеть как обычные солдаты, но все они прекрасные юристы и эксперты по уголовным делам.

Солдат встал на ящик и сказал, что любой, у кого есть что-либо написанное о нем, должен отказаться от этого. В чулке у меня были деньги и рекомендательное письмо, которое я привез из Америки и которым собирался воспользоваться в Вене. Я прекрасно понял, что сказал солдат, но по какой-то неизвестной причине мне просто не хотелось вытаскивать письмо из чулка. Это было безумием с моей стороны, потому что я давно усвоил, что если вы будете следовать указаниям в Германии, то не попадете в беду, а если вы им не будете следовать, то обязательно попадете в переделку.

После этого нас провели через ворота, где мы сдали свои пропуска, и их забрали, чтобы посмотреть, соответствует ли фотография той, которую прислала немецкая полиция. Здешние мужчины ужасно переживали из-за моего имени. Все немцы считают мое имя трудным. Один солдат здесь просто настаивал, что меня зовут "Оули" без "Мс", но в конце концов другой солдат ткнул его в бок и сказал, что "Мс" - это титул и что я королевской крови.

Внутренность польской хижины.

Все, у кого не было немецкого или австрийского пропуска, должны были раздеться, и как только я вошел в комнату для обыска, я отдал женщине, которая должна была меня обыскать, письмо из моего чулка. Она взяла его и кому-то отдала. Мое сердце ушло в пятки, потому что я понятия не имел, что они будут делать, и я знал, что если они что-нибудь сделают со мной, то это будет моя собственная вина за то, что я не следовал указаниям.

Меня очень тщательно обыскали, и мне пришлось снять всю одежду, только когда она сказала мне снять обувь, и я начал расшнуровывать один ботинок, она сказала, что не обращай внимания на этот, снимай другой. Едва я успел одеться, как раздался стук в дверь гардеробной, и кто-то сказал, что меня разыскивают. Я надел шляпу и вышел, а перед дверью, расставив ноги и держа на боку длинную шпагу, стоял симпатичный маленький саксонский офицер лет двадцати.

У него было свирепое выражение лица, когда он потребовал: "Почему ты не оставила это в другой комнате?"

"Я не мог, - ответил я, - он был у меня в чулке. Ты же не мог ожидать, что я достану его из чулка на глазах у всех этих мужчин, не так ли?"

Потом мы оба рассмеялись, и я сказал: "Надеюсь, ты подаришь мне это снова".

"Конечно, я так и сделаю", - ответил он.

Российские беженцы возвращаются домой.

Я пошел с ним к командиру, но тот не вернул мне письмо. Мне было все равно, я был так рад, что меня не арестовали. Когда мы вернулись из Вены, я был единственным из нашей компании, кому пришлось раздеться. Я никогда не замечал этого, но в моем пропуске была какая-то отметка, и как только чиновник увидел ее, мне пришлось раздеться. Но на этот раз у меня в чулке ничего не было. Когда они обыскивали мой багажник, они забрали у меня все открытки и фотографии Вены, которые у меня были, и не вернули их.

После выезда из Тешен поезд часами курсирует по Чехии. Он останавливается не в Праге, а в ряде небольших живописных городков, таких как Колин и Знайм. Страна широко возделана и очень плодородна. Предполагалось, что поезд будет экспрессом, но он останавливался на каждой маленькой промежуточной станции.

На одной станции в поезд села очень красиво одетая дама с маленькой девочкой. Я подумал, что она, должно быть, жена какого-нибудь высокопоставленного чиновника, и был удивлен ее красивой одеждой там, в Богемии. Она села рядом со мной и вскоре заговорила с женщиной, которая сидела напротив нее и которая снова и снова спрашивала, знает ли кто-нибудь в купе, когда мы доберемся до Дойчброда. Красиво одетая дама сказала, что знала, потому что собиралась туда. А потом она рассказала всему купе об этом месте.

К моему удивлению, она сказала, что она жена аптекаря из казарм в Дойчброде. Казармы - это город, построенный после войны на холмах над городом. Он был построен австрийским правительством и является домом для беженцев из Восточной Галиции, чьи дома были разрушены русскими. Большинство из этих *Flüchtlinge*, как немцы называют их, польские и российские евреи, но они также двести итальянцы из ближнего Görz.

Семья польских беженцев.

Жена аптекаря, венгерка, сказала, что у беженцев было все необходимое и что все было бесплатно — одежда, еда, вино, пиво, услуги врача и лекарства. Она сказала, что, если в лагере не было какой-нибудь заразной болезни, людям предоставлялась полная свобода уходить, когда им заблагорассудится. Большинство заключенных имеют собственные сады и разводят собственных кур.

Когда мы добрались до этого места, было темно, но жена аптекаря указала на него на дальнем холме. Это было похоже на огромный город, сплошную массу электрических огней, сверкающих в темноте. Когда я вернулся из Вены, я хорошо рассмотрел ее. Это был городок на склоне холма, состоящий из новых каркасных домов, в основном небольших, расположенных правильными рядами, разделенных прямыми улицами.

После того, как проехали Дойчброд, наше купе опустело, если не считать молодой еврейки, которая тихо сидела в углу. Через некоторое время она наклонилась к нам и сказала: "Вы говорите по-английски. Я вижу, что вы американцы. Однажды я была в Нью-Йорке". А потом она рассказала нам, что она беженка из Восточной Галиции.

Галицийские беженцы в Австрии.

"Это было ужасно", - сказала она на довольно хорошем английском. "Я была в Америке целый год. Я видела Ниагарский водопад. Незадолго до начала войны моя мать написала мне, чтобы я возвращался домой. У нас был такой красивый дом, и в нашем доме были такие милые вещи. Они принадлежали моим предкам. 4 октября мы услышали, что русские приближаются к нашей деревне и что они всего в сорока километрах отсюда. Мы уже отправили в армию наших лучших лошадей. Оставшихся отправили в деревню за стариками. Мои мать и отец ехали верхом, а мы с мужем шли или, скорее, бежали за ними два дня так быстро, как только могли. У нас не было времени взять что-нибудь с собой, и нам пришлось оставить даже стеклянную посуду и серебро. У меня была новая персидская шуба из ягненка, которую я оставила висеть в шкафу. С тех пор мы так и не смогли вернуться в свои дома". Она немного поплакала.

Было десять часов, когда мы приехали в Вену. Нам с трудом удалось поймать такси, а когда мы все-таки поймали его, оно загрохотало по камням, как будто у него не было резины на колесах. Первое, что нам нужно было сделать на следующее утро, это пойти в полицию, и у нас ушло все утро до двух часов дня на то, чтобы зарегистрироваться. Там было всего два клерка и около пятидесяти ожидающих. Мы приходили по очереди, и если кто-нибудь пытался войти раньше своей очереди, остальные кричали: "Подожди своей очереди". Один толстый иностранец важного вида попытался пройти в комнату администратора без очереди. Трое мужчин-официантов подскочили и выставили его вон. Это понравилось остальным из нас, и мы все радостно захихикали.

Униформа служащей Венского Красного Креста, серого цвета с красной отделкой.

ВЕНА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

Сцена на берегу Дуная.

Я никогда не осознавал всей прелести немецкой системы продовольственных карточек, пока не поехал в Вену. В Германии вы можете купить по разумной цене положенный вам рацион еды, и бедняки живут так же хорошо, как и богатые, но в Вене у богатых есть все, а бедняки очень нуждаются из-за отсутствия правил питания, и хотя еды в изобилии, она такая дорогая, что бедные не могут позволить себе ее покупать. И Вена не похожа на Берлин — в Вене очень много бедных людей.

Похороны Франца-Иосифа. Император и наследный принц Австрии на переднем плане.

Венская Овощная женщина.

С некоторых пор в Вене действовала хлебная карточка, и во время моего визита, в ноябре 1916 года, правительство только начинало заниматься продовольственным вопросом, и за несколько недель до Рождества были выданы карточки на кофе и сахар. Но австрийцы не обладают таким организаторским даром, как немцы, и я слышал, что даже шесть месяцев спустя распределение продовольствия было в очень плохом состоянии. Я разговаривал со многими австрийцами, и все они говорили мне, что им очень хотелось бы, чтобы в Австрии была введена вся немецкая система продовольственных карточек.

Собираю книги, бумагу и табак для венгерских солдат.

Австрия - великая сельскохозяйственная страна, выращивающая пшеницу, и все же, когда я был там, в Вене было очень мало хлеба. Прекрасный белый венский хлеб полностью исчез, и его место заняла размокшая коричневая масса. Был один сорт под названием "Хлеб Анкер", который все еще был очень вкусным, и люди стояли в очереди, чтобы получить его. И все это происходило не из-за нехватки муки, а из-за ее плохого распределения.

Ни в одном из ресторанов не разрешается подавать хлеб, даже если у вас есть хлебная карточка, вы не сможете ее получить, а единственное место, где незнакомый человек может купить хлеб в Вене, - это завтрак в своем отеле. Люди, которые едят в ресторанах, носят свой

хлеб с собой, а у генералов и разного рода высокопоставленных чиновников в карманах спрятаны маленькие пакетики с хлебом, которые они незаметно вытаскивают за столом.

Из всей белой муки выпекают торты, и венские торты получаются такими же белыми и восхитительными, как в свои лучшие дни. Но цена! В кафе кусок двухслойного торта стоит одну крону двадцать пять геллеров, примерно четверть в наших деньгах.

Оптовый рынок капусты в Вене.

В большинстве городов Германии один человек получает около фунта мяса в неделю, но в Вене нет мясной карты, и вы можете купить столько мяса, сколько захотите, если можете себе это позволить. Каждая мясная лавка в Вене ломится от мяса — колбасы, ветчины, свинины, говядины, цыплят и гусей. Я прошел по большому венскому рынку, который занимает много площадей. Повсюду мясо, мясо, мясо. Я и забыл, что в мире так много мяса. Прилавки за прилавками ломятся от окорочков, но бекона нет. В основном молодые поросята. Но никто не покупал, только выглядели как Тилль Уленшпигель, как будто одного запаха было достаточно. Окорочка стоили от одного доллара до одного доллара и шестидесяти центов за фунт, а говядина была еще дороже. Колбаса была не такой дорогой, а гуси — дешевле, чем в Германии.

Я никогда не видел такого изобилия всего. Акры и акры кочанов капусты высотой с дом — большие, твердые на вид кочаны свежего зеленого цвета. Потом бочки и бочки с яблоками. Не такими хорошими, как у нас в Америке, но по такой шикарной цене! За тридцать два цента мы купили шесть маленьких засохших яблок, которые с трудом могли съесть.

С Apple market мы отправились на луковый рынок. Можете ли вы представить площадь размером с Юнион-сквер в Нью-Йорке, где не продается ничего, кроме лука? Ну, у них в Вене есть такой. И самый замечательный лук! Маленький белый, маленький красный, большой желтый и зеленый! Повсюду разлетелись луковые очистки, и знаете ли вы, что они действительно пахли сладко? Но старухи в глубине прилавков выглядели не милыми, а так, словно они так долго простояли среди лука, что сами превратились в засохший лук.

Ждем Суп в венской столовой.

На рынке у них не было картофеля, но в ресторанах, казалось, его было в избытке. Сыр только начинал становиться дефицитом, и один человек мог купить только четверть фунта за раз. Мы собирали сыр, чтобы забрать его с собой в Берлин, и по очереди заходили в магазины и покупали по кусочку, чтобы продавцы не знали, что мы вместе. Мы собрали порядочно фунтов и благополучно переправили их через границу.

Еда в ресторане в Вене в военное время - самое дорогое, что я знаю. Небольшие порции мяса или оленины стоили от восьмидесяти центов и выше, и к этому заказу не прилагался картофель. В Германии можно купить кусок мяса, две картофелины и овощ за тридцать два цента.

Кажется, в Вене много молока и сахара, но в любом кафе запрещено добавлять молоко в кофе с двух до семи часов, когда каждый венец идет в кафе выпить кофе. Это ограничение экономит много литров молока. Кофе получается настоящим и очень вкусным. Вы можете заказать столько яиц, сколько захотите, очень вкусно приготовленных по цене пятнадцать центов за яйцо. В поездах между Берлином и Веной сахар не подают, но в кафе вам дают три кусочка с чашкой кофе. Сахарин подают к чаю.

Больные венгерские солдаты Получают подарки в Вене.

Война была очень тяжелой для австрийцев, и горе отражается на лицах людей, которых вы встречаете на улицах. Они не происходят из того крепкого племени, из которого происходят немцы. Они всегда были очень религиозными людьми, а война сделала их еще более религиозными, чем когда-либо, и теперь они всегда зажигают свечи перед своим любимым алтарем или изображением святого. Священная картина в церкви Святого Стефана всегда освещена десятками свечей, и не проходит ни минуты, когда открывается церковь, чтобы кто-нибудь не преклонял колени перед этой картиной: дети, солдаты и старухи со своими пустыми рыночными корзинами. Для венских католиков эта картина - центр всего, и во время войны этот неодушевленный предмет сыграл большую роль. Они молятся ему, чтобы он помогал мужчинам в бою, заботился о раненых и благословлял души погибших. Столетия назад эта картина была украдена турками или каким-то другим язычником, и говорят, что из глаз картины лились настоящие слезы, пока ее не вернули обратно и снова не поместили в христианскую церковь. Она стоит на земле на мольберте, и людям разрешается прикасаться к проволоке над ней.

Мелочи в Вене очень мало, и они разорвали бумажные купюры достоинством в две кроны надвое, и каждая половинка годится для кроны. Они также используют марки для сдачи, как это делается в Германии. Сейчас они делают короны и полукроны из бумаги.

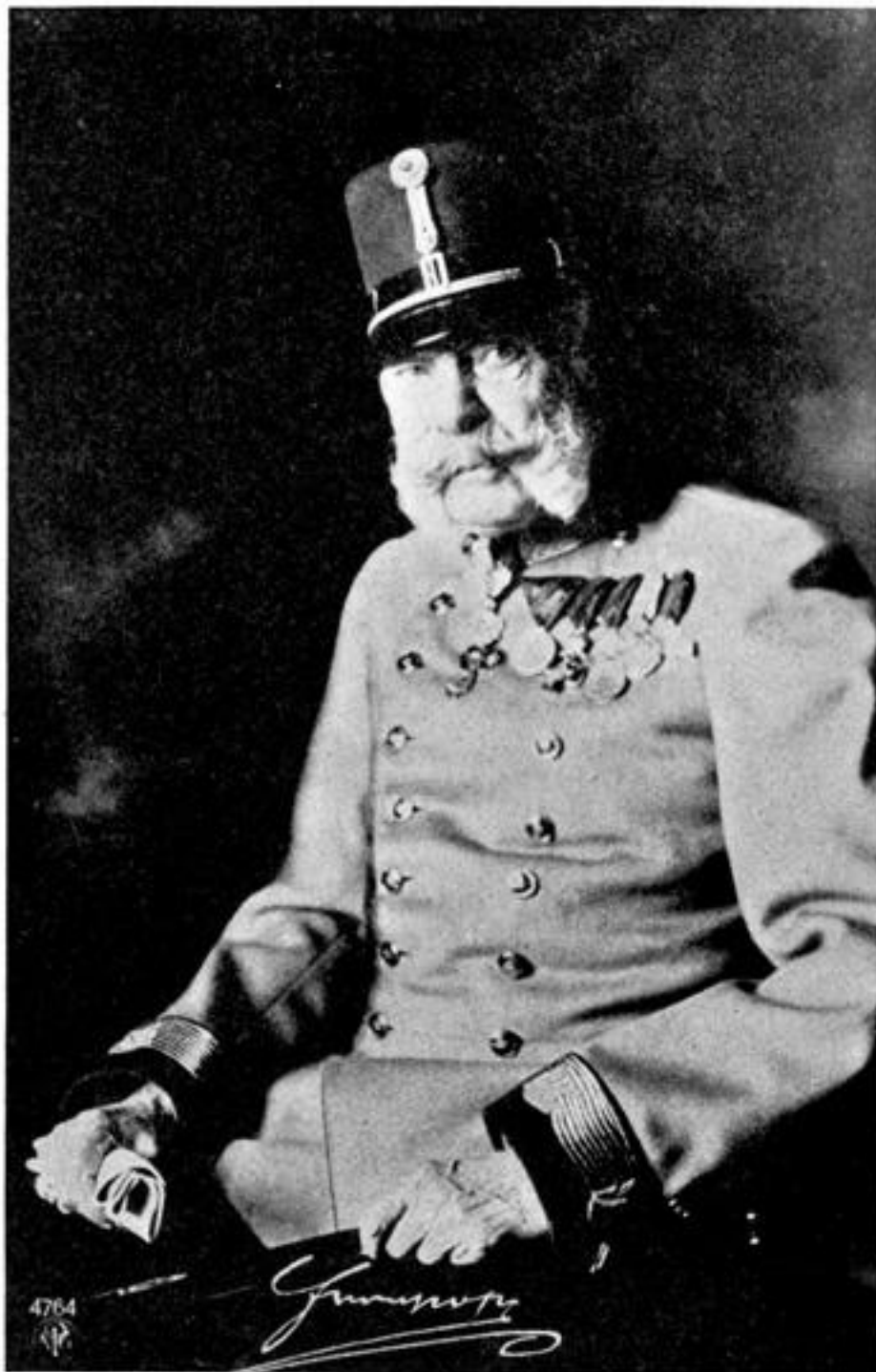
Эта зима будет ужасной для венской бедноты, потому что прошлая зима была достаточно плохой. Мне действительно интересно, на что пойдут люди, чтобы выжить.

СОЛДАТЫ ВЕНЫ.

Я бывал в Вене, и каждый раз мне казалось, что самые замечательные и утонченные люди - это венские офицеры. Они всегда казались мне изящными бумажными куколками, только что сошедшими с модной витрины. Я предполагал, что во время войны они будут выглядеть менее изящно — но нет, на самом деле, они выглядели точно так же, настоящая война ничего не изменила.

Австрийский офицер относится только к одному типу. Он очень высокий, очень стройный и очень грациозный, и в основном он скорее смуглый, чем светлый. У него маленькая голова и

лицо, прямой нос, изогнутые губы и короткий, но квадратный подбородок. У него могут быть глаза любого цвета, но он чисто выбрит — усы больше не в моде. Его ногти отполированы, а манеры восхитительны. В целом он хорошо образован и очень умен. Но он не выглядит солидным. Кажется, у него нет внутренней силы.

Франц-Иосиф в военной форме.

Униформа австрийской армии, от самых простых солдат до высших должностных лиц, намного опережает немецкую. Немецкая форма имеет тенденцию заставлять мужчин выглядеть широкоплечими и приземистыми, а уродливые маленькие жесткие плоские кепи

немцев только подчеркивают этот факт. С другой стороны, австрийская форма придает мужчинам вид высоких и стройных. Пояс у пальто высокий, и это заставляет ноги выглядеть длиннее, а прямая шапочка еще больше увеличивает рост.

Большинство офицерских мундиров имеют полевой серый цвет, но не все, как в Германии. Артиллеристы, например, носят мундиры темно-красновато-коричневого цвета, которые очень красивы по цвету. Гусары носят короткие серые мундиры из очень плотной ткани и черные брюки. На шее у них меховой воротник, а поверх меха повязана тяжелая золотая тесьма. Другие офицеры носят форму из белого сукна, и хотя Вену ни в коем случае нельзя назвать чистым городом, эти белые костюмы всегда безупречны. Большинство офицеров носят белые лайковые перчатки, а их ботинки блестят как зеркало. Улицы Вены полны этих офицеров. Интересно, кто находится на передовой.

Почти все австрийские офицеры и многие венские полицейские носят корсеты, и вы можете увидеть корсеты, выставленные в витринах мужской мебели. Они не такие длинные, как женский корсет, и обычно шьются из модного шелка, предпочтительного желтого и черного — австрийских цветов. Все офицеры носят такие длинные мечи, что они волочатся по земле.

Император Карл Франц-Иосиф и его семья.

У них нет погон для обозначения ранга, как у них в Германии, но вместо них используются звезды на воротнике. Одна звезда, сделанная из любой ткани, обозначает простого солдата; две звезды - *унтер-офицера* или капрала; три звезды - *фельдфебеля* means a *Leutnant*, or a lieutenant; two silver stars an *Oberleutnant*, or a first lieutenant; three silver stars means a *Hauptmann*, , или капитана; одна золотая звезда означает майора, и так далее по списку.....

Вся униформа очень практична и очень хорошо сшита. Шинели простых солдат подбиты до самого низа, а серые фуражки не жесткие, а сделаны из мягкой ткани. Ноги обвязаны полосками тяжелой ткани, которые наматываются все вокруг и вокруг.

У всех простых солдат в шляпы воткнуты всевозможные причудливые булавки, а у солдат из Тироля в шляпы воткнуты *булавки с эдельвейсами*, потому что это горный цветок. Девушки из Венского Красного Креста также носят много значков. Они носят серый костюм и шляпу, отделанную ярко-красным, что им очень идет.

Если Вена полна офицеров, то страна вокруг полна простых солдат. Я видел их из окон поезда. Некоторые из них занимались сельским хозяйством, другие ловили рыбу, а третьи прогуливались по проселочным дорогам, возможно, возвращаясь домой в отпуск.

Солдаты в парке Пратер в Вене.

Однажды я пошел на Центральное кладбище Вены, где на небольшом участке земли похоронены Моцарт, Глюк, Бетховен, Шуберт, Иоганн Штраус и Брамс. Прямо перед тем, как подойти к кладбищу, есть казарма. Вокруг нее был только забор из колючей проволоки, и мы могли заглянуть внутрь. Он состоял из небольших каркасных домиков и был похож на западный шахтерский городок, выросший за одну ночь. Перед дверью дома у забора солдат занимался большой стиркой. Он, казалось, очень волновался, опасаясь, что не почистит вещи. Я уверен, что он натирал все до дыр. Когда он увидел, что мы наблюдаем за ним, он сначала вытер пот со лба, а потом рассмеялся. "*Sehr schwer*" (очень тяжело), - сказал он со вздохом.

Центральное кладбище настолько большое, что на нем похоронен почти каждый умерший в Вене. Когда у ворот въезжают на похороны, звонят в колокола, и в тот день, когда я был там, похороны проходили одно за другим. Катафалки солдат были задрапированы австрийским флагом. Люди идут за катафалком пешком. Пожилая женщина, одетая в черное и с черной шалью, повязанной на голове, держалась за спинку одного из этих солдатских катафалков. Казалось, она не могла вынести разлуки со своими мертвецами. Она не плакала, но у нее было странное мрачное выражение лица, на котором исчезла всякая надежда.

С кладбища мы отправились в Пратер, чтобы увидеть менее унылую сторону солдатской жизни. Пратер - великий парк Вены. Здесь великолепные подъездные пути, но один конец напоминает Кони-Айленд или Луна-парк. Это очень веселое место даже сейчас, во время войны; здесь есть карусели, американские горки и всевозможные развлекательные

программы. Толпа была очень разношерстной, но большинство мужчин были солдатами, рядовыми, и выглядели они как сельские жители. Я видел, как один старый австрийский генерал делал петлю за петлей с маленьким мальчиком. Он показывал своему внуку, как хорошо провести время.

Австрийский кайзер Карл с визитом в Берлине.

На улицах можно было купить жареный арахис, жареные каштаны, жареные яблоки и жареный картофель. Я купил картофель. Мне подали его в газете, и мне пришлось есть его без помощи ножа или вилки. На мой взгляд, оно было вкусным.

Однажды утром мы пошли в художественную галерею, но она была закрыта. Теперь она открыта только один день в неделю. Когда мы вышли из галереи, к нам подошел простой солдат и заговорил с нами. Он спросил, что можно посмотреть в Вене. Он сказал, что у него есть время только до шести часов вечера, и он не знает, что посмотреть, поскольку никогда раньше не был в Вене.

Это был молодой человек со светлыми волосами и очень мягкими манерами. Он был одет в светло-серый костюм, но я заметила в нем что-то странное. Все немецкие и австрийские рядовые носят на шее куски серого полотна вместо воротничков, но на этом человеке был белый воротничок с черной каймой. Был ли он священником? Он задал мне много вопросов о том, открыта ли та или иная церковь или нет, и тогда я спросил его: "Вы священник?"

"Да, - ответил он, - я деревенский священник из маленького городка Х.... Я доброволец на этой войне, и теперь, спустя год, я возвращаюсь в свой первый отпуск в свой маленький приход. Мои люди будут очень рады меня видеть, но через две недели я должен снова вернуться на фронт. Мое место занимает старик. Он был слишком стар, чтобы уехать, но я молод, и моя страна нуждалась во мне". Он прошел с нами немного и, когда он покинул нас, он поднял руки над нашими головами и дал нам свое благословение.

Австрийские солдаты в зимней форме.

Смена караула во дворе городского дворца в Вене - великолепное зрелище. Она занимает около получаса и гораздо сложнее, чем в Берлине. Я не могу начать рассказывать обо всем, что происходит. Солдаты стоят рядами, затем выходят и отдают честь, а затем снова возвращаются. Офицеры должны стоять неподвижно, кажется, что они не дышат, и это стояние настолько утомительно, что три раза за эти полчаса их приходится сменять. Когда выносят австрийский флаг, все мужчины приподнимают шляпы и отдают честь обнаженными шпагами. В перерывах играет военный оркестр, а когда игра заканчивается, выходит майор и поздравляет офицеров с их выступлением. Это как пьеса на сцене.

Венская опера всегда переполнена солдатами, и они составляют очень веселое сборище: офицеры в своих ярких мундирах и венские дамы в платьях с глубоким вырезом. Обычаи в Вене не такие, как в Америке, и настоящая леди может повести офицера в театр или на ужин, оплатив его дорогу.

Однажды вечером мы сидели в ресторане, когда старший лейтенант, высокий парень, одетый в черное с золотом, вошел с дамой. Они сели за столик рядом с нами. Он был очень вежлив, повесил ее пальто, стер пятнышко грязи с ее лица, а затем прочитал стоимость проезда и спросил, чего она хочет. Они не были женаты друг на друге, потому что использовали *Sie*, а не привычное *Du*. Он хотел, чтобы она заказала либо жареную утку, либо жареного гуся, но она отказалась, сказав, что они слишком дорогие, и скромно взяла две "венки" и немного квашеной капусты по шестьдесят центов за тарелку. "Какая внимательная дама, - подумал я, - она не хочет быть слишком суровой к этому бедному офицеру". Когда подошел официант, я чуть не упал, увидев, как она оплачивает счет, а затем дала офицеру пять крон, чтобы заплатить за такси.

В другой раз я был в магазине, покупал сыр. Вошла молодая леди в сопровождении трех офицеров — двух артиллерийских и гусара. Сначала она купила пирожных на несколько долларов, а затем угостила каждого из мужчин бутылкой модного ликера. Ее счет превысил тринадцать долларов. Она принесла гусару пирожные и бутылку, потому что на нем были белые перчатки и не было карманов. Быть венским офицером - великое дело.

ЖЕНЩИНЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ.

Пожалуй, ни в одной другой войне не было так много женщин-воительниц, как в этой. В России, Галиции, Венгрии, Сербии и Черногории бесчисленное множество женщин отправились воевать. Они служили в окопах, на горных перевалах и на кораблях. Они терпели те же лишения, что и мужчины, безропотно перенося холод, скудную пищу и тяжелую работу. У каждой из женщин в сердце была любовь к деревне и домашнему очагу, но в большинстве случаев именно любовь к мужу, с которым она не хотела разлучаться, отправила ее на фронт.

Крестьянки в этих дальневосточных странах всегда выполняли мужскую работу. Они возделывали землю, строили дома и прокладывали дороги, и поэтому им кажется вполне естественным, что они должны сражаться. Несколько русских женщин-солдат были взяты в плен, и их невозможно отличить от мужчин.

Правительство Германии не разрешает своим женщинам воевать, но время от времени одна из них переодевается мужчиной и записывается в армию, сражаясь за свою страну, пока ее не разоблачат. Во Франции несколько женщин сделали то же самое, а в Англии был сформирован полк "Стрелков", но не для службы на фронте, а для защиты дома, если в этом когда-нибудь возникнет необходимость. В Сербии в начале войны женщины сформировали батальон, известный как "Батальон мертвой головы", и в то время они были очень активны. Некоторые женщины в австрийской, венгерской и российской армиях были произведены в капралы и сержанты, и многие из них были награждены орденами за доблесть.

Самой известной женщиной-воином нынешней войны была великая герцогиня Августа Австрийская, жена великого герцога Йозефа. С тех пор как Италия вступила в войну, она была во главе своего полка на итальянском фронте. Она одевается как солдат, носит шлем на голове, носит меч и ездит на лошади как мужчина. Великий герцог очень гордится ею и делает все возможное, чтобы поощрять ее деятельность.

Элизабет Лоренц, тоже уроженка Вены, является второй знаменитой женщиной-воином. Она жена знаменитого хирурга доктора Адольфа Лоренца и отправилась на фронт в качестве ассистентки своего мужа, водя фургон Красного Креста на линию огня и обратно. Она была украшена Францем Иосифом перед его смертью.

Еще одной австрийкой, служившей своей стране, была маленькая двенадцатилетняя крестьянская девочка Роза Зенох, которая во время боев при Раваруске носила воду солдатам в окопах. В гуще драки она остановилась, чтобы напоить раненого венгерского солдата, лежащего на обочине. Вокруг нее разорвалось несколько осколков, и она была тяжело ранена. Ее отнесли в санитарный поезд, но по дороге в Вену ей пришлось ампутировать ногу. Когда Франц-Иосиф услышал о ее случае, он прислал ей золотое кольцо с бриллиантами, 10 000 крон и новую ногу.

В одном венгерском полку восемнадцатилетняя Анна Фаласия прослужила пять месяцев, и никто не знал, что она девушка. С тех пор как умерла мать Анны, она и ее брат-близнец были неразлучны, и когда его призвали в армию, она переоделась мальчиком и пошла с ним. Во время штурма Белграда брат Анны Фаласии был застрелен и, умирая, упал к ее ногам. Увидев его лежащим там, она разрыдалась. Они унесли его, а она оставила свой пост и последовала за гробом. Сержант окликнул ее. "Я Анна Фаласия, - воскликнула она, - я девушка, и теперь, когда мой брат мертв, я возвращаюсь".

Немку, переодевшуюся мужчиной, звали Мария Балка. Когда русские вторглись в Мемель в Восточной Пруссии, они убили Макса Балку. Когда его жена Мария увидела, что они сделали, она поклялась, что отомстит. Она переделалась мужчиной и записалась в армию. Ее никто не знал. Она была хорошим солдатом и прошла путь от рядового до капрала, а затем до сержанта. Она даже получила награду за то, что вошла в пятерку лучших стрелков своего полка.

В Ковно было взято в плен двадцать тысяч русских, и Марии Балке с двумя младшими офицерами и десятью солдатами было приказано доставить тысячу из них в Гумбиннен. Поездов не было, и им пришлось идти маршем. Приказы были строгими — если заключенный выходил из строя, его расстреливали. Времени на милосердие не было.

В деревне Пилвиски они прошли мимо хижины. В дверях стояла русская крестьянка. На руках у нее был ребенок. Увидев мужчин, она бросилась вперед с криком: "Питер! Питер Дорофф!" Заключенный вырвался из рядов и бросился к ней в объятия, хотя знал, что приказ означает смерть. Четверо немецких рядовых остановились, навели ружья и ждали приказа Марии Балки открыть огонь. Лицо Марии Балки пылало; она заставит по крайней мере одного русского страдать так, как страдала она. Это был ее момент. Но русская женщина бросилась к ногам Марии.

"Это мой муж, - взмолилась она, - не стреляйте в него. Он - все, что у меня есть".

Рука Марии, поднятая для подачи сигнала, задрожала, а затем упала.

- Марш! - скомандовала она удивленным солдатам.

"Вы можете оставить его себе", - сказала она перепуганной женщине. Когда Мария явилась в штаб, она объяснила, что она сделала, и сказала им, что она женщина. На следующий день она вернулась в Мемель. Ее жажда мести умерла.

Одна немка, Анна Мария Реймер, жена врача из Восточной Пруссии, семь месяцев проработала водителем легкового грузовика, и результатом ее опыта стала очень интересная книга *"Семь месяцев на Восточном фронте в качестве водителя"*. В этой книге она рассказывает, как довела свой автомобиль прямо до линии огня. Однажды, когда бои были очень ожесточенными, она четыре недели не раздевалась. Когда кайзер приехал на смотр своему полку, она прошла перед ним вместе с остальными солдатами. В феврале 1915 года она заболела лихорадкой, вызванной воздействием. Муж привез ее в Берлин. В своей книге она говорит, что никто не знает о бескорыстии и доброте солдат друг к другу, и она считает, что война оказывает облагораживающее влияние на мужчин.

Русские заключенные в немецком лагере для военнопленных в Цоссене всем скопом отправились к немецкому майору и попросили его убрать из их бараков русского заключенного Николаса Нисоффа. Они сказали, что он был одержим дьяволом и пытался околдовать их. Майор послал за Николасом Низовым, и тот пришел бледный и дрожащий.

- Николас Нисофф, - сказал майор, - сядьте и расскажите мне, в чем дело. Что ты такого сделала, что молчишь весь день и кричишь всю ночь?"

В покоем на амбаре кабинета майора было ниже нуля, но Николасу пришлось вытереть пот со лба, когда он, пошатываясь, опустился в кресло. Он начал с обрывочных предложений.

"Это произошло в Галиции. Утром мы взяли двести австрийских и венгерских пленных. Мы заперли их в разных местах, и в одной хижине, где их было тридцать, мне поручили нести

ночную вахту. Всю ночь напролет я расхаживал взад-вперед перед хижинкой. Было очень тихо, но наконец я услышал шум. Окно медленно открылось, и кто-то спрыгнул на землю. "Стой!" Я закричал: "Стой! Или я буду стрелять". Человек не остановился, поэтому я выстрелил в темноту. Я достал карманный фонарь, чтобы посмотреть, в какого венгра я стрелял, и увидел на земле стройную фигуру. Я посмотрел еще раз. Я не мог поверить в то, что увидел. Это была женщина! Ее чепец слетел, и длинные желтые волосы разметались по плечам. Я пощупал ее сердце. Оно перестало биться. И я, Николас Нисофф, убил женщину. И с тех пор я не могу заснуть, и ночью она приходит ко мне с развевающимися длинными волосами и, указывая на меня пальцем, говорит: "Николас Нисофф! Почему ты стрелял в меня?"

Закончив, Николас снова вытер пот со лба, а майор что-то записал на бумаге. На следующий день Николаса забрали и привезли в Берлин, где он получил работу на железной дороге. Сейчас он намного счастливее, и только время от времени призрак венгерской женщины приходит, чтобы преследовать его.

Хелен Лиховиц! Когда они пришли за Иваном Лиховицем, Хелен умоляла их не забирать ее мужа. По ее словам, он был болен. Но это ничего не изменило, и три недели спустя он был в окопах. Однажды он так сильно закашлялся, что потерял сознание. Но когда он пришел в себя, над ним склонилась Хелен Лиховиц.

"Я пришла позаботиться о тебе", - сказала она. Они были вместе три недели. Хелен выполняла ту же работу, что и мужчина, и большую часть работы Ивана тоже. В сильный мороз в декабре прошлого года немцы ночью атаковали. Русским было приказано атаковать. Иван, спотыкаясь, брел вслепую, и Хелен поддержала его, когда ей показалось, что он вот-вот упадет. Когда они прошли немного, с немецкой стороны раздался сильный рев, за которым последовал залп пуль, в воздухе разорвались снаряды.

Вечером приехали немецкие санитары, чтобы спасти, что могли, лежащих там бедняг. Иван был мертв, но Элен отнесли в полевой госпиталь. Немецкий врач сделал все, что мог, чтобы спасти ее, но Хелен Лиховиц не хотела жить. Она сказала, что ее работа закончена. Через три дня она умерла, держась за руку заплаканного немецкого врача.

- Иван Лиховиц! - позвала она тихим голосом. - Я иду!

КАК ОТНОСИЛИСЬ К АМЕРИКАНЦАМ В ГЕРМАНИИ.

"Вильсон порывает с Германией!" Так объявила *Б.З. ам Mittag* в полдень в воскресенье 5 февраля 1917 года. Это был очень холодный день, почти самый холодный за всю ту долгую холодную зиму. Мурашки пробежали у меня по спине в нашей холодной квартире, но этот хедлайнер заморозил меня до костей.

"Уилсон порывает с Германией". Это типичный немецкий хедлайнер. В немецких газетах никогда не говорят "Америка", а всегда "Уилсон", и во всем винят именно Уилсона, а не американский народ.

В понедельник после перерыва американцы столпились у посольства. Мы все были чрезвычайно взволнованы. Одни говорили о том, чтобы "уйти", а другие о том, чтобы "остаться на ночь". Все что-то говорили, но большинство из нас говорили: "Мы подождем и увидим". Когда война была действительно объявлена, мы восприняли это гораздо спокойнее, мы привыкли к эмоциям.

Наш разрыв отношений был воспринят немецким народом очень спокойно. Это было не лестно, и я почувствовал, что они должны проявить немного ужаса и эмоций из-за того, что величайшая страна в мире была против них. Но немецкий народ в некотором роде ошеломлен своими эмоциями, и единственная настоящая эмоция, которую он испытывает, - это желание мира. Мир - это все, о чем они думают и к чему стремятся.

Когда наше посольство уехало, все оставшиеся американцы пошли на вокзал провожать их. Ночь была слякотная, снежная. Повсюду были немецкие полицейские, и нам пришлось предъявить пропуски, чтобы пройти к поезду. Платформа была полна людей, и люди, которые уезжали, высовывались из окон поезда. У окна мистера и миссис Джерард собралась небольшая толпа. В толпе я увидел двух человек из министерства иностранных дел Германии, доктора Редигера и герра Хорстманна. Доктор Редигер был умным молодым немцем, который подвергал цензуре большинство статей корреспондентов американских газет. Его английский был безупречен.

Когда поезд тронулся, раздалось слабое "Ура", и люди спустились по ступенькам, без посольств.

Сразу после перерыва герр Циммерман заявил, что американцам в Германии следует проявлять максимум вежливости, обращаться с ними как с нейтральными и о любой невежливости немедленно сообщать ему.

С нами ничего не происходило примерно до первого апреля, когда всех американцев вызвали в Военную комендатуру, и здесь нас выстроили в очередь и зарегистрировали. *Военные* посоветовали нам вернуться домой. Министерство иностранных дел также дало нам этот совет. Даже американцам посоветовали уехать, и никого из них не задержали.

В конце апреля американцы получили уведомления о том, что им придется каждый день являться в местную полицию, чтобы получить официальные печати. Кроме того, они не могли переезжать из одного города в другой без специального разрешения, на получение которого уходило три недели, также они не могли выезжать в пригороды Берлина без разрешения — последнее включало Грюневальд. Единственным светлым пятном было то, что мы могли гулять по ночам так поздно, как нам хотелось.

Но для большинства американцев это длилось недолго, и они отделялись репортажами только раз в неделю, а у некоторых из них были постоянные разрешения на посещение определенных мест в пригородах Берлина. Поскольку я ожидал покинуть Германию, я никогда не просил ни одного из этих разрешений, потому что идти за чем-либо в Военную комендатуру было ужасной задачей, потому что там всегда было так много людей, ожидающих, что на получение чего-либо уходило полдня. Но я перестал ходить в полицию каждый день. Американцам не разрешалось ездить ни в Потсдам, ни в Шпандау, в Потсдам из-за королевских резиденций, а в Шпандау из-за военных складов. Если вы отправлялись куда-либо без разрешения, вас штрафовали на двадцать марок и грозили тюремным заключением.

Я жил в пансионе, где было много немецких офицеров, и на все экскурсии, которые устраивали в стране пансионеры, меня просили сопровождать. Офицеры были очень милыми людьми, и они сказали, что защитят меня, если что-нибудь скажут о том, что у меня нет разрешения, но я никогда не ездил с ними, потому что я не похож на немца и боялся, что меня поймают. Я всегда оставался в рамках закона.

Я прожил в этом пансионе семь недель незадолго до того, как покинул Германию, и могу честно сказать, что никогда не слышал ни слова против моей страны. Когда я впервые приехал туда, я волновался, потому что боялся, что они наговорят мне гадостей об Америке, и что я отвечу им тем же, и, возможно, у меня будут неприятности, и меня арестуют и продлят под стражей в Германии. Но ничего подобного не произошло. Мы почти никогда не говорили о войне — никто в Германии не говорит о войне так, как мы здесь, в Америке, — мы говорили о том, что бы поесть.

В этом пансионе я подружился с очень милой маленькой немецкой девочкой. Однажды мы разговаривали, и она сказала мне: "Мы с тобой стали очень хорошими друзьями. Я бы никогда не помирился с тобой, если бы ты была англичанкой, но мы, немцы, не испытываем ненависти к Америке". И я обнаружил, что это верно в отношении большинства немецкого народа — я не говорю о высокопоставленных чиновниках и большой *армии*, поскольку я ничего не знаю об их чувствах, — но немецкий народ, у него нет ненависти к нам.

Амелия, горничная из пансиона, удивила меня однажды, спросив, была ли Америка в войне. Когда я сказал ей "да", она захотела знать, на чьей стороне, и когда я ответил ей, она сказала: "*Доннерветтер*, у нас так много врагов, что я не могу за ними уследить. Но я хочу поехать в Америку, и я поеду туда после войны".

Везде, где я бывал, я встречал немцев, которые хотят переехать в Америку после войны; каждый сотрудник полиции, о котором я сообщал, хочет переехать.

Все это время в Америке распространялись всевозможные слухи. Моя семья узнала, что меня держали в качестве заложницы, а в другом сообщении говорилось, что американка в Дрездене была застрелена как шпионка. Даме позвонил мистер Освальд Шуэтт, американский корреспондент, и дама сама сняла трубку. Она впервые услышала об этом.

Лично я никогда не слышал об американце, с которым плохо обращались. Я слышал об одном американце, который много дулся и болтал, и его заставляли дважды в день являться в полицию, и он должен был быть там в восемь часов вечера, но когда он получил билет в Америку, ему разрешили покинуть страну. Все американские деловые дома были открыты в обычном режиме, и никакая американская собственность не была уничтожена, а деньги не конфискованы. Конечно, когда приходится каждую неделю ходить в полицию, возникает ощущение, что находишься на вражеской земле, и это действительно действовало мне на нервы. И все же все были добры ко мне, и я был там через пять месяцев после перерыва.

Немецкий народ больше всего верит в свои подводные лодки, и большинство считает, что война закончится до того, как Америка действительно в нее ввяжется. Для них Америка кажется далекой. Они не знают нашей мощи, и они надеются, очень надеются, что война скоро закончится. Спросите любого немца, когда закончится война, и ответ будет: "Через два месяца". "Это не может продолжаться долго", - говорят они.

Я ПОКИДАЮ ГЕРМАНИЮ 1 июля 1917 года.

Границу на выезде из Германии пересечь легче, чем любую другую границу в Европе. Это утверждение относится и к нейтральной Дании, где с меня чуть не сорвали одежду в поисках золота. Вам не разрешается вывозить золото из Дании. Есть две причины, по которым границу Германии легко пересечь. Во-первых, большинству людей, которые приезжают из Германии, не терпится уехать, и они боятся что-либо скрывать, потому что, если это обнаружат, их отправят обратно и задержат. Вторая причина заключается в том, что немцы не выдают подозрительным лицам разрешения на выезд из страны.

За день до вашего прибытия на границу с Германией тамошние чиновники знают о вас все. Они знают историю вашей жизни и каждый шаг, который вы совершили в Германии. Они знают, следует ли вас тщательно обыскать или подвергнуть формальному досмотру. На границе они не задают вам никаких вопросов, поскольку все было отправлено им военным командованием в Берлине. Американский газетчик в Копенгагене сказал мне, что если человек у дверей досмотровой комнаты на границе назовет вам низкий номер, вас тщательно обыщут, а если вам дадут высокий номер, вас вообще почти не обыщут.

Иностранцу — нейтральному или враждебному — требуется не менее трех недель, чтобы получить разрешение на выезд из Германии ; это если только у вас нет влияния, и тогда это можно сделать за несколько дней. Но это влияние должно быть мощным, поскольку военные власти очень строги.

Обычный способ получить разрешение - подать официальное заявление в местную полицию. Это заявление должно быть составлено очень вежливо. I wrote out my application so, "*Ich ersuche um Erlaubnis, nach Amerika zu gehen.*" Мой местный полицейский был в ужасе от этого. "Это недостаточно вежливо, - сказал он, - вы должны отнести это домой и переписать". Поэтому я написал письмо, начинающееся так: "Достопочтенные джентльмены, я вежливо прошу оказать мне честь попросить вашего милостивого разрешения покинуть Германию и т.д." Это письмо произвело большое впечатление на полицейского.

После некоторого ожидания, и если полиция обнаружит, что у вас нет судимости, вы получите уведомление о явке в военную комендатуру в определенный день. Там вы найдете свое разрешение или *паспорт*, ожидающий вас. Дежурный солдат спрашивает вас, в какой день вы хотите выехать, а затем он дает вам день до этой даты и день после этой даты — три дня, в течение которых вы можете отправиться в путь.

Затем солдат берет стопку бумаг — около двадцати листов, кладет их — вместе с вашим пропуском, четырьмя фотографиями и вашим пропускным билетом — в конверт и велит вам идти в полицейское управление. Затем начинается ваша беготня, и вам потребуется не менее двух дней, чтобы получить все необходимые печати. Затем вечером накануне отъезда из страны вы должны пойти в местную полицию и зарегистрироваться. Если вы забудете это сделать, вас отправят обратно с границы.

Вам не разрешается вывозить с собой из Германии какие-либо письменные работы любого рода, печатные материалы, книги и т.д. без предварительной проверки цензурой. У них есть место, где письма читаются и запечатываются, и если у вас много книг, они присылают к вам домой солдата. Он просматривает бухгалтерские книги и упаковывает ваш сундук, а затем опечатывает его, и на границе его больше не открывают. Вы платите солдату одну марку в час за работу.

Вам не разрешается вывозить из Германии ничего, что может понадобиться Германии, — никаких инструментов и электроприборов; то есть, если эти вещи были куплены в Германии. Если это что-то иностранного производства, вы можете взять это с собой.

У меня была маленькая электрическая плита, которую я очень любил, и я знал, что если я когда-нибудь поеду с этой плитой на границу, у меня ее заберут через минуту, потому что она была новой и немецкого производства. Я пошел к своему знакомому влиятельному человеку в Министерстве иностранных дел и спросил его, не заклеит ли он для меня мою плиту. Он рассмеялся, но сказал: "Министерство иностранных дел Германии не может заклеить плиту". Я был разочарован, но не обескуражен и обратился в военный отдел Министерства

иностранных дел с просьбой помочь мне получить разрешение перевезти мою плиту через границу.

Вам разрешено вывезти из Германии тысячу марок, поэтому я обменял все свои деньги сверх этой суммы на шведские. Я отнес его доктору Редигеру, цензору, и попросил его запечатать его для меня.

- Сколько у тебя марок? - спросил он.

"Вообще никаких марок, - ответил я, - это шведские деньги". Поскольку он был милым, рассудительным, умным человеком, он больше не задавал вопросов, но запечатал это для меня.

Я выехал из Берлина в воскресенье. Поезд был почти пустой. В одной руке у меня были деньги, а в другой - моя драгоценная плита в футляре, похожем на "кодак". В Ростке к нам подошел мужчина и попросил показать наши паспорта. Он только взглянул на паспорта немцев, ехавших со мной в купе, но взял мой пропуск и написал длинный список на листке бумаги. Люди в купе уставились на меня.

В полдень мы прибыли в Варнемюнде. У дверей военной таможни нам дали номер. Мой был "J 19". Затем мы вошли в комнату, где солдат назвал цифры. Всего нас было около тридцати человек, я был единственным врагом — остальные были немцами и датчанами. Когда мужчина позвонил по телефону "J 19", я протянул ему свой пропуск и разрешение. "Oh, а *Passierschein*." - сказал он. Пропуска были просунуты в маленькую щель в стене, и как только мы прошли проверку пропусков, нас пропустили в комнату, где проверили наш багаж.

Когда я вошел в комнату, вперед выступил солдат. В руке у него был мой пропуск. - Как вас зовут? - спросил я. - спросил он, и этот вопрос был единственным, который мне задали, когда я пересекал границу Германии.

Солдат в черной форме первым открыл мой багажник. Я показал ему разрешение, которое у меня было на печку. Он посмотрел на запечатанные пакеты, а затем передал меня другому солдату в сером. Этот солдат снял обертку со всех моих запечатанных посылок, а затем спросил, есть ли у меня в сундуке еще какие-нибудь письма или книги, и когда я ответил "Нет", он снова закрыл сундук, не вынимая из него ни одной вещи и вообще не глядя на нее. Этот человек довольно хорошо говорил по-английски, и когда я спросил его, где он этому научился, он ответил: "Разговариваю с маленькими американскими детьми, которых я знаю".

Затем он сказал мне, что меня придется обыскать, и назвал номер "91". Он отнес мой багаж в раздевалку. Здесь женщина обыскала меня. Мне пришлось снять юбку, талию и туфли, но я не была разорвана на части, и обыск был каким угодно, но не тщательным. Когда я вышел, мне снова выдали пропуск и сказали, что я могу сесть на лодку. Все представление заняло не более пятнадцати минут.

На пароходе датским чиновникам пришлось еще раз досматривать мой багаж, но это был всего лишь фарс, поскольку они достаточно хорошо знали, что никто не пытался ничего вывезти из Германии. Ужин на теплоходе в Варнемюнде был замечательным — все по возможности и без карточек. Мы все сели и ели, ели и ели. После ужина милые девушки ходили вокруг и продавали самую замечательную клубнику. Но когда мы отсутствовали около часа, море стало очень беспокойным. После этого мы покинули лодку и сели на поезд на острове. Перед отправлением поезда мы все стояли в коридоре поезда и смотрели на лодку, которую только что покинули. Она была вся забрызгана по бокам красным. Все мы думали об одном и том же, а затем в тишине послышался писклявый голос маленькой немецкой

девочки: "*Ви шаде умри Эрдбир!*" И мы все повторили ее мысли: "Жаль, что так получилось с клубникой".

Примечание переписчика:

Исправлены очевидные опечатки.

Непоследовательная орфография и расстановка переносов в оригинальном документе сохранены.